
УДК 80+811.111+ 801.8+82+082.2

ББК 94

Z 40

Wydawca: Sp. z o.o. «Diamond trading tour»

Druk i oprawa: Sp. z o.o. «Diamond trading tour»

Adres wydawcy i redakcji: Warszawa, ul. S. Kierbedzia, 4 lok.103

e-mail: info@conferenc.pl

Cena (zł.): bezpłatnie

Zbiór raportów naukowych.

Z 40 Zbiór raportów naukowych. „Współczesne tendencje w nauce i edukacji„.
(27.02.2014 - 28.02.2014) - Warszawa: Wydawca: Sp. z o.o. «Diamond trading tour»,
2014. - 112 str.

ISBN: 978-83-64652-15-8 (t.5)

Zbiór raportów naukowych. Wykonane na materiałach Międzynarodowej Naukowo-
Praktycznej Konferencji 27.02.2014 - 28.02.2014 roku. Olsztyn.

Część 5.

УДК 80+811.111+ 801.8+82+082.2

ББК 94

Wszelkie prawa zastrzeżone.

Powielanie i kopiowanie materiałów bez zgody autora zakazany.

Wszelkie prawa do materiałów konferencji należą do ich autorów.

Pisownia oryginalna jest zachowana.

Wszelkie prawa do materiałów w formie elektronicznej opublikowanych w zbiorach
należą Sp. z o.o. «Diamond trading tour».

Obowiązkowa odniesienia do zbioru.

Warszawa 2014

ISBN: 978-83-64652-15-8 (t.5)

"Diamond trading tour" ©

SPIS /СОДЕРЖАНИЕ

SEKSCJA 22. FILOLOGIĘ. (ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ)

1. Ключникова И. В.....	5
СПОСОБЫ ИЗОБРАЖЕНИЯ АДА И РАЯ В ПРОИЗВЕДЕНИИ КУРТА ВОННЕГУТА «БОЙНЯ НОМЕР ПЯТЬ, ИЛИ КРЕСТОВЫЙ ПОХОД ДЕ- ТЕЙ».	
2. Левченко А. О.	9
МОРАЛЬНЕ ПАДІННЯ ЛЮДИНИ У ПОВІСТІ І. ФРАНКА «ВОА CONSTRUCTOR»	
3. Трепачко А.Н.	13
ИЗМЕНЕНИЕ СЕМАНТИКИ СЛОВА В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ	
4. Сидамонидзе Т.Дж.	19
ЛИТЕРАТУРНО-ТВОРЧЕСКИЕ КОНТАКТЫ (Г. ТАБИДЗЕ И А.ПУШКИН)	
5. Глуцишин Є.Р., Ковальська Г.Є.	24
УКРАЇНА, ЯК І ВЕЛИКИЙ НАШ КОБЗАР, – ВІЧНІ	
6. Zhyryk U., Pikush O.	27
FLORAL SYMBOLISM AS IMPORTANT ETHNIC COMPONENT IN ENGLISH AND UKRAINIAN FOLKLORE	
7. Кулієвич М.С.....	32
ОСОБЛИВОСТІ ВИКОРИСТАННЯ СПОЛУЧНИКІВ У ТЕКСТАХ ВІРШІВ КЛИМЕНТІЯ ЗІНОВІЄВА	
8. Маймакова А.Д.....	39
О ПРОБЛЕМЕ ОПИСАНИЯ ПРОИЗВОДНЫХ СЛОВ В ТОЛКОВЫХ СЛОВАРЯХ	
9. Сахарнюк О.М.	46
ЛЕКСИЧНІ ЗАСОБИ ВИРАЖЕННЯ ЕМОЦІЙ В АНГЛІЙСЬКІЙ МОВІ	
10. Труфанова И.В., Ковалёва Т.А.....	50
ГРУЗИНСКОЕ КОММУНИКАТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ: СОЦИАЛЬНЫЙ СИМВОЛИЗМ	
11. Плечко А.	59
СЕРЕДНЬОПОЛІСЬКІ ВІРУВАННЯ ПРО ВІТЕР ТА ЇХ НОМІНАЦІЯ	
12. Жовнірук З.Л., Ісаєва Г.Т.....	68
МОДЕЛЬ ПІДРУЧНИКА З ІНОЗЕМНОЇ МОВИ ДЛЯ СТУДЕНТІВ ПРИ- РОДНИЧИХ СПЕЦІАЛЬНОСТЕЙ УНІВЕРСИТЕТУ	
13. Danyushina Y.V.	71
ISLAMIC DISCOURSE 2.0 – A LINGUA-CULTURAL SURVEY	

14. Оразымбетов Ч.А., Кдырбаева Г.К.	72
ДИМИНУТИВНОСТЬ ВЕРБАЛИЗИРУЮЩИИ КОНЦЕПТОСФЕРУ «ЧЕЛОВЕК» В КАРАКАЛПАКСКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА	
15. Хомчак Е. Г.	76
КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ АМБИВАЛЕНТНОСТЬ ЛЕНИ В РУССКОМ ЯЗЫКОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ	
16. Березинская Н.А.	79
ПИСЬМЕННЫЙ ПЕРЕВОД НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ НА ИНОСТРАННЫЙ ЯЗЫК КАК ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ	
17. Гуменюк З.В.	82
ТРУДНОСТИ ПЕРЕВОДА КОМПЛЕКСНЫХ МЕДИЦИНСКИХ ДОКУМЕНТОВ НА НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК	
18. Камлович І.С., Сахарнюк О.М.	85
ПРОЕКТНА ТЕХНОЛОГІЯ ЯК ЗАСІБ ПІДВИЩЕННЯ МОТИВАЦІЇ СТУДЕНТІВ ДО ВИВЧЕННЯ АНГЛІЙСЬКОЇ МОВИ	
19. Киреева Л.В.	88
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ТИП ПРЕПОДАВАТЕЛЯ КАК ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ СТИЛЬ ОБУЧЕНИЯ	
20. Павлова К.В., Сахарнюк О.М.	91
ДІАЛОГОВІ ТЕХНОЛОГІЇ ЯК ЗАСІБ АКТИВІЗАЦІЇ ПІЗНАВАЛЬНОЇ ДІЯЛЬНОСТІ СТУДЕНТІВ У ВИВЧЕННІ АНГЛІЙСЬКОЇ МОВИ	
21. Попова Л.И.	94
ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ ВЗРОСЛЫХ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ	
22. Рамазанова Ш. Р.	97
КОМПОЗИТЫ В СОСТАВЕ РУССКИХ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ЦЕПОЧЕК	
23. Ратич М.Т., Тимчишин Л.С.	100
КОМП'ЮТЕР ЯК ЗАСІБ ІНТЕНСИФІКАЦІЇ ВИВЧЕННЯ ІНОЗЕМНОЇ МОВИ	
24. Сафиуллина Р.Р.	104
ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОЦЕНОЧНАЯ ФУНКЦИЯ МЕТАФОРЫ В РОМАНЕ ТЕОДОРА ДРАЙЗЕРА «СЕСТРА КЕРРИ»	
25. Орел И. В.	108
ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА НЕМЕЦКИХ ТЕКСТОВ	

Ключникова И. В.

Ставропольский государственный педагогический институт

СПОСОБЫ ИЗОБРАЖЕНИЯ АДА И РАЯ В ПРОИЗВЕДЕНИИ КУРТА ВОННЕГУТА «БОЙНЯ НОМЕР ПЯТЬ, ИЛИ КРЕСТОВЫЙ ПОХОД ДЕТЕЙ».

Ключевые слова: мотив, ад, рай, духовный кризис.

Двадцатый век является одним из наиболее противоречивых периодов в истории человечества. С одной стороны, это эпоха научного, технического, интеллектуального прогресса. С другой стороны, двадцатый век был веком глубокого духовного кризиса, переоценки традиционных ценностей и ломки издавна устоявшихся в сознании человека представлений о добре и зле. Кризис веры, имевший место как на Западе, так и в России, несмотря на разнообразие причин и последствий, оказал влияние на многие области человеческой деятельности, включая и литературу. Однако нельзя забывать, что, по словам Томаса Манна, «... Христианство ... является одним из двух устоев, на которых зиждется западная цивилизация; второй — античное Средиземноморье ... В такие тревожные времена, как наше... всякий скольконибудь вдумчивый и духовно свободный человек, не только несущийся по воле своего века, испытывает потребность вновь поразмыслить о непреложных основах, вновь их осознать и отстаивать. Критика, которой наш век подвергает христианскую мораль (не говоря уже о догме и мифологии), поправки, вносимые в нее соответственно современному жизнеощущению, как бы далеко они не заходили, как бы значительно они ее не преобразовывали, все же касаются лишь поверхности. Сокровенных глубин – всего того, что созидает, определяет и связует, христианской культуры людей Запада, того, что однажды будучи обречено, уже не может быть утрачено, они не затрагивают»[6, с. 212]. В это противоречивое время жил и творил американский писатель Курт Воннегут. В данной статье мы рассмотрим особенности взглядов и интерпретацию автором христианские мотивов в романе «Бойня номер пять».

Для начала – разберемся, что мы называем мотивом. При разности определений термина мнение исследователей сходится в том, что мотив – это сюжетобразующий

элемент текста. Для исследования мы примем определение мотива по Веселовскому, так как оно представляется нам более точным, ясным и лаконичным. По Веселовскому, мотив – «простейшая повествовательная единица», элементарная и далее неразложимая «клетка» сюжета, которая является семантически целостной. Например: борьба братьев за наследство, бой за невесту, похищение солнца» [5, с. 498].

Курт Воннегут родился в семье рабочих, убежденных атеистов. Поэтому всю жизнь относил себя к социалистам. Из чего можно сделать вывод, что Воннегут относился к христианской религии как сторонний наблюдатель и мог позволить себе достаточно смелые фантазии по поводу интерпретаций притч. Как «дитя своего времени» автор не сумел избежать вмешательства религии в литературу и также достаточно часто использует христианские мотивы, сюжеты и образы в своих романах. Один из них – «Бойня номер пять...». Именно это произведение мы рассмотрим подробнее, учитывая, что в нем Воннегут дает свое видение ада и рая – ключевых понятий христианского мировидения.

В романе «Бойня номер пять» противопоставляется мир героя во время войны и после. Казалось бы четкое разделение: война – ад, мир – рай. Картины второй мировой в романе живописно ужасны. Писателю удалось предать все так реалистично, просто потому что сам Курт Воннегут пережил описываемые события. Сначала главный герой Билли Пилигрим знакомится с Вилли неуравновешенным и жестоким малым, который, как позже выясняется ненавидит Вилли и мечтает убить его. Никак иначе, кроме как адовой, не назовешь обстановку в вагонах, в которых везут пленных. Пассажиры лежат и спят по очереди, поезд не останавливается, и им приходится испражняться под себя, а отходы выбрасывать через узкий проем в стене.

То ли дело послевоенное время – покой, уютный дом, жена и дети. Казалось бы это должно стать раем для бывшего солдата. Но, пережив военную депрессию, Билли Пилигрим начинает сходить с ума и рассказывать всем о похищении его инопланетянами. Герой рассказывает всем, что он побывал на планете Трафамальдор, где обменялся опытом с инопланетянами. Пришельцы якобы научили видеть его реальность в любой момент времени – прошлого, настоящего или будущего. Его слова как бы подтверждает стиль повествования. Автор все время перескакивает из одного времени и места в другое совершенно необоснованно и беспричинно с точки зрения логики. Билли якобы может прожить любой момент своей жизни прямо сейчас. Но мечтает он о тех временах, когда был закрыт под стеклянным колпаком вместе с кинозвездой, диваном и телевизором. Они занимались любовью, ели и спали. Телевизор не работал. Он был только декорацией для демонстрации жизни землян инопланетянам, которые приходили поглазеть на людей как в зоопарк. Возможно, так Курт Воннегут показал «рай» современного человека – мир низменных потребностей и удовольствий.

Однако «ад» героя романа также двойственен. В библии подробного и развернутого описания ада нет. Но из отдельных фраз пророков можно сделать вывод, что ад представляется в двух образах. Первый – геена огненная, то есть там – в аду – есть жар и пламя. Других подробностей не дается. Второй вариант – ад – могила. В библии он называется «шеол», что и означает могилу: тесное закрытое пространство, где человек уже ничего не видит и не чувствует. Он уже не существует. В романе есть и огонь – бои с немецко-фашистскими войсками, перестрелки, расстрелы, бомбежка.

Практически могилой, только братской, для Билли становится вагон поезда, в котором его везут в плен. Пленных на протяжении многих дней не выпускают из вагона даже в туалет. Люди лежат по очереди. Сознание Билли часто отключается.

И ад, и рай разные пророки описывают по-разному. Ад как место с огнем, геену огненную описывается в притче о богаче и Лазаре: *«И в аде, будучи в муках, он поднял глаза свои, увидел вдали Авраама и Лазаря на лоне егои, возопив, сказал: отче Аврааме! умиосердись надо мною и пошли Лазаря, чтобы омочил конец перста своего в воде и прохладил язык мой, ибо я мучаюсь в пламени сем»*. В большинстве же упоминаний ад, преисподняя или «шеол» не описаны подробно и изображаются как могила, место забвения: *«Если бы я и ожидать стал, то преисподняя (в ориг. шеол – ад. – Прим. авт.) – дом мой; во тьме постелю я постель мою; Гробу скажу: ты отец мой, червь: ты мать моя и сестра моя. Где же после этого надежда моя? и ожидаемое мною кто увидит? В преисподнюю (в ориг. шеол (ад). – Прим. авт.) сойдет она и будет покоиться со мною в прахе»* [3, с. 14].

Рай же видится и как город из драгоценных камней, место, где будут дружить волк с ягненокм и где люди приравняются к ангелам.

«Ибо вам открыт рай, насаждено древо жизни, предназначено будущее время, готово изобилие, построен город, приготовлен покой, совершенная благость и совершенная премудрость. Корень зла запечатан от вас, немощь и тля сокрыты от вас, и растление бежит в ад в забвение. Прошли болезни, и в конце показалось сокровище бессмертия...» [2, с. 52]. *«И увидел я новое небо и новую землю, ибо прежнее небо и прежняя земля миновали, и моря уже нет. И я, Иоанн, увидел святой город Иерусалим, новый, сходящий от Бога с неба, приготовленный как невеста, украшенная для мужа своего.... Основания стены города украшены всякими драгоценными камнями: основание первое яспис, второе сапфир, третье халкидон... Улица города— чистое золото, как прозрачное стекло...»* [4, с. 21].

«Тогда волк будет жить вместе с ягненокм, и барс будет лежать вместе с козленком; и теленок, и молодой лев, и вол будут вместе, и малое дитя будет водить их...» [2, с. 52].

Постоянной сменой пространственно-временных планов автор как бы перемешивает время и место действия и показывает совсем небольшой разрыв между ними и в это же время – тесную связь. Так и в библии нет четкого разделения ада и рая. Автор также показывает в романе, что рай для каждого человека представляется по-своему. Для кого-то вяло текущая, но стабильная жизнь и семьей и домашним уютом представляется главной целью и благом жизни. Для кого-то – чувственные наслаждения, удовлетворение физических потребностей и полная беззаботность.

Таким образом, библейские описание ада и представление ада на земле в романе Воннегута практически совпадают, учитывая, что в священном писании нет подробностей об этом месте. Рай же Воннегут показывает таким, каков он для большинства современных ему людей. Но при этом он заставляет засомневаться в таком «наивысшем благе». Нельзя сказать точно, руководствовался ли Воннегут при написании произведения библейскими описаниями. Но то, что его представления ада и рая перекликаются с христианскими доказывает архетипичность этих образов.

Литература:

1. Курт Воннегут «Бойня номер пять, или Крестовый поход детей». М.: АСТ, 2006.
2. Библия// Ветхий завет – Книга Исаия//Третья книга Ездры.
3. Библия// Новый завет – Евангелие от Луки (16: 23-24)// Иов (17:13-16).
4. Библия//Откровения Иоанна Богослова.
5. А. Н. Веселовский. Историческая поэтика. – Л.: Худож. лит., 1940.
6. Томас Манн Собрание сочинений в 10 томах. М.: Худ. Лит., 1961 — т. 10.

Левченко А. О.

студентка 5 курсу філологічного факультету
Мелітопольського державного
педагогічного університету
імені Богдана Хмельницького
м. Мелітополь

МОРАЛЬНЕ ПАДІННЯ ЛЮДИНИ У ПОВІСТІ І. ФРАНКА «VOA CONSTRICTOR»

Ключові слова/keywords: роман/novel, ретроспекція/retrospection, натуралізм/naturalism.

Проза Івана Франка – непроминальне явище в історії української та європейської культури. У ній поєднується не тільки бачення світу з широким у часі розкриттям людських характерів з їх соціально-психологічним історизмом, глибоко національним духом і колоритом, а й водночас і з загальнолюдським змістом. Глибоко та всебічно намагалися вивчити художню творчість письменника вже з XIX ст., але справжнє піднесення переживає франкознавча наука наприкінці XX – на початку XXI ст. Безперечно, провідна роль у її розвитку належить літературознавцям Львова, зокрема вченим Львівського національного університету імені Івана Франка: Р. Голод («Натуралізм у творчості Івана Франка: до питання про особливості творчого методу Каменяра»), М. Гнатюк («Іван Франко в літературно-естетичних концепціях його часу»), І. Денисюк («Про два типи новели у творчості Івана Франка», «Способи оповіді в малій прозі Івана Франка»), М. Легкий («Форми художнього викладу в малій прозі Івана Франка»), Т. Пастух («Романи Івана Франка»), С. Пилипчук («Галицько-руські народні приповідки»: пареміологічно-пареміографічна концепція Івана Франка»), І. Ціхоцький («Мова прози Івана Франка (стилістичні новації)») та ін.

Рання прозова творчість І. Франка має виразні ознаки натуралізму, творчого напряму, що був досить таки показовим для європейських літератур того часу. Саме натуралізм давав йому можливості для реалізації своїх естетичних задумів. Р. Голод зазначав, що натуралізм та документалізм Франкових творів підривав романтичні конфлікти й моралізаторсько-сентиментальні повчання творів «народовського» спрямування [2, с. 12].

Об'єктивний науковий метод зображення письменник поєднує з просвітницькою тенденцією в оповіданні «Ріпник», повістях «Воа constrictor», «На дні», де віра в природну, добру, здатну до морального відродження людську натуру, переважає об'єктивний аналіз психофізіологічного й соціального виродження та вносить у твори елементи моралізаторства, сентименталізму. Важливою ознакою цих творів є просвітницька критика згубного впливу на людину соціального середовища [3].

У такому річищі показовою є повість «Воа constrictor», що засвідчила творче зростання талановитого автора, ознаменувала якісно новий етап у розвитку української реалістичної прози. Вона відзначалася постановкою гострих соціальних

проблем, особливо проблемою морального падіння людини, створенням типового образу представника нової буржуазії.

Молодий письменник прокладав дорогу робітничій темі в усіх слов'янських літературах. Вихований в інших історичних умовах, перебуваючи під впливом марксистського вчення, митець зумів правдиво показати огидне ество капіталу, його зовнішню могутність і внутрішню безсильність [4, с. 53].

У «*Voа constrictor*» митець розкриває передумови зародження нафтових промислів у Дрогобичі й Бориславі, тісно пов'язуючи з ними долю персонажів, зокрема Германа Гольдкремера. Письменник у натуралістичному напрямі зобразив саме той історичний час, коли українське село було віддане на поталу і пограбування капіталові.

Центральний персонаж повісті Герман Гольдкремер – особистість складна і неоднозначна. Франкові герой був цікавий насамперед як людина, а потім – як багатий власник нафтових ям. Ось чому у повісті відчувається певна симпатія автора до нього. О. Слоньовська підкреслює, що митець більше уваги приділяє психологізації образів, – деталізації окремих епізодів, подій, пов'язаних з життєвими перипетіями Германа на шляху до великого капіталу [4, с. 29].

Для кращого, повного змалювання образу автор зберігає своєрідний прийом побудови твору – принцип ретроспекції. Володар кількохсот нафтових закопів Гольдкремер береться за облікову книжку, щоб звести рахунки за тиждень, і в цю хвилину перед його очима «промайнули тяжкою хмарою перші літа його молодості» [5, с. 329]. Письменник кілька разів навмисне перериває спогади, щоб показати сучасне обличчя колишньогооноучкаря.

Читаючи твір, ми дізнаємося, що дитинство малогоГершка було дуже тяжким: напівсирітство, злидні, голод. Хлопчик не мав батька і материнської ласки теж не відчував, бо мати була жінкою гулящою, ледачою і нервовою: «Вона була, як усі ліниві і бідні, дуже уразлива і люта, а в опалості не перебирала, кого б'є, чим і куди ... раз мати потягла йогопо голові патинком так сильно, що повалився на землю, обілятий кров'ю. Тоді вона хопила його за волосся, підняла догори, заліпила рану розіжваним хлібом, плюнула йому в рот, щоб утишити плач його, і вивергла за двері, мов песякавуляче» [5, с. 375]. І хоч ця жінка, умираючи, заборонила хлопчикові підходити до неї, бо знала, що має хворобу інфекційну, Герман до кінця життя так і не відчував вдячності до матері і намагався ніколи про неї не згадувати. Усе це вплинуло як на фізичне, так і психологічне здоров'я хлопця, заклало думку, що він не хоче бідувати.

Після смерті матері Герман був під опікою Іцика Шуберта. Це були справді щасливі роки підлітка. Він зміцнів після хвороби, навчився грамоти, письма, пробував торгувати. Життя в Губичах пізніше здавалося першому багачеві в Бориславі раєм. Дорослий і досвідчений він у найтяжчі хвилини буття завжди згадував трирічне перебування у Іцика, воно було теплим спогадом у багатому, але нещасливому житті Германа. У Іцика він отримав свій перший досвід торгівлі – вони їздили по селам і міняли онучі на різні дрібні предмети. Тут і навчився обдурювати сільських хлоп'ят, беручи інколи втриє більше онуч за товар.

І.Франко змальовує образ Германа у ці роки як простого безтурботного хлопця, який полюбляв гратися з сільськими дітьми, який був вдячний Іцику, що

прихистив його. Але нещасний випадок з Шубергом, змінив «супокийне сільське життя» [5, с. 391]. Далі, коли либає ропу в бориславських мочарах, герой постає вже як нещасна молода людина, що всією душею рветься до «хоч сякого-такого достатку» [5, с. 392]. І навіть через 20 років, не забув Герман свого першого робочого дня: «обхвотив його удушливий нафтовий сопух і швидко погасив перед ним і сонце, і денну ясність, прогнав з перед нього запах цвітів, заглушив співи пташків, перемінив його в якусь тяжку глинисту масу, що котиться далі горою, давлючи і гнетучи все – оживлену тільки жадобою грошей, зиску, багатства» [5, с. 394].

Письменник показує моральне падіння головного героя, усі його цінності у житті зводяться до матеріальних. Разом із цим автор наділяє його величезною силою характеру (Герман працює вдень і вночі, не жалючі себе), витонченим розумом (він не впускає жодної можливості заробити ще більше), але все підпорядковується одній-єдиній меті – накопиченню.

Взаємодопомога і взаємовиручка, які були характерними для бідних людей Борислава, різко контрастують із хижацтвом і тупою бездушністю Германа Гольдкремера. Нічиєю долею він не переймався, страждання людей не породжувало в ньому співчуття. Він вже не міг схаменутися; лише нажива, гроші збуджували його нервову систему, тримали при житті, хоч, фактично, життя проходило повз нього, бо він зробився ходульним статистом на підмостках капіталістичного театру.

У повісті Франко спонукає читача до роздумів. Він показує риси ненажерливості і дріб'язковості, які характеризують вчинки експлуататора. Гольдкремер звернув увагу на те, що земний віск, який досі викидали геть, використовується селянами замість лою для каганців. Герой одразу вбачив у цьому вигоду: відіславши до Відня на аналіз порцію відходів, він вирішив побудувати сховище, щоб не розтягали решту залишок, яким можна «надати форму товару» [5, с. 385].

Герман – жорстокий капіталіст. Знайомство Германа з Рифкою, майбутньою дружиною, виразно показує примітивність дівчини, її низький інтелект. Вона одразу призналася невідомому парубкові, що має гарне придане. Оскільки він саме в цей час був на межі банкрутства, то його зацікавила ця деталь. Очевидно, Гольдкремеру потрібна була не Рифка, а гроші, що зробили його своїм рабом.

Народження первістка Готліба нічого не змінило у житті головного героя. Готліб – здорова, але інтелектуально відстала дитина. Рифка так опікувалася ним, виховувала його у вседозволеності, хвилювалася за сина, аж поки він не став моральним покручем. Він ріс розбишакою, поступово перетворюючись на злочинця.

Герман Гольдкремер зовсім не цікавився сином, хоча це був його єдиний спадкоємець. Він не мав ні хвилини на виховання сина, а коли намагався щось зробити (піклувався про освіту, пробував зменшити вплив на дитину свавільної примітивної матері), Рифка звинувачувала, що він мучить дитину.

Готліб був постійно агресивний, ненаситний у бажанні розтринькувати гроші, непостійний у прагненнях, непередбачуваний у вчинках. Він відверто заявляє батькові про свою ненависть до нього і при цьому вимагає грошей. Задум Готліба задушити сонного Германа заради грошей відкриває йому очі на його жалюгідне життя, до нього приходять прозріння: «Боже,боже! За що ти покарав мене багатством?» [5, с. 433].

Узагальнюючи розгляд образу Германа, доходимо висновку, що у стосунках героя з переважною більшістю людей домінує соціальний характер: багатій поводитися так, як він і має поводитися, виходячи зі свого суспільного становища, на що вказує кінець повісті, коли він мусив знову стати тим, ким зробило його ціле життя – холодним, безсердечним спекулянтом. Проте саме тоді, коли герой дозволяє собі проявити свій індивідуальний характер, ми бачимо іншого Гольдкремера, який спрямовує свої зусилля на те, щоб відновити справедливість щодо окремої людини, наприклад, вдови Іванихи.

Межі статті не дали змогу багатовекторно розкрити характер персонажу. Підкреслимо, на нашу думку, образ головного героя трагічний, оскільки «боротьба за існування» позбавила його друзів, родини, можливості бути собою, відкрито виявляти звичайні людські почуття. Цей образ можна сприймати як художнє звинувачення суспільства, в якому людина для того, щоб вижити і досягти успіху, має відмовитися від щирості, людських почуттів, доброзичливого ставлення до інших людей. Ціною цього успіху стала втрата людяності, необхідність перетворитися на егоїстичного капіталіста.

Франко, використавши натуралістичний спосіб зображення, показав, що людина в соціальному процесі є жертвою, а сам процес — фатальним і ворожим.

ЛІТЕРАТУРА

1. Голод Р. Штрихи до генези Франкової повісті «Воаconstriktor» / Р. Голод // Українське літературознавство. – 2012. – Випуск 76. – С. 10 – 19.
2. Жулинський М. Історія української літератури XIX ст.: у 2 кн. Кн. 2: [підручник] / М. Жулинський // Режим доступу:http://www.ukrlit.vn.ua/info/history_xix/26.html
3. Севостьянова А. Іван Франко у дослідженнях Ю. Бойка-Блохіна / А. Севостьянова // Вісник таврійської фундації. – 2005. – Випуск 1. – С. 51–56.
4. Слоновьська О. «Боже, боже! За що ти покарав мене багатством?» : (Зіставлення різних ред. повісті І. Франка «Воа constriktor» та пробл. бізнесу у творі) / О. Слоновьська // Дивослово. – 2001. – № 8. – С. 28 – 31.
5. Франко І. Зібрання творів у 50 томах. Том 14 : Повісті та оповідання (1875 – 1878) / І. Франко // [за ред. І. Басса]. – К. : Наукова думка, 1978. – 476 с.

Трепачко Анна Николаевна

кандидат филологических наук, доцент
Северо-кавказского федерального университета

ИЗМЕНЕНИЕ СЕМАНТИКИ СЛОВА В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

Ключевые слова: интерпретация, внетекстовая ситуация, семантика текста, антонимические отношения, имплицированные элементы, реминисценция, пространство и время, внутренняя рифма, параллелизм

Keywords: interpretation, extra text situation, semantics of the text, antonimicheskyy relations, implitsirovanny elements, reminiscence, space and time, internal rhyme, overlapping

Ю.М.Лотман утверждал: «Стихотворение – сложно построенный смысл. Все его элементы суть элементы смысловые». [3, с 88]. Слово в тексте следует рассматривать как элемент текстовой структуры, который связан с другими элементами текста, а также с внетекстовой ситуацией. В отличие от прозаического текста текст поэтический предполагает такое строение, в котором лексемы обладают не только собственным значением. Причиной этому служит то обстоятельство, что слово всегда находится в определённом окружении, воздействующим на его семантику. Слово как единица языка отлично от слова в литературном его смысле. В поэтическом тексте слова оказываются наиболее связанными, что обусловлено жанровыми особенностями и законом лаконизма в подаче материала.

В стихотворении Самойлова сочетания слов представляют собой такие семантические значения, которые отличны от значений, обозначенных нормами обычного языка. Внетекстовая ситуация задаёт основной тон, на котором элементы текста обозначаются более чётко и повышается их семантическая нагруженность.

Не исповедь, не проповедь,
Не музыка успеха-
Желание попробовать,
Как отвечает эхо,

Как наше настоящее
Поёт морозной ранью
И как звучит стоящее
За вековую гранью.

В первой строке стихотворения выражаются антонимические отношения между исторически однокоренными словами, содержащими корень ВЕД (знать, вещать). Они отражают процесс противопоставления между лексемами. Аффиксы также в своей корреляции отражают противоположность значений. С.И.Ожегов даёт следующее толкование слову исповедь: признание в грехах, покаяние. Слово про-

поведь он толкует как распространение каких-либо идей, взглядов. Получается, что одно слово может быть сказано о себе самом, а другое является словом поучения. Отрицательная частица, стоящая перед каждым из слов, отвергает возможность применения того и другого. Слова при взаимодействии в тексте нейтрализуются в своём значении и выводят единственно возможный вариант существования нейтральной лексемы-СЛОВО. Оно имплицировано в тексте и знаменует собою семантическое ядро всей строки. Мы находим подтверждение теории Ю.Лотмана: «Установление всеобщих соотношений в поэтическом тексте лишает их самостоятельности, присущей им в общем языковом тексте» [3, с 89].

Заметим, что начало стихотворения фрагментарно: начинается с перечисления отдельных явлений. При таком положении создаётся впечатление, что речь уже имела начало, и конструкция имплицитно указывает на уже состоявшийся диалог. Далее имеем подтверждение нашему предположению. Вторая строка есть не что иное, как реминисценция из стихотворения Пастернака с его утверждением: «Мы были музыкой во льду». При создании стихотворения поэт передал понимание своего места в литературе от лица своего поколения поэтов. А. Зверев пишет о его произведении так: «За ним в «Высокой болезни» скрыта реминисценция из стихотворения Тютчева, посвящённом декабристам, где герои Сенатской площади названы жертвами мысли «безрассудной»; неужели они всерьёз надеялись своей кровью растопить вечный полюс? Пастернак знал, что этот подвиг никому не по силам и переставил ударение: для него важнее, что кровь не оскудевает, пусть люди остаются всё такими же прочными» [1, с 41].

Строка Самойлова не имеет завершения. Постановка тире в конце строки оказывается синонимична противительному союзу «а», создающему смысловую оппозицию двух первых и двух последующих строк, способствуя тем самым созданию лаконизма. Доминантный смысл всей строфы в целом складывается из взаимодействия этих оппозиций: главное в творчестве поэта не слово, не молчание, а отзвук на слово. Такое понимание слова является в поэтической сфере традиционным, уже утвердившимся в творчестве классиков: Пушкина, Тютчева.

Выражение Самойлова «музыка успеха» и выражение Пастернака «музыка во льду» находятся в тесной взаимосвязи, и каждое из них символизирует содержание поэзии, через общие смысловые семы раскрывается сущность предназначения и сила действия поэтического слова. В текстах создаётся одна большая развёрнутая метафора, определяющая слово как звучащее, имеющее отзыв. Самойлов представляет своим произведением идею поколений поэтов, находящихся в диалогических отношениях.

Вторая строфа представляет собой оппозиционные отношения, как и первая. Начальные две строки указывают на настоящее время, а две последние – на неопределённое. Это может быть время будущее, а может быть время настоящее. Обратим внимание на то, что носителем семантики в стихотворении является грамматический элемент-флексия. Лирическое «я» в произведении отсутствует: нет ни одного личного местоимения. Грамматический показатель – местоимение третьего лица множественного числа, следовательно, в стихотворении выражена не идея субъекта, а идея соборности. Исходя из вышесказанного, можно утверждать, что слово, даже если оно имплицировано в тексте, получает полноточность, является семантически на-

полненным благодаря внутритекстовым структурным элементам: грамматическим, лексическим, создающим окружение слову, а также смысловой, строчной и строфной оппозиции.

Б.Эйхенбаум, рассматривая приём внутренней рифмы у Лермонтова, отмечал, что он был заимствован у предшественников его и ссылаясь на Жуковского (его баллада «Замок Смальгольм»). В целом считал внутреннюю рифму редким явлением в пору поэтического расцвета Лермонтова. Эйхенбаум связывал употребление внутренней рифмы наряду с определённым размером. Он писал: «Стихотворение Лермонтова, как и стихотворение Жуковского, было написано трёхдольным размером, который характерен для жанра баллады. Недаром они (внутренние рифмы) господствуют в балладной поэзии, где требуется именно монотонность эпического сказа» [4, С 412]. Учёный отводил мелодике речи в поэзии наиважнейшее место. В стихотворении Лермонтова внутренняя рифма располагалась свободно и употреблялась неоднократно. Покажем это на конкретном примере:

Видали ль когда, как ночная звезда
В зеркальном заливе блестит,
Как трепещет в струях, как серебряный прах
От неё, рассыпаясь, бежит.

У Лермонтова основной функцией внутренней рифмы явилась функция мелодическая – создание монотонности, за которой скрывается опыт, характерный для глубокого вдумчивого размышления над совместимостью бытия природы и человека. Этот приём встречается у Ахматовой в цикле «Библейские стихи», в стихе третьем, «Мельхола», в котором героиня говорит о своём возлюбленном:

Не волей своею она говорит:
«Наверное, с отравой мне дали питьё»,
И мой помрачается дух,
Бесстыдство моё! Унижение моё!
Бродяга! Разбойник! Пастух!
Зачем же никто из придворных вельмож,
Увы, на него не похож?
А солнца лучи...а звёзды в ночи...
А эта холодная дрожь...

Экспрессии и эмоциональности героини противопоставлено спокойное, монотонное течение Вселенского времени, именно это течение и отражено с помощью использования приёма внутренней рифмы. Форма монолога включает рассуждение героини онтологически обоснованные. Она представляет себя отдельной от мира частицей. Ценностные ориентиры расставлены в целом так, что мир с его абсолютностью, бесконечностью, а, следовательно, с его тайнами и загадками приобретает большую весомость, чем лирическое «я», так как оказывается отдалённым от героини. Ей остаётся осознать эту отчуждённость, поэтому в стихотворении нет преодоления трагизма, а показана лишь реакция героя на трагедию, к которой мир Вселен-

ной остаётся равнодушным. Здесь совершенно уместной оказывается монотонность и незаконченность мысли героини.

В рассмотренных примерах приём внутренней рифмы выполнял не только мелодическую функцию, но и являлся, как мы убедились, носителем семантики. У Самойлова этот приём так же способствует созданию монотонности в эпическом сказе и способствует передаче воспоминаний о давности событий:

Сорок лет. Жизнь пошла за второй перевал.
Я любил, размышлял, воевал.
Кое-где побывал, кое-что повидал,
Иногда и счастливым бывал.

Онтологические размышления имеют место у поэта, как и у его предшественников. В отличие от творчества Ахматовой, насыщенного элементами экспрессии и трагизма, у Самойлова отмечается их преодоление. Трудности предстают перед ним как «светлая печаль». Мир природы и человека оказываются у поэта в тесной взаимосвязи. «Я» – частичка мира, «я» растворено в мире. Внутренняя рифма связывает по принципу аналогии мир природы и мир человека:

Гнев меня обошёл, миновала стрела,
А от пули – два малых следа.
И беда отлетала, как капля с крыла,
Как вода расступалась беда.

В первых двух строках идёт указание на лирического героя и на описание событий, произошедших во внешнем мире, неотделимых от сознания лирического героя. Тем не менее, внимание поэта больше сосредоточено не на событиях, а на самих особенностях этих событий, нашедших отражение во вселенской жизни, очевидно, потому, что жизнь вселенская сосредотачивает в себе вечные проблемы. Предложение, осложнённое придаточной частью: «И беда отлетала, как капля с крыла» контекстуально производно от имплицитно присутствующей в нём идиомы: «как с гуся вода». То есть образует смысловую сферу: беда не оставляла следа. В то же время смысловой параллелизм между миром природы и миром человека, образующий отношения единения с природой, указывает на тесную взаимосвязь явлений, происходящих в мире природы и в мире человека. Таким образом, мы усматриваем в употреблении приёма внутренней рифмы следование традиционной линии литературы. Внутренняя рифма оказывается интонационно значимой, семантически нагруженной и ярко отражает онтологию духа. В творческом диалоге с Ахматовой возникают у Самойлова довольно сложные переплетения – общий приём на синтаксическом уровне, общие тенденции к познанию смысла жизни (в рамках Вселенной) и смысла жизни природы. Но итоговые позиции авторов остаются различными: Ахматова осознаёт человека отдалённым и невзаимосвязанным с вселенским миром и выражает трагическое отношение к жизни с её тайнами и вечным течением; Самойлов внутренним человеческим потенциалом поднимается над мировыми загадками. Попытка проникнуть в тайны мира – естественное желание лирического героя, поэтому

третью строку следующей строфы следует рассматривать как содержащую в себе внутреннюю рифму, а не как вариативный повтор, при котором путём применения внутренней рифмы герой пытается установить связь времён между прошлым и будущим, а также между временем и пространством и человеком:

Взял один перевал, одолею второй,
Хоть тяжёл мой заплечный мешок,
Что же там – за горой? Что же там – под горой?
От высот побелел мой висок.

Пространство и время Ахматова считала враждебными человеку. В цикле стихов «Шиповник цветёт», в стихе «Наяву», прослеживается это убеждение. Употребление внутренней рифмы создаёт традиционную монотонность:

И время прочь, и пространство прочь,
Я всё разглядела сквозь белую ночь;
И нарцисс в хрустале у тебя на столе,
И сигары синий дымок.

В следующей строфе внутренняя рифма выполняет двойную функцию: может выполнять функцию сравнительного союза: И то зеркало, в котором, как в чистой воде. Однако, смысловое содержание, в таком случае начинает выражать несколько иной план.

И то зеркало, где, как в чистой воде,
Ты сейчас отразиться мог.

В такой конструкции слово «где» может восприниматься как вопросительное. В таком случае все названные в предыдущей строфе атрибуты становятся не бытующими, и смысл стихотворения перемещается в другую плоскость рассмотрения. Героиня уже не повествует о том, что именно она рассмотрела в белую ночь, а вопрошает: «Где то, в чём ты мог отразиться, где нарцисс, где дымок?». Этого нет, и поэтому стихотворение заканчивается трагично. Кольцевая рифмовка ещё более усиливает этот трагизм:

И время прочь, и пространство прочь...
Но и ты мне не можешь помочь.

Исходя из вышесказанного, мы вправе считать, что внутренняя рифма является не только носителем звукового оформления, но и смысловой нагрузки. Ю.М.Лотман отмечал : «Звучность рифмы зависит от смысла» [2, с 90]. Внутренняя рифма образует особенное сходство слов в звуковом отношении и сближает их в отношении смысловом. Это было рассмотрено нами при анализе приёма паронимии. Не случайно Самойлов в стихотворении «Прощание», в четвёртой строфе, выражает сильную экспрессию путём сопоставления сходных по звучанию слов, образующих

внутреннюю рифму шнурок – зарок. Шнурок в приведённом примере выступает как мрачный атрибут самоубийцы и как вещь, стоящая на грани между миром героя и миром Вечности. Герой решает: вернуться в мир или в мирок. Самоубийца выбирает мир потусторонний, и прибегает к «помощи» шнурка. Зарок был дан, а выбор – сделан. Союз, связывающий внутренние рифмы, является при этом уточнением названного атрибута: У Ахматовой зеркало приобретает конкретность среди однотипных атрибутов, у Самойлова – шнурок. У Лермонтова сравнительные союзы определяли конкретную постановку вопроса к конкретному явлению (замечание Б.Эйхенбаума), в тексте Ахматовой изменение или замена союза приводит к неоднозначному пониманию смысла.

Таким образом, приём внутренней рифмы образует связи между явлениями, а рифма при этом становится смыслообразующей и более звучной. Семантическая ёмкость слова и интерпретация текста зависит от мельчайших элементов текстовой и внетекстовой структуры. Имплицированные элементы являются элементами смыслообразующими, движущими авторскую мысль.

Примечания.

1. Зверев.А // Вопросы литературы. –М.,1996.Выпуск № 3. С.41-64.
2. Лотман Ю.М. Лекции по структурной поэтике.// Ю.М.Лотман и тартуско-семиотическая школа.-М.,1994.-С.90, 91.
3. Лотман Ю.М. Лекции по структурной поэтике// Ю.М.Лотман и тартуско-семиотическая школа. –М.,1994. –С.88.
4. Эйхенбаум.Б. О поэзии. –Л.,1969. С. 412.

**ЛИТЕРАТУРНО-ТВОРЧЕСКИЕ КОНТАКТЫ
(Г.ТАБИДЗЕ И А.ПУШКИН)**

Ключевые слова: литературные контакты, литературные взаимоотношения, взаимообогащение, аллюзия.

Keywords: literary contacts, literary relationships, mutual enrichment, allusion.

Великий грузинский писатель Илья Чавчавадзе полагал, что лучшие образцы грузинской литературы не только приравниваются мировым художественным шедеврам, но, иногда, и опережают их своей оригинальностью, достоинством и совершенностью. О талантливых же деятелях он писал: «Они знамениты тем, что, принадлежа душой и телом одному роду, своим творчеством показывают, какой вклад они вносят в русло, называемое человечеством, какой вклад вносят в сокровищницу мировой науки и искусства, которая принадлежит всем и двери которой открыты всегда всем без оглядки на расу и род» [1, с.87].

К числу этих созидателей, несомненно, принадлежит и Галактион Табидзе, ещё при жизни признанный королём поэтов.

Табидзе продолжил традиции грузинской классической поэзии, но, в то же время, явился новатором в создании новых форм поэтического изображения, которое требовала необходимость весьма сложный внутренний мир человека XX века.

В поисках нового Г.Табидзе, естественно, пережил влияние русской и европейской поэзии, но, образно выражаясь, он в то же время с трибуны грузинской поэзии стоял бок о бок с мастерами поэтического слова Европы и России [2, с.7].

Мы согласны с предположением литературоведа Н.Цховребова: «Русская литература широко проникла в Грузию; определённую роль сыграли здесь и личные контакты видных представителей этих национальных культур. Сравнительный анализ социально-эстетических, философских основ символизма в Грузии, главных его признаков показал, что явление это протекло в русле одноимённых явления в Европе и России; генетически восходило к одним и тем же началам, обладало такими же типологически родственными чертами» [3, с.93].

В поэтических творениях А.Пушкина и Г.Табидзе можно обнаружить ряд типологических соответствий. Именно на них и обратили мы свое внимание.

Увлечение пушкинской поэзией у Г.Табидзе началось в 10- годах XX века. В своем дневнике, статьях и письмах он часто обращается к пушкинским строкам. В одном из писем, которое поэт послал Ольге Окуджава в августе 1914 года, он передал свое душевное состояние словами русского поэта: «Мне тяжело, как смутное похмелье... ». Позднее, в 1956 году, на одном из своих автографов он написал: «думал написать многоточия вместо пропущенных глав так, как это у Пушкина в «Онегине».

«Литературные взаимоотношения осуществляются в разной форме, что, к сожалению, еще не достаточно точно сформулировано и квалифицировано», – писал Г.Цицишвили в 80-х годах XX века в книге «Эпоха и литература» [4,с.95]. Сегодня изучение литературных взаимоотношений носит масштабный и интенсивный характер, что обусловлено реальной действительностью (интересны в этом плане труды Н.Гаприндашвили, Л.Хихадзе, М.Квеселава, М.Миресашвили, И.Кенчошвили, Н.Цховребова и др.).

Когда Пушкин хотел отметить, что поэзия должна быть простой, он выразил это словами; «Поэзия, прости господи, должна быть глуповатой...», но позднее, уже без «прости, господи» – пишет:

Любви безумную тревогу
Я безотрадно испытал.
Блажен, кто с нею сочетал.
Горячку рифм: он тем удвоил
Поэзии священный бред,
Петрарке шествуя во след,
А муки сердца успокоил.

Именно «любви безумная тревога» и «поэзии священный бред» составляют львиную долю поэзии Пушкина и Табидзе.

Драма «Борис Годунов» и роман «Евгений Онегин» – пленительнейшие творения пушкинского гения, перечитываются Табидзе на протяжении всей жизни. Поэт хорошо знал и литературно-критическое наследие Пушкина, его работы, затрагивающие вопросы поэтического творчества [3, с.115].

В грузинской прессе имя Пушкина впервые появилось в 1829 году. Русский поэт посвятил Грузии стихотворения «На холмах Грузии», «Монастырь на Казбеке», «Кавказ», «Обвал»... Поэзия Пушкина была популярна в Грузии ещё при его жизни. Его стихи переводили А. Чавчавадзе, Гр. Орбелиани, И. Чавчавадзе, А. Церетели, Р.Эристави, впоследствии – Т.Табидзе, П.Яшвили, В.Гаприндашвили.

В своем воспоминании «Мой Галактион» Н.Думбадзе пишет, что король поэзии (Г.Табидзе) как-то ему сказал: «Лермонтова, Пушкина и Толстого следует читать на русском, а Галактиона – на грузинском». Далее Н.Думбадзе продолжает: «Какое блаженство – читать Галактиона по – грузински, и какое это несчастье – не суметь прочесть Пушкина на русском».

Н. Цховребов в вышеуказанном труде вспоминает полемику на страницах журнала «Цискари» по поводу одного пушкинского стихотворения: «Видимо, желая разобраться в сущности разногласий и подлинном звучании этого произведения, Г. Табидзе делает для себя такую запись: «Разве начало стихотворения «Дар напрасный, дар случайный» не свидетельствует о том, что речь идёт о философском смысле жизни, а не бытовой её стороне? Потому и ополчились против этого стихотворения противники поэта, и именно поэтому понадобился авторитет В. Белинского, выступившего в защиту этого произведения» [3, с.115].

Помимо вышеуказанных стихотворений («Кавказ», «Обвал», «Монастырь на Казбеке»), в которых отражена великолепная природа Кавказа, Пушкин намеревался

написать большую поэму «Тазит», в которой был бы отражен конфликт между горцем Тазитом, принявшим христианство, и окружающей его общественной средой. Однако произведение осталось незавершенным.

У Галактиона Табидзе также осталась незавершенной поэма «Пушкин», в которой подчеркивался гуманизм и интернационализм великого русского поэта. Тема «Пушкин и Грузия» составляет фон произведения. Табидзе широко использует приемы контаминации, приводит цитаты из стихотворений поэта. Пушкин, чье сердце «вновь горит и любит от того, что не любить оно не может», для Табидзе является лицом России. В поэме изображается сложная, полная противоречий духовная жизнь русского поэта.

«Вывери Пушкина в оригинале
И по-грузински переведи»,

– писал Паоло Яшвили. «Выверить» – значит изучить, понять, истолковать. Аналитичность... становится сущностью перевода, – заключает В. Огнев и продолжает – «швейцарский литературовед Э. Штайгер говорил, что если бы удалось до конца проанализировать лирическое стихотворение, оно тотчас же перестало бы существовать как художественное произведение» [5, 122].

Литературное взаимовлияние, взаимообогащение и сближение никоим образом не представляются нам признаками умирания национального. Каждая национальная литература вносит свой вклад в дело развития мировой литературы. Перевод, заимствование, аллюзия, подражание, влияние, аналогия, стилизация – формы взаимоотношений, которые по содержанию носят творческий характер и проявляются непосредственно в художественной литературе.

Подражание вызывало разное толкование среди исследователей и любителей литературы и чаще всего считалось непрестижным. Объектом подражания, обычно, становилось творчество корифеев мировой литературы или какое-нибудь отдельное произведение, те писатели и произведения, которые оставили значительный след в сокровищнице мировой литературы

[6, с.32].

Подражание в литературных взаимоотношениях или, в частности, в литературной деятельности, считается непрестижным, если дело имеем с формальным подражанием, когда подражатель не до конца понял гармонию формы и содержания объекта подражания, представляющую его литературную ценность и лишь передающую внешнюю сторону. В этом случае подражателями являются лишенные художественной индивидуальности писатели, предпочитающие идти по дорожке, проторенной гениями, дабы скрыть свою бездарность.

По этому поводу писал ещё Пушкин: «Талант неволен, и его подражания не есть постыдное похищение – признак умственной скудности, но благородная надежда на собственные силы, надежда открыть новые миры, стремясь по следам гения, – или чувство в смиренности своем ещё более возвышенное желание изучить свой образец и дать ему вторичную жизнь» [7, с.50].

Аллюзия является одной из продуктивных форм литературных взаимоотношений. Она проявляется в разной форме: может заключаться уже в заглавии, эпиграфе. При аллюзии хорошо проявляется отношение автора к творчеству иноязычного писателя. В этом случае большую роль играют писательские ассоциации.

Поэму А.Пушкина «Кавказский пленник» прежде именовали «байроновской поэмой», поскольку в этом сочинении были признаки, сближающие её с лирическими поэмами Байрона как формой, так и содержанием. В отличие от классицистических поэм, «Кавказский пленник» является лиро-эпическим произведением, в котором большое внимание уделяется описанию субъективных переживаний главного героя. Главным героем Пушкин представляет не исторического героя и не легендарного титана, а обыкновенного человека, которому автор намеренно не дает даже собственного имени. Это молодой человек, недовольный жизнью большого культурного города. Он едет на Кавказ, где попадает в плен к черкесам.

Поэт не показывает, что являлось причиной этого недовольства героя, почему он оставил свой круг, и что искал он в далеком Кавказе. Таким образом, герой охарактеризован не совсем убедительно, в чем впоследствии признавался сам Пушкин. Однако отрицание культуры и тяга к природной простоте так же характерны для пушкинского героя, как и байроновским героям.

В то же время, Пушкин наделяет своего героя такими свойствами, которые вовсе не характеризуют байроновских персонажей: негибаемая воля и крайний индивидуализм, который не отступает ни перед какими препятствиями и непоколебимо борется с любым авторитетом, независимо от того, кем является этот авторитет – общество или божественное провидение. «Правда, персонаж Пушкина такой же индивидуалист, как и байроновские герои, но его индивидуализм более человечный, более простой, более близок к реальной действительности, чем индивидуализм прометеев и люциферов», – отмечал С.Данелия [8,с.122].

В 1880 году в Москве Пушкину поставили памятник, на котором высечены его же слова: «Слух обо мне пройдет по всей Руси великой» и «И долго буду тем любезен я народу». А в 1917 году памятник был обернут красной тканью, на которой было написано:

Товарищ верь, взойдёт она,
Звезда пленительного счастья,
Россия вспрянет ото сна,
И на обломках самовластья
Напишут наши имена.

В своих воспоминаниях Табидзе писал: «О, как толпился народ возле памятника в эти дни». Так оправдывались слова Пушкина из стихотворения «Памятник» (1836):

Нет, весь я не умру – душа в заветной лире
Мой прах переживёт и тленья убежит.

Сегодня никто не дивится словам Пушкина «Я памятник воздвиг себе нерукотворный». Также не удивляют слова Табидзе: «Я – король и поэт, и умираю с песней». Эти великие люди, корифеи поэзии имели право сказать это.

Использованная литература

1. Чавчавадзе И. Полн. собр. соч., т.3, Тб., 1953, с. 87 (на груз. языке)

2. Лордкипанидзе И. Текстологические вопросы сочинений Г.Табидзе, Тб., 1965, с. 7 (на груз. языке)
3. Цховребов Н.Д., Проблемы сравнительно-типологического изучения грузинской поэзии XX века, Тб., 1983, с.93; с. 115
4. Цицишвили Г. Литературные взаимоотношения грузинского народа с другими народами и их изучение в наше время (в кн. Эпоха и литература), Тб., 1981, с. 95 (на груз. языке)
5. Огнев В., Ночные прогулки, Тб., 1985, с.122
6. Гаприндашвили Н., Одзели М. Очерки литературных взаимоотношений и вопросы истории и теории взаимодействий. Тб., 1987, с.32 (на груз. языке)
7. Пушкин А., Собр. соч., т. VI, М., 1962, с.50
8. Данелия С. Очерки истории русской литературы XIX века, Тб., 1959, 122 (на груз. языке)
9. Табидзе Г. Избранное, Тб., 1973 (на груз. языке)

УКРАЇНА, ЯК І ВЕЛИКИЙ НАШ КОБЗАР, – ВІЧНІ

Ключові слова / Key words Україна / Ukraine, Шевченко / Shevchenko, патріотизм / patriotism, соборність / catholicity, незалежність / independence.

Тривалий час українцям прищеплювався комплекс неповноцінності, меншовартості. Замовчувалися цілі сторінки історії, знання яких могло зруйнувати стереотипи столітньої давності, за якими наш народ нібито не здатний мати своєї держави, першокласної літератури, науки, мистецтва. Багато років тому Тарас Шевченко закликав: «Учітесь, читайте, і чужому научайтесь, й свого не цурайтесь!». Адже не можна любити чуже, не цінуючи свого рідного.

Настав час, щоб зробити перший крок у світле майбутнє, бо тільки той, хто не має бажання, буде шукати причини пожалітися на гірку долю та багаторічні страждання. Той, хто його має, буде постійно намагатися знайти можливість щось змінити. Найбільший злочин — пасивно ставитися до проблем рідної держави, її дітей та молоді. Народна мудрість говорить: «Хто думає вперед на рік — вирощує хліб, хто думає вперед на десять років — садить сад, а хто думає вперед на сто років — виховує молодь».

Слід перегорнути сторінки «Кобзаря», згадати, якою мріяв бачити рідну Україну великий Шевченко, чим для нього була Батьківщина, якій він присвятив свої геніальні твори.

Нас хвилює доля України, її завтрашній день, тому всім серцем прислухаємось до гомону далеких і близьких нам подій. Які барви переважатимуть на скрижалях нашої історії? Яку, врешті, державу збудуємо? І чи має Україна майбутнє? Коли думаємо про свою Вітчизну, згадуємо слова Т.Шевченка: «Мій Боже милий, як то мало...Святих людей на світі стало, Один на другого кують... Кайдани в серці» («Подражаніє 11 псалму»).

Тим часом перевертні помагають “з матері полатану сорочку знімати”. Ще й нові підрастають. Це наша трагедія...

Нині ж шляхи до могили на Дніпровій кручі пролягли з усього світу, і не буде цьому вселюдському походу кінця-краю, поки є Україна і світить сонце. Вічна Шевченкова весна прийшла на землю, яку сходить Тарас малими босими ногами і засівав словом, а слово те було про Матір і про Україну: «...Орю ... Свій переліг – убогу ниву... Та сію слово. Добрі жнива... Колись-то будуть». Оралася та чорна нива долом і горою, засівалася ясною волею. І ступали в ту благодатну борозну за поетом нові сівачі, і тяжко брели в чорноземі, і падали від чужих громів та сибірських морозів, але як знак життя лишали Україні молитву і сповідь.

Україна приймала це слово від дітей, бо воно краплею крові стікало із серця. І як борозна людської долі біжить через життєве поле за горизонт, де сходяться земля і небо, так Шевченкова борозна кожного українця стелиться по землі, по небу, в уяві і наяву, до кручі над Дніпром, до нашого батька Тараса, де кладемо грудку української землі і пісню про Матір Україну.

Здається, що дивиться на нас із високої Канівської кручі Тарас Григорович і гнівно запитує: «Для кого в світі живете?» А ми зобов'язані відповісти? Чи зможемо? Чи вистачить у нас сил піднятися з моря бездуховності? Кожен рядок великого Кобзаря пройнятий уболінням за долю рідної землі, прагненням прислужитися визвольним змаганням свого одуреного, покірного народу. Кобзареве життя — зразок патріотичного служіння Батьківщині, коли слово і діло єдині, коли у «врем'я люте» не зрадиш, не похитнешся. Що сталося б із Тарасом Шевченком у тридцять третьому, у тридцять сьомому роках? «Певно, побувавши в Кос-Аралі, побував би ще й на Соловках» (Л. Костенко)

Слово правди, слово любові Кобзаря будило сонних, запалювало байдужих, вело сміливих. Це у Т. Шевченка вчилися непокірності В. Стус, О.Тихий, Ю. Литвин, В. Симоненко, Л. Костенко та багато інших, хто із раба виріс у сина України-матері. Після полум'яного слова Кобзаря чарівним євшан-зіллям привертали увагу всього світу до України-матері Іван Франко, Леся Українка, Максим Рильський, Володимир Сосюра, Василь Стус...

Бентежать струнами озиваються до людських сердець рядки поезії Дмитра Павличка: «Розпалися пута нестерпні, Правда, як сонце, зійшла... І писав я слова безсмертні... А було це в суботу, у серпні, Двадцять четвертого числа». Так, саме 24 серпня 1991 року було схвалено Акт про державну незалежність України. Ярмо, віками натягнуте на наш народ, нарешті розірване...

Тож «єднаймося, брати мої!» – чуєте Шевченкові слова ?!

Необхідно повернутися серцем і душею до наших національних, моральних цінностей, героїчної історії, відродити духовність. Це додасть сил перебороти економічні труднощі. Не ворогувати, а жити в мирі і дружбі з сусідами, дивитися одне одному в очі щиро й привітно, а не зі злістю і заздрістю. І, головне, – працювати: самовіддано, наполегливо – усім і кожному на своєму місці.

Віримо: мине лише кілька років – і настануть інші часи для нашої країни. Стане рідна земля щедрою і родючою, а міста і села – багатими. Хочемо бачити Україну в майбутньому мирною країною, без війн і крові, без горя і сліз, а ще – могутньою, рівною серед передових країн світу.

Усі ми – Шевченкові нащадки, а значить – один народ. Щоб бути сильними, маємо триматися разом, адже птах без крил не літає, квітка без сонця не цвіте, а людина без води помирає. Так і держава без соборності і єдності гине. Тільки разом, спільною працею, ідеєю можна подолати усі труднощі, перепони, що стоять на шляху до добробуту. Вже сьогодні ми починаємо бачити те світло в кінці тунелю, яке манить і кличе в майбуття. Потрібно лише, узявшись усім міцно за руки, зробити впевнений крок уперед.

Упевнені, що ХХІ ст. принесе в українські оселі лише мирні світанки. Гордо, на повну силу зазвучать слова Великого Кобзаря: «І оживе добра слава, слава України!»

Не допустімо злочинства, розрухи, безвладдя, братовбивства, кровопролиття. Об'єднаймося в одну сім'ю, «вольну, нову» для великої справи, для переможної ходи: «...І світ ясний, надвечірній... Тихо засіє... Обніміться ж, брати мої, Молю вас, благаю!» (Т. Шевченко, «І мертвим, і живим, і ненародженим землякам моїм, в Україні і не в Україні моє дружнє посланіє»)

Така вона наша Україна. Її історію зіткано зі світла і темряви, із радості і журби. Та для кожного українця немає землі милішої від тої, де він живе. Минуть важкі часи, Україна відродиться для новітньої слави, для щастя. Вона цього заслуговує. Інакше й бути не може: у нашої благословенної землі – велике і світле майбутнє.

Література:

1. До 200-річчя від Дня народження Т.Г.Шевченка маленькі оповідання // Шкільна бібліотека. 2013. № 23-24. С. 30-38.
2. Допоки сонце з неба сьє, тебе не забудем! [Текст] / Укладач С.Піскорська. – Дніпропетровськ: Промінь, 2001. – 128 с.
3. Шевченківська енциклопедія [Електронний ресурс] – Режим доступу: www.shevchycl.kiev.ua
4. Шевченко Т.Г. Кобзар [Текст] – Донецьк: «Сталкер», 2003. – 368с.
5. Широкий шлях [Електронний ресурс] / Степан Васильченко. – Режим доступу: http://ukrlit.org/Vasylchenko_Stepan_Vasyliovych/Shyrokyi_shliakh/1/

Жирик У.Ю. (Zhyryk U.),

преподаватель кафедры практики английского языка Дрогобычского государственного педагогического университета имени Ивана Франка.

Пикиш А.И. (Pikush O.)

преподаватель кафедры практики английского языка Дрогобычского государственного педагогического университета имени Ивана Франка.

FLORAL SYMBOLISM AS IMPORTANT ETHNIC COMPONENT IN ENGLISH AND UKRAINIAN FOLKLORE

Keywords: symbolism, folklore, ethnolinguistics, floral symbol, language picture of the world, ritual symbolism, symbolic meaning, motivational component.

Problem setting and actuality of the research. Recently, modern ethnolinguistics has started analysing symbolism in a new way. Floral symbols vividly reflect national and cultural vision of the world, information about the environment, life style, way of life and traditions. The lingual and mental cognition of the nature of these symbols contributes to deeper knowledge of the national language picture of the world. For modern ethnolinguistics the distinction between common and national features is especially important representing dominant elements of the language picture of the world. That is the reason why the study of such imagery models is one of the issues of today's ethnolinguistics. The results of the study of floral symbols collected from the English and Ukrainian folklore are especially productive in this area.

The problem survey. Over the last three decades the interest in the symbols of traditional ceremonies has intensified in Ukraine. Researchers also focus on semantic typology of motivations of ceremonial nominations in the Russian and Ukrainian languages, on problems in comparable semantics of the rites with the common Slavonic background, on origin and development of the Ukrainian semantic lexicon of national rites, issues of the semantic system of local ritual traditions. The terminology of the ceremonies as a reconstruction source of the ancient spiritual culture of the Slavs was investigated by L. Vinogradova, V. Ivanov, G. Plotnikov, M. Tolstoy and S. Tolstaja, V. Toporov, O. Trubatcov. V. Lark, V. Kononenko, N. Slukhaj investigated the Ukrainian ritual symbolism in connection with issues of the national and linguistic picture of the world. M. Bihusyak, L. Larina, O. Tishchenko, V. Shevchenko studied the linguistic background of the Slavic family rituals. Ethnolinguistic study of the Ukrainian symbolism is quite fruitful, but the appropriate English language and cultural stratum is less involved in the analysis.

The purpose of the article – the coverage and comparison of the national and cultural peculiarities of the floral symbols in England and Ukraine in the ethnolinguistic aspect.

The exposure of the main material. In the ethnolinguists' opinion, a reflection of nature and flora in the national literature is rooted in pre-Christian times Mythopoetics when man was considered to be a part of nature, and nature was personified.

Among the ritual symbolism, now partly forgotten, is the use of symbols of flowers. Flowers, which we consider an expression of friendship and respect, in ancient times, had ritual significance which is reflected today in rituals, especially in the family life cycle. At

wedding ceremonies, for example, flowers have long been used not only as a decorative element, but also as rich in content nuptial attribute. They have always decorated weddings as they symbolize life, growth and fertility. People also believed that the scent of flowers scared away evil spirits and brought happiness.

A. Topachevskyj states that the bridal bouquet as part of a wedding ceremony is not a Ukrainian tradition. It came from the West. In the medieval times a wedding bouquet was composed of garlic, onion, rosemary, bay leaves and other plants with a strong odour to scare away evil forces. A groom chooses and gives a wedding bouquet to his bride as a symbol of long and happy family life. Today it is a tradition. Selection of flowers for a bouquet has not only an aesthetic sense, but also each flower has a deep symbolic meaning. Different peoples treated the meaning of flowers differently, and similar flowers had different symbolic significance.

In England, there were days when the wedding flower was rosemary, then – myrtle. During Elizabeth's reign, rosemary bouquets were the necessary attribute of a wedding. This flower continues to symbolize happiness, innocence and faithfulness in the twentieth century too. Rosemary flowers still adorn the nuptial bed of the newly married during their first wedding night: *The sea his mother Venus came on; / And hence some rev'rend men approve / Of rosemary in making love* [16, p. 94].

Bridesmaids twine a rosemary wreath for a groom. In the Middle Ages it was believed that this plant also had contraceptive properties. But in order to have a lot of children a bride was given a small bag of dry mint leaves to wear on her neck: «mint drops a hint at fertility» [17, p. 95].

According to British ethnolinguistics researchers, myrtle symbolizes love and happiness. These flowers do not attract much attention. Their main decoration is bright and fragrant leaves. The houses where the wedding takes place are decorated with myrtle and wedding wreaths are twined of this plant.

Tangerine flowers have been in fashion recently, they are called *orange blossom* nowadays. They are traditional flowers for a bride, this bouquet she keeps all her life. At first this tradition came to France through Spain and then to England and the United States. This tradition has become so popular nowadays that if a couple cannot find fresh flowers at the time of the wedding, they cast in a mould orange blossom flowers of wax because «orange blossom brings you good fortune» [17, p. 88]. This is characteristic of tangerine trees flowers that they bloom and fruit simultaneously and thus personify the bride. Because of the fact that the tangerine tree is evergreen, it is considered to be a symbol of eternal love.

Here are some other flower meanings in England:

acacia – elegance; apple blossom – good fortune; aster – daintiness, symbol of love; bluebell – everlasting love; violet blue – faithfulness; carnation white – honesty; daisy white – loyalty and innocence; forget-me-not – true love; gardenia – joy; hyacinth – playfulness; iris – wisdom; ivy – fidelity; lily – innocence and purity; lily of the valley – happiness; orange blossom – fertility and purity; orchid – beauty; chrysanthemum red – love; red rose – passion, beauty [17, p. 89-90].

The most common motivational model of Ukrainian symbols is based on the social importance of the original reality [12, p.13]. The Ukrainian life is full of the symbolic realities of the periwinkle, which is a wedding attribute and a symbol of wedding celebrations, as well as a symbol of a flower which is planted on the graves. The motivational component

is marked with the features of the flower. Its structure resembles the heavenly body – a star, which is a mysterious symbol of the transition from one stage of life to another: birth, marriage, death. The evergreen plants also indicate long happy love and marriage, purity and freshness of the feelings of spouses. This plant accompanies human life from birth to death and acquires particular importance at the wedding ceremony [7, p. 69].

Images of the periwinkle are expressive language signs. They enrich the phraseological fund of the Ukrainian language, for example.: *hreshchatiy barvinok (cruciform periwinkle)*, *jak u barvinku (liubystku) kupaniy (like bathed in periwinkle (lovage))*; *hlopets molodyj, jak barvinok (young guy like a periwinkle)*.

On the eve of the wedding, the girls gathered at the bride's last party. They sang ritual songs and wove wedding wreaths. Wedding ritual bread was also decorated with the periwinkle.

Parents of a virgin girl displayed a wreath of periwinkle and guelder-rose on their house. Periwinkle wreaths adorned the head of the bride at a wedding: *Vchora bula v barvinkovomu vinochku (I was in a periwinkle garland yesterday)*, *a siohodny v serpanochku (and today I am in a veil)* [5, p. 66].

M. Shubravska believes that the symbol of the periwinkle is similar to the symbol of the guelder-rose. In Ukraine, the guelder-rose has long been considered to be a symbol of love, happiness, health, wealth and beauty as well as a symbol of hope or separation and afterlife. At Ukrainian weddings, bunches of guelder-rose decorated the wedding bread and a bride's dress to emphasize her purity, chastity, as well the groom's clothes and wedding wreaths. Ukrainians also gave this bunch before parting or declaration of love .

The beauty of a girl in the Ukrainian phraseology is represented by the established phrases: *harna jak kalyna (as good as guelder-rose)*, *chervona jak kalyna (as red as guelder-rose)*, *harna jak kvitka v poly (as beautiful as a flower in the field)* / *jak kvitka hajova (as a field flower)* / *jak kvitka navesny (like a flower in spring)* / *jak ruzha (as a red rose)* / *jak jahoda chervonenka (as a scarlet berry)*.

Floral theme in the Ukrainian wedding has a close relationship with people's ballads and common folk-song tradition: *Spasyby zh toby, svatochku, (Thanks to you, matchmaker)*, / *Za tvoju kuriavy miatochky, (For thy mint)*, / *Za hreshchatiy barvinok, (For cross-shaped periwinkle)* / *Za zapashniy vasylechok, (For scented cornflower)*, / *Za chervonu kalynu, (For red guelder-rose)*, / *Za tvoju dobru dytynu (For your good child)* [5, p.140];

Oj u misti, misti bubny bjut (Oh in the town, drums are beating), / *A v nashym domi hyltse vjut (And in our house, they build the hyltse / Iz chervonoji kalyny (With red guelder-rose)*, / *Iz hreshchatoho barvinku (With cross-shaped periwinkle)*, / *Iz zapashnoho vasylyku (With sweet cornflower)* [5, p. 158];

Ja litom ne huliala (I didn't walk in summer / Barvinok polyvala (but watered periwinkle), / *Barvinok y rutochku (Periwinkle and rutochku) – / Buyaram na kvitochku (for the flower to bridesmen)* [5, p. 121].

The symbolic significance of certain colours is not the same in different parts of the same country. In England, lilies serve to be an example. They are a symbol of innocence and purity which is common in Christianity. This gorgeous flower is a sign of exquisite taste. Even the ancient Greeks and Romans adorned newly-weds with wreaths of lilies and wheat which represented pure and luxurious life. But other Britons think that lilies bring misfortune, as they are associated with death. Peonies were also avoided at a wedding in England,

because it was believed that they represented shame. In Ukraine, callas, lilies, chrysanthemums, marigolds, daffodils, camellias are not recommended for the wedding ceremony as they symbolize mourning more than celebration [2, p. 204].

Subsequent layers of flower symbolism are preserved in Ukrainian traditions. Some of them may not have all emerged in Ukraine, but were common among the Ukrainian people. A. Topachevskiy gives the following examples: cornflower indicates modesty and gentleness; acacia – platonic love; daisy – initiative and resourcefulness; flowering periwinkle – declaration of love, white lilac – hint of modesty; fern leaf symbolizes sincerity, magic, fascination; ivy – friendship, married love, loyalty; clover – fertility and domestic virtue; peony – happy marriage; columbine – betrayal and deceit; laurel – success, fame; daffodil – care, unrequited love; red garden poppies signify youth and beauty, edelweiss flower (silk kositsya) – symbol of love and fidelity; pink zinnia – long love [13, p. 45], but any bouquet of faded flowers indicates neglected love. In Ukraine, as well as in England, bud flowers emphasize purity and sincerity.

Conclusions. So, floral symbolism is an ancestor element where it was preserved and reinterpreted. Floral symbolism retains expressive characteristics, which reflect national cultural vision of the world. Lexicographical and ethnographic material reflects not only the common features of floral symbolism, but also specific ones.

The analysis of English and Ukrainian floral symbolism showed that it is an important ethnic component of traditional ceremonies. Numerous and peculiar by its contents, it forms a rather vivid layer of phraseological units. National connoted floral symbolism creates original, unique to speakers of a certain national culture, idioms. Comparing the symbolism of flowers in perspective of ethnolinguistic studies, we can identify their mutual influence and interpenetration. They are characterized both by universality and originality of national perception. Universality is caused by general laws of human existence, which is reflected in the similarity of associations and metaphorical meanings. The peculiarity lies in the choice of floral component composition of idioms and attributing it certain features within the national culture. Meanwhile social significance of symbols is considered as a kind of reaction of native speakers on them.

Prospect Research. Analysis and comparison of ritual symbols, vocabulary, phraseological units, proverbs and sayings deserve a thorough study in the Slavic, Germanic and Romance languages.

Literature:

1. Ажнюк Б.М. Англійська фразеологія у культурно-етнічному висвітленні / Богдан Михайлович Ажнюк. – К.: Наукова думка, 1989. – 130 с.
2. Аксёнова Л.В. Всё о свадьбе / Лариса Васильевна Аксёнова, Виктория Тарасовна Гридина. – Д.: Сталкер, 2001. – 320 с.
3. Борисенко В.К. Весільні звичаї та обряди на Україні / Валентина Кирилівна Борисенко. – К.: Наукова думка, 1988. – 189 с.
4. Весілля / [упор. М.М.Шубравська]. – К.: Наукова думка, 1970. – 451 с.
5. Весільні пісні / [упор. М.М.Шубравська]. – К.: Дніпро, 1998. – 275 с.
6. Вовк Х.І. Студії з української етнографії та антропології / Хфедір Івладпійович Вовк. – К.: Мистецтво, 1995. – 336 с.

7. Дяченко Л.М. Фольклорна символіка як засіб відображення національного світобачення / Любов Михайлівна Дяченко // Мовознавство : наук.- теор. журнал / гол. ред. Віталій Григорович Скляренко. К. : Ін-т. мовозн. ім. О.О.Потебні, – 1997. – № 2-3. – С. 67-71.
8. Жайворонок В.В. Українська етнолінгвістика: деякі аспекти досліджень/ Віталій Вікторович Жайворонок // Мовознавство : наук.- теор. журнал / гол. ред. Віталій Григорович Скляренко. К.: Ін-т. мовозн. ім. О.О.Потебні, – 2001. – № 5. – С. 48-63.
9. Лозинський Й.І. Українське весілля / Йосип Іванович Лозинський. – К.: Наукова думка, 1992. – 274 с.
10. Тайлор Э.Б. Миф и обряд в первобытной культуре / Эдуард Бернетт Тайлор; [пер. с англ.]. – Смоленск: Русич, 2000. – 624 с.
11. Тищенко О.В. Лексико-семантичне поле „позитивні емоції” у слов'янській рідинній обрядовості: концептуальний підхід / Олег Володимирович Тищенко // Мовознавство : наук.- теор. журнал / гол. ред. Віталій Григорович Скляренко. К. : Ін-т. мовозн. ім. О.О.Потебні, 2000. – № 2-3. – С. 57-66.
12. Тищенко О.В. Типологічна характеристика обрядової лексики в російській та українській мовах (на матеріалі весільних номінацій): автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук: спец. 10.02.15 “загальне мовознавство” / Олег Володимирович Тищенко ; Київськ. нац. ун-т імені Тараса Шевченка. – К., 1994. – 33с.
13. Топачевський А. О. З божого саду рослини, дерева в народній символіці / Андрій Олександрович Топачевський. – Київ: Наука, 1997. – 136 с.
14. Тревельян Дж. История Англии от Чосера до королевы Виктории / Джон Тревельян; [пер. с англ.]. – Смоленск: Русич, 2002. – 542 с.
15. Baker M. Wedding customs and Folklore. Totowa, N.J.: Rowman and Littlefield, 1977. – 254 p.
16. Crowther J., Kavanagh K. Oxford Guide to British and American Culture for learners of English. – Oxford: Oxford University Press, 2000. –324 p.
17. Frances C.-T. The Dangerous Bride. – London: Routledge, 1992. – 164 p.
18. Jones L. Happy Is the Bride the Sun Shines On. Wedding Beliefs, Customs, and Traditions. – New York: Contemporary Books, 1995. –178 p.
19. Spangenberg L.M. Timeless Traditions. A Couple's Guide to Wedding Customs Around the World. – London: Universe Publishing, 2001. – 240 p.

ОСОБЛИВОСТІ ВИКОРИСТАННЯ СПОЛУЧНИКІВ У ТЕКСТАХ ВІРШІВ КЛИМЕНТІЯ ЗІНОВІЄВА

У статті досліджено особливості використання сполучника в текстах віршів Климентія Зіновієва. Попри невелику кількість церковнослов'янських елементів та запозичень з польської мови, які властиві тогочасній книжній українській мові, текст пам'ятки рясніє живомовними рисами, що часто мають вузькодialektnий характер.

This article contains the researches of peculiarities using conjunctions in text of poems by Klymentii Zinoviiev. Despite of small number of Church-Slavonic elements and borrowings from Polish, which characterist Ukrainian-bookish language of those times, the text-monument has a great number of Ukrainian folk features that sometimes have dialectical character.

Ключові слова / Key words: Климентій Зіновіїв / Klymentii Zinoviiv, вірші / poems, сурядні і підрядні сполучники / coordinate and subordinate conjunctions, народнорозмовна мова / folk language.

Досліджуючи морфологічні особливості писемних пам'яток, мовознавці традиційно більшу увагу звертають на словозміну самостійних частин мови, натомість службові слова із давніх текстів переважно залишаються за межами поля зору дослідників.

Збірка віршів та приказок Климентія Зіновієва кінця XVII – початку XVIII ст. містить цінний матеріал для дослідження історії української літературної мови на всіх її рівнях, адже, як зауважив В. Русанівський, староукраїнська літературна мова в середині XVII ст. була вже відносно сформованою і функціонально багатоманітною [24, с. 641–644], тому рукопис автора неодноразово ставав предметом зацікавлень мовознавців. Однак лінгвісти передусім опрацьовували пам'ятку в контексті вивчення української книжної мови на різних етапах її розвитку, принагідно використовували для ілюстрацій окремих явищ приклади з творів різних авторів, у тому числі й Климентія Зіновієва [3, 8, 11, 12, 13, 14, 15, 23, 25, 26].

Вагомий внесок у дослідження мови віршів та приказок Климентія Зіновієва зробив В. Німчук, який перевидав усю спадщину автора (і вірші, і приказки) у 1971 р. [16], та І. Чепіга, яка у вступній статті до цього перевидання творів подала короткий мовний аналіз найважливіших фонетичних та граматичних особливостей пам'ятки [17, с. 5–27]. Авторка принагідно згадала й про службові слова, навівши кілька прикладів зі збірки віршів та приказок цього письменника.

Мета нашого дослідження — проаналізувати сполучники, що їх використав Климентій Зіновіїв у своїх віршах, вказати на народнорозмовні елементи, порівнявши з відповідниками сучасної української літературної мови та українських діалектів, відмежовуючи від аналогічних одиниць церковнослов'янської мови та запозичень з інших мов. Такого типу аналіз дасть змогу показати ступінь проникнення елементів

народної мови у канву тогочасної книжної мови¹. У досьогочасних дослідженнях спеціально ніхто не вивчав у такому плані особливостей сполучника в текстах віршів Климентія Зіновієва.

Сполучники, засвідчені у пам'ятці, розмежовуємо традиційно на сурядні та підрядні з їх підтипами.

До **єднальних** сполучників, позначених народнорозмовним впливом, можна зарахувати **и**, повторювальні сполучники **ни... ни, ань... ань, ань... ни**: *утры(с) и запры(с) жебъ сы(ч) и сова не узнали* (103 зв.); *ни кр(с)том сты(м) ни те(ж) всякою про(с)бою: а ни вя(т) же якою твоею гробъ(ь)бою* (17); *ань смраду ань те(ж) блгоуханіа* (25) та ін.

Єднальний сполучник **да** — 'та', очевидно, потрапив у мовлення Зіновієва під впливом церковнослов'янської мови: *и неха(и) бы вл(д)ки ничего не брали: да даремно бе(з) вся'ки(х) дачь бл(с)вляли* (106 зв.); *а на(и)гра'виша, неха(и) трѡха и спочиваю(т): да по по(в)но(и) склянйцы горьлки выпиваю(т)* (114). Щоправда, не залишимо поза увагою той факт, що єднальний сполучник **да** до сьогодні «частково зберігся лише в поліських говірках» української мови [11, с. 452].

У текстах віршів Климентія Зіновієва трапляється сполучник **а** в єднальному значенні: *Тьмъ мли(м) ти са бже гръхи иша забуди: а на до(б)рыа дъла всъ(м) на(мъ) наставни(к) буди* (104 зв.); *Бъъ вамъ неха(и) побъжда(т) враговъ помагае(т): а васъ о(т) враго(в) в во(и)скахъ и в дома(х) сохраня(е)тъ* (136 зв.). На думку мовознавців, «широке вживання сполучника **а** як єднального в староукраїнських пам'ятках пояснюється відбиттям у них південно-західних діалектів, у яких ще і тепер цей сполучник може виступати з єднальним значенням» [11, с. 451; див. також: 5, с. 162; 21, с. 71–72].

У пам'ятці також фіксуємо складений сполучник **якъ (яко)... так** у зіставлювально-преднувальній функції та сполучники **також, также**: *я'ко не пу(д)кѡваны(и) ко(н) в зимъ попо(л)зае(т): та(к) члкъ до всяки(х) гръхо(в) ла(т)во скланя(е)тъ* (104 зв.); *я'къ козе(л) сме(р)дячъ та(к) же и коза нечиста* (146); *А в(ь) неделю что хотя(т) все робя(т) домовѡе: тако(ж) и в полю дъло всякое полѡвоѡе* (82); *и на панъкадила шнуръ изробля'ють и до це(р)ковны(х) лямпъ ко(т)рыми встягаю(т).* *Та(к)же и нари(т)ники шлеи и ужьыца: ко(т)рыми припинаю(т) у поля'хъ коница.* *Та(к)же обротъ вожкѡ и пуги зробляю(т): що коне(и) гъдучи гдѡ колве(к) затынаю(т)* (274 зв.). Названі сполучники з певними фонетичними змінами функціонують в сучасній українській літературній мові.

Серед **протиставних** сполучників, властивих і сучасній українській мові, в рукописі виявляємо сполучники **а, але**: *и якъ мовя(т) на зы'му льто работае(т): а зымá работати на льто не знае(т)* (157 зв.); *хо(ч) то на(д) всъхъ бѡлгъзнеи злѡ(и)ша голо(в)наá: але та(к)же недобрá и животоваá* (52) та ін.

¹ Зауважимо, що подана стаття є частиною спеціального лінгвістичного дослідження, покликаного проаналізувати якнайповніше фонетико-морфологічні особливості текстів віршів Климентія Зіновієва, а відтак виявити діалектні риси, властиві мові цього автора. Ми вивчаємо діалектне мовлення самого Климентія Зіновієва, зафіксоване в його поетичних творах, тому прислів'я та приказки, що входять до досліджуваного рукопису, залишаються поза нашою увагою, адже вони записані від різних людей і репрезентують мову інформаторів різних етнічних територій.

«Починаючи з XVI ст. у староукраїнських пам'ятках засвідчується й протиставний сполучник **однак**», його фіксуємо і в текстах віршів Климентія Зіновієва, але у фонетичному варіанті **еднак** [11, с. 455]: ... *хо(ч) бы на бѣдѹ где сѧ оженїлъ: една(к) бы бѣ(з)зако(н)ны(и) себѣ бракъ учинїлъ* (102 зв.).

Сполучники **да** та **но** наявні в протиставному значенні — ‘але’: *бо мовя(т) хо(ч) вѣдою(т) да неха(и) не відоятъ...* (103 зв.); *тѣмъ и мы вся чѣ(с)ки да(р) бѣжи(и) не с(ѣ)кыва(и)мо: но и бѣ(з)мѣздоно требующымъ подава(и)мо* (156 зв.). Звернімо увагу, сполучник **но** широко вживається в багатьох південно-східних говірках Лівобережжя та в окремих південно-західних [4, с. 111–112, 118; 7, с. 276; 6, с. 85].

Дослідники стверджують, що протиставний сполучник **леч**, який трапляється у пам'ятках XVI — XVII ст., є безсумнівним полонізмом, «однак від XVIII ст. він виходить з ужитку» [11, с. 454–455]. Його ми кілька разів засвідчуємо в текстах віршів Климентія Зіновієва: *обѣче рече умомъ не дѣти быва(и)те: ле(ч) по дити(н)ны(и) слобы т(а)к не памята(и)те* (107 зв.).

Частина **розділових** сполучників, що відзначена на сторінках досліджуваної пам'ятки, є даниною книжній традиції, серед таких зокрема **ли**, **или**, **чили** **любо**, **люб**: *в(ѣ) не(р)вомъ року їли те(ж) за(с) у двою лѣты* (9); *меновите гды Хс на землі роди(л) сѧ: не(р)вы(и) ли ра(з) или вторы(и) на не(и) явы(л)сѧ* (184); *чи зелїямъ котры мѣ нѣги собѣ натырають: чили те(ж) злы е духи и(м) та(к) допомаіють* (43), *в трезво(г)о любо добры(и) любо злы(и) обыча(и)* (68), *іно в дорозѣ лю(б) в во(и)ску ле(г)ті и в полѣ* (192).

Фіксуємо сполучники **або**, **чи... чи**, **хоч... хоч**, які відповідають сьгоднім нормам сучасної української мови: *то хо(ч) ра(д) або не ра(д), з бїше ю разлучитъ* (54 зв.); *І таки(и) і ба(т)ка часо(м) за груды хвата'єтъ: або те(ж) пу(д) часть и в ши ю кулако мѣ дава'є(т)* (104); *і напїто(к) скро(з), я(к) чегѡ ви(д)но чи много: їли те(ж) чегѡ ко(л)векъ часо(м) чи не много* (119); *и дїшѧ хо(ч) грѣшина хо(ч) свята, з(ѣ) тѣла вы(и)дѣтъ* (12 зв.).

Розділовий сполучник **албо**, на думку багатьох мовознавців, є запозиченням із польської мови [11, с. 456]: *вла(с)не бы я(к) на смѣхъ, а(л)бо те(ж) якъ нарѡко(м)*. (51 зв.); *ал(ѣ)бо громовым огне(мъ), або те(ж) водѡю* (59 зв.). Однак Л. Гумецька пов'язує виникнення **албо** з українсько-білоруським ґрунтом, адже він властивий і сьгодні південно-західним говіркам української мови та окремим білоруським та російським говіркам [10, с. 270].

Трапляються в текстах віршів численні **підрядні сполучники**, зокрема, сполучник **причини бо**, що репрезентує живе народне мовлення, та **ажє**, **ажъ**, функціонування яких підтримувалося церковнослов'янською мовою: *Ωстанѧ члѣвѣче ня(н)ства проклятѡго: бо часо(м) на(г)ле люде умыраю(т) з того* (64); *Бо нѣгды без(ѣ) цвыче(н)ѧ дѣты добры не буду(т): и выро(с)шы хочъ кра(с)ты хо(ч) рѡзбивати буду(т)* (104); *А'жє лише(н)ны(и): небора(к) того мученїє особно те(р) пїть побѣдѣ(н)ны(и)* (108 зв.); *їменно жє многїє има(л)цями кладу(т) цвѣты: и вѣ(л) мї прм(д)рыє полагають квѣты. А'жъ бы безпрѣч хотѣлъ на тую дивитисѧ пѣчь* (109 зв.).

«Починаючи з XVI ст. у староукраїнських пам'ятках виступає ряд сполучників, запозичених з польської мови», у тому числі сполучник **поневаж** [11, с. 459], представлений також у віршах Климентія Зіновієва: *Цыганѣ да і жиды' єдны'*

едны́ мъ равны: понева(ж) ве(л)ми ты́ 'е люде е(ст) злонравны (44 зв.).

До найуживаніших сполучників **мети** належать **ижъ (иж)**, **дабы**: *І да(и) з(с) ди, абы то́е та́къ са і́мь ста́ло: и(ж) бы́ навѣки то́еи нечистоты́ не ста́ло* (44 зв.); *Же(б) и по сме(р)тєхъ щыро(ст) і́хъ не запомина́(н)на: дабы хвалебно лю(д)ми че(ст) ными вспомина(н)на* (192 зв.) та ін.

Сполучники **абы (аби)**, **щоб (щобъ)**, підтримані народнорозмовною стихією: *І абы не посты(з)ло зло ты(х) чудотво(р)цовъ: же хулять □ сїце(н)нико(в) своих бгомо(л)цовъ* (31); *І щоб такому ты(л)ко в животъ во(р)чало: же за ны́ мъ споко(и) но(с)те(и), всгьмъ нгъ́ ть ангъ ма́ло.* (53); *І щобъ ω(н) ω(т) всгьхъ насъ искорени(л)са: да у Фовъ ля́ дзски(х) и в нїшихъ всели(л)са* (108 зв.).

Від XVI ст. засвідчений у староукраїнській мові сполучник **же(б)**, **жебы**, який «міг витворитися на власне українському ґрунті», бо «досить широко вживається» нині в карпатських та галицько-буковинських говорах південно-західного наріччя, проте, на думку мовознавців, «значного поширення в українському письменстві XVI – початку XVIII ст. він набирає, очевидно, під польським впливом» [11, с. 460; див. також: 2, карта 255]. Цей сполучник спостережено в досліджуваній пам'ятці: *А і ката потреба всю́ да своего́ часу: же(б) дава(в) ты(мъ) злодгья(м) и забо(и)ца(мъ) прасу* (45); *І спъваю(т) за(с), хмы́ зо(м) низо(м) пу(д) ве(р)бами: жебы жадные люде нггды́ не узна́ли.* (103 зв.).

До підрядних сполучників **умови**, що мають суто книжний характер і зафіксовані в текстах віршів Климентія Зіновієва, належать **если** — ‘якщо’, **ежели** — ‘якщо’, **пакі**: *І если оїць, вмреть, то по(л)сыроты́ диты́ на* (107); *Да и мамы́ ме(н) ши(и) грѣхъ за то́е будеть: ежели уважывши о(т)роча́ не згубить* (79); *І пакі, измы(и) тєса и будете́ ю(ж) чїсты* (103).

Засвідчено в рукописі віршів **гды (кгды)**, **гды** ‘якщо’ — сполучники польського походження, які активно почали вживатися в староукраїнських пам'ятках від XIV ст. [11, с. 461]: *Або особливъ(и)ше ωгнемъ припая́ ти: кгды́ не бои(т)са мразу́ и огню́* (42); *и ше(в)ство зостава́еть: поважное реме(с)ло гды (ж) честное бра(т)ство и ктыто(р)ство з ны(х) быва́е(т)* (114); *Досто(и)ны и гутники велико(и) похва́лы: гды сосуды́ че(ст)ные робя(т) и крыштáлы* (118 зв.). Сполучник **гды** може мати в реченні співвідносне слово **то**: *А гды буде(и) в зло(мъ) разъ́ коня оцажáти: то певне пригото(и)са з(ъ) свѣто(м) са процáти* (27 зв.).

Особливості розмовного мовлення відбиває зафіксований у віршах Зіновієва сполучник **як** — ‘якщо’: *І як зна(и)де(т) добрую роботу́ в дббро(м) мѣстѣ: а(ж) зара(з) зароби(т) золоты(х) сто́ або двѣстѣ* (112); *Бо як зхотя́ ть зара(з) могу(т) са научїти: и не буде(т) основы́ ю(ж) до ткаче(и) носити.* (110 зв.).

Наявні в пам'ятці **часові** сполучники, зокрема, успадкований зі старослов'янської мови **егда**: *єгда́ змови(л) похоти́ пло(т)скїа о(т)грѣба(и)те: и іны(х) злотворєніи ср(д)чно са пока(и)те* (103), а також сполучники, що походять від прислівників часу, **когда**, **коли**, **якъ**, **покул**: *Ко(з)да́ позичавъ́ або́ пївъ, то бѣу прысяга́въ* (33); *І присловіє рече́ колі да́ха, то та(к)же́ буде(т) и о(т) менє́ взя́ ха* (34 зв.); *А впя(т) же́ якъ почне(т) вовну́ перебивáти: то зна(т) то уже́ хоче(т) з луко(м) ма(н)дрова́ти* (112); *А же́ мусгъ́т и таки(и) припадо(к) те(р)пгъти: поку(л) буде(т) або сме(р)ть ілі здравїє́ мѣти* (317 зв.). Названі вище часові сполучники, зазнавши фонетичних змін, активно функціонують в сучасній українській мові.

Варто зазначыці, што сполучнік **покул** властывіый сьгодні середньополіськім та східнопаліськім гавіркам північнаго наріччя украінскай мовы [1, карта 271].

Спорадычна прадставленіый часовіый сполучнік **кэды**, запозычэніый з польскай мовы: *Кэды са(м) рекль, ненавіді(т) трэ(х) персо(н) мол' дїаї: богато(э)о, скупого, и пы'шого голїаї* (103).

Кніжныый характэр відбывае **наслідковыый** сполучнік **ижс**: *Знаючи же не радо(ст) е(ст) на земно(м) свѣтъ: и(жс) буде(т) печа(л) и ско(р)бѣ и фрасуно(к) мѣти* (12). Сполучнік **ажэ** з пэвнымі фоненетычнымі змянамі відоміый і сучасніый украінскай літэратурнай мовы [11, с. 462]: *Аже нікого неха(и) болше(и) не вынўють: ты(л)ко на себѣ и на дѣла свои дывўють* (80 зв.).

Допустові сполучнікы **хоч, хочаи**, зафіксавані на сторінках рукопісу віршів Кліментія Зіновіева, яскрава рэпрэзэнтуюць жыве народне мовлення: *а хоча(и) и э(с) дна земла' на вся'комѣ мѣстѣ: една(к) умїрати лу(ч)ше(и) в домашне(м) мѣстѣ* (16); *хочѣ убоги буде(мѣ), а зла людя(мѣ) не чинѣмѣ* (18).

Віразныый царковнослов'янскіый характэр маюць **порівняльні** сполучнікы **неже, нежели**: *Лучше(и) бы и(м) грѣшико(в) о(т) грѣховѣ о(т)во(жс)дати: неже на беззаконны(и) бракѣ бл(с)вля'ти* (106 зв.); *Лучше(и) бы не(н)ному сылѣ на шїю възложїти: нежели бѣдны(х) людє(и) правдивы(х) зводїти* (18).

До пытомо украінскай варыянтів порівняльных сполучніків належыць **нѣжсь, якѣ (як)** — 'мов': *І далѣко лѣпшє чїну того не при(и)мати: нѣжсь прїня(в)шї скїну(в) шї бѣгу наругати* (71); *Аще не будете вы я(к) млადые дѣти*. (107 зв.); *а(жс) шапова(л) носи(т)са з(ѣ) луко(м) я(к) з друко(м), з(ѣ)блїзу вбача(т)* (112).

У текстах віршів Кліментія Зіновіева мы спостерегли **з'ясувальні** сполучнікы **же** — 'шо' та **що**: *ты(л)ко та(к) мови(т) мўшу: же не еди(н) босакѣ записа(л) бѣсови дўшу* (42), *І добре ты'є чїня(т), що прочанѣ обдырають* (26 зв.); *І то ве(л)мі дївныє рѣчи зоставаютѣ, що кумы брати в жонў не бл(с)вляють* (106). Цїкаво, што сполучнік **же** сьгодні мае вузьколакальній характэр для окремых південно-західных гавірок украінскай мовы [2, карта 256].

Засвідчэно царковнослов'янскіый **пояснювальныый** сполучнік **сїрѣч**: *Но і частѣ(и) о(т) кона' е(ст) попо(л)зновѣнїа: сїрѣчѣ неїще(т)ныа часо(м) прє(т)кновѣнїа* (104 зв.).

У пояснювальнаму значэнні вжываюцься сполучніковыы словосполука **іменно, а іменно**: *А іме(н)но то(и) ко(т)ры(и) в себѣ Фѣвѣ не маѣтъ* (149 зв.); *Зачи(м) прошў васѣ таки(х) слы(х) дѣль не чинѣтє: іменно мн(с)тыря'мѣ пако(ст) не творѣтє* (30).

Варто зазначыці, што веліка частына прааналізаваных сурыядных та пїдрядных сполучніків спостережэна дослїднікамы в нызї пам'яток ураінскай мовы XVII–XVIII ст. [22, с. 18; 18, с. 15; 19, с. 110; 9, с. 495].

Отож аналіз сполучніків, зафіксаваных в текстах віршів Кліментія Зіновіева, показуе, што элементы жывого народнаго мовлення актывно пронїкли в тогочасну кнїжну мову. Як зауважыв А. Москаленко, пісемныый рїзновід літэратурнай мовы XVII–XVIII ст. на народнорозмовнай аснове, яким булы напісаны творы художняй літэратуры, – це окремыый тып «староукраінскай літэратурнай мовы на рївнї із слов'янорускай і простаю моваю» [20, с. 98].

У текстї пам'яткы прастежуются спорадычна окремі сполучнікы, што

є церковнослов'янізмами та полонізмами, які загалом були закономірними для книжково-писемної традиції того часу, зокрема: *ли, или, любѣ, чили, албо, поневаж, їжѣ, если, ежели, паки, когда, дабы, кгда, гды*.

Проте книжні форми в рукописі співіснують паралельно з живомовними відповідниками. Щоправда, чимало цих особливостей, що їх прийнято вважати книжними, до сьогодні функціонують в українському діалектному мовленні, є елементами т. зв. архаїчних говірок, наприклад, сполучники *да, но, покул*. Разом із тим, пам'ятка фіксує велику кількість сполучників, що мають народнорозмовний характер або навіть є вузьколокальними діалектизмами, і з певними фонетичними змінами активно живаються сьогодні: *і, ні...ні, як...так, також, а, але, або, чи, чи...чи, хоч... хоч, бо, абы, щоб, коли, нгѣжѣ, як, аж, хоч, же, жебы*.

Отже, проаналізувавши сполучники текстів віршів Климентія Зіновієва, можна зробити висновок, що велика частина цих слів усталилася в сучасній українській літературній мові або збереглася в діалектному мовленні.

Література

1. Атлас української мови Т. I.: Полісся, Середня Наддніпрянщина і суміжні землі / [редкол.: І.Г.Матвіяс (голова) та ін.; НАН України]. – К.: Наукова думка, 1984. – 498 с.
2. Атлас української мови Т. II: Волинь, Наддністрянщина, Закарпаття і суміжні землі / [Редкол.: Я. Закревська (голова) та ін.; НАН України]. – К.: Наукова думка, 1988. – 520 с.
3. Безпалько О. П. Нариси з історичного синтаксису української мови / О. П. Безпалько. – К.: Радянська школа, 1960. – 236 с.
4. Брахнов В. М. Сурядні сполучники в говірках Переяслав-Хмельницького району на Київщині. // Середньонаддніпрянські говори. – К., 1960. – С. 110–120.
5. Верхратський І. Про говір галицьких лемків // Збірник філол. секції Наукового товариства імені Шевченка, – Т. 5. – Львів, 1902. – 489 с.
6. Верхратський І. Говір батюків. – Львів, 1912. – 250 с.
7. Герман К. Ф. Особливості складного речення в буковинських говірках // Праці XII Республіканської діалектологічної наради. – К., 1971. – С. 274–279.
8. Гнатюк Л. Мовний феномен Григорія Сковороди в контексті староукраїнської книжної традиції : монографія / Л. П. Гнатюк. – К.: Видавничо-поліграфічний центр «Київський університет», 2010. – 446 с.
9. Гринчишин Д. Г. «Книжица для господарства» — почаївська пам'ятка 1788 року. // Записки Наукового товариства ім. Шевченка. Праці Філологічної секції. – Львів, 2009. – Т.СCLVII. – С.461–504.
10. Гумецька Л. Л. Нарис словотворчої системи української актової мови XIV–XV ст. / Л. Л. Гумецька. – К.: Видавництво АН УРСР, 1958. – 298 с.
11. Історія української мови. Морфологія / [Редкол.: В. В. Німчук (відп. ред.), А. П. Грищенко та ін.]. – К.: Наукова думка, 1978. – 539 с.
12. Історія української мови. Фонетика / [Редкол.: В. В. Німчук (відп. ред.), М. А. Жовтобрюх, В. М. Русанівський]. – К.: Наукова думка, 1979. – 368 с.
13. Історія української мови. Лексика і фразеологія / [Редкол.: В. М. Русанівський (відп. ред.) та ін.]. – К.: Наукова думка, 1983. – 739 с.
14. Історія української мови. Синтаксис / [Редкол.: А. П. Грищенко (відп. ред.) та ін.]. – К.: Наукова думка, 1983. – 503 с.

15. Исторична граматика української мови / [Редкол. : М. А. Жовтобрюх, О. Т. Волох, С. П. Самійленко, І. І. Слинько]. – К. : Наукова думка, 1980. – 319 с.
16. Климентій Зіновійв. Вірші. Приповіді посполиті. / За ред. В. В. Німчука. / Пам'ятки української мови. – К.: Наукова думка, 1971. 391 с.
17. Колосова В. П. Чепіга І. П. Визначна пам'ятка українського письменства. / В. П. Колосова І. П. Чепіга // Німчук В. В. Климентій Зіновійв. Вірші. Приповіді посполиті. – К. : Наукова думка, 1971. – С. 5–27.
18. Мойсієнко В.М. Актова книга Житомирського гродського уряду 1611 року. // Німчук В. В. Актова книга Житомирського гродського уряду 1611 року. – Житомир, 2002. – С. 5–20.
19. Мойсієнко В. М. Герасим Смотрицький та його «Ключь царства небесного» / В. М. Мойсієнко, В. В. Німчук // Ключь царства небесного / Смотрицький Г.; підгот. до вид. В.М. Мойсієнко В. В. Німчук. – Житомир, 2005. – С. 93–118.
20. Москаленко А. А. До походження української писемної і писемно-літературної мови // Праці Одеського державного університету, Т. 152. Серія філологічних наук. – Вип. 15. Питання слов'янської філології. Мовознавство. – Одеса, 1962. – С. 95–101.
21. Німчук В. В. Словотвір сполучників у верхньонадборжавських говірках / В. В. Німчук // Діалектологічний бюлетень.– К.: Видавництво АН УРСР, 1962. Вип. ІХ. – С. 70–84.
22. Передрієнко В. А. Передмова // Ділова і народнорозмовна мова XVIII ст. (матеріали сотенних канцелярій і ратуш Лівобережної України) / Відп. ред. В. В. Німчук / – К.: Наукова думка, 1976. – С. 5–19.
23. Русанівський В. М. Історія української літературної мови / В. М. Русанівський. – К.: АртЕк, 2001. – 390 с.
24. Русанівський В. М. Староукраїнська літературна мова / В. М. Русанівський // Українська мова. Енциклопедія. – К.: «Українська енциклопедія», 2007. – С. 664–667.
25. Слинько І. І. Историчний синтаксис української мови. / І. І. Слинько. – К. : Вища школа, 1973. – 216 с.
26. Шевельов Юрій. Исторична фонологія української мови / Юрій Шевельов. [Сергій Вакуленко (пер.), Андрій Даниленко (пер.)]. – Х. : Акта, 2002. – 1054с.+ дод. 1–4 (Класика Української Науки). [Канадський інститут українських студій; Східний інститут українознавства ім. Ковальських; Харківське історико-філологічне товариство].

О ПРОБЛЕМЕ ОПИСАНИЯ ПРОИЗВОДНЫХ СЛОВ В ТОЛКОВЫХ СЛОВАРЯХ

Ключевые слова/ Keywords: толковый словарь/ explanatory dictionary, производное слово/derivative, производящее слово /producing word, дефиниция/ definition, словообразовательный тип/ word-formation type.

«Самое важное в составлении толковых словарей, – как справедливо замечает А.П.Евгеньева, – истолкование значений слов. Собственно ради этого и составляются почти все словари» [7, с.7].

Традиционно в лексикографии выделяют два основных принципа толкования слов – энциклопедический и филологический.

В «Опыте общей теории лексикографии» Л.В.Щерба противопоставляет филологические словари энциклопедическим по объектам описания и формулам толкования. Объектом описания энциклопедических словарей является научное понятие, объектом же филологических словарей – языковое значение.

Это положение более четко формулируют составители «Толкового словаря русского языка» Д.Н.Ушаков и другие: толковый словарь – это словарь языка, он толкует слова. Энциклопедический словарь объясняет предметы, понятия... «От словаря языка требуется дать все то, что достаточно для понимания слова, а не для знакомства с самим предметом» [20, с.ХХIV].

Мнение Л.В.Щербы и Д.Н.Ушакова разделяют многие ученые. Так, Д.И.Арбатский замечает, что назначение энциклопедических определений заключается в том, чтобы раскрыть сущность предметов, сформулировать понятия. Значение слова при этом выражается в той мере, в какой это необходимо для познания данного предмета. Семантические определения (имеется ввиду филологические определения), раскрывая структуру значения слова, должны быть непосредственно связаны с описанием реальной действительности, стоящей за этим словом [1, с.11, 13].

Таким образом, толкование слов в толковых словарях должно носить филологический, а не энциклопедический характер.

Словарное определение, или дефиниция, в принципе означает краткое объяснение, формулирование значения какого-нибудь слова. Краткость – одно из требований, которому должно отвечать, но отвечает далеко не каждое словарное определение.

Конкретность, ясность, простота – это самые важные признаки, которыми должны отличаться определения слов в словарях. Излишне «закрученный» в отношении научности стиль определения затрудняет понимание содержания последнего, делает его непригодным с общественной точки зрения.

Обычно лингвист, давая определение какому-нибудь слову, старается отразить в определении отношении данного элемента (десигната) к другим элементам объективной действительности. Иными словами, определение дается лингвистом через отношение определяемой вещи к другим вещам [6, с.264].

Определение, опираясь на отчетливое осознание того объективного содержания, к которому оно относится, должно максимально использовать те элементы значений (семантические признаки) слов, которые отчетливо закреплены в общественно-языковом мышлении.

Внимательное изучение словарных определений показывает, что в их основе лежит определенное ограниченное количество универсальных семантических признаков, как-то: структура предмета или явления, его назначение, бытие в пространстве и во времени, действие, способ, результат действия, условие, причина, следствие и др.

Дефиниции могут быть синтетическими и аналитическими. Синтетические дефиниции применимы к словам конкретной лексики и имеют своей целью выявить все основные семантические признаки, «пучки», которые входят в значение слова. Так, слово *бром* определяется следующим образом: *бром* – химический элемент, темно-красная (цвет) едкая (свойство) жидкость (форма существования), употребляемая в химии, а также в медицине и фотографии (назначение) [16, с.51]. В содержании данного слова одновременно фиксируются такие семантические признаки, как цвет, свойство, форма существования, назначение предмета.

Аналитические дефиниции характерны для слов абстрактной лексики. Они обычно отражают единичные семантические признаки, или их минимальное количество (1,2,3), входящие в значение слова. Аналитические дефиниции имеют целью выявить и представить отдельно семантические признаки, которые лежат в основе слова.

«Аналитические определения, – пишет Д.И.Арбатский, – разлагают и обобщают синтетические значения на составляющие их элементы и представляют эти признаки-элементы в качестве самостоятельного значения» [1, с.39-40]. Так, относительные прилагательные выражают те же универсальные семантические признаки, что и поясняемые ими существительные. Но в отличие от существительных у прилагательных в каждом отдельном значении наиболее сильно, убедительно выражается лишь один признак. Ср. *береговой* 'находящийся на берегу, у берега' [17:І, с.79]; *янтарный* 'сделанный из янтаря' [17:ІV,с.783]; *плащевой* 'предназначенный для плащей' [17:ІІІ, с.137].

Дефиниции относительных прилагательных обобщают эти семантические признаки. Локальное значение прилагательных выражается определениями типа: 'бывающий, водящийся, живущий, находящийся, обитающий, произрастающий, расположенный, растущий там-то'; структурное значение – определениями типа: 'содержащий, состоящий, имеющий в своем составе что-либо'; функциональное значение – определениями 'предназначенный, служащий, используемый, пригодный для чего-либо' и т.п.

Относительные прилагательные – производные слова. Как известно, производные слова сохраняют тесные семантические отношения с производящими. Эта особенность производных слов должна найти отражение при их истолковании.

Теоретические проблемы отражения семантической структуры и словообразовательной семантики производных слов в словарях, принципы описания мотивированных слов рассматриваются в работах Е.А.Земской, А.Н.Тихонова [18], И.С.Улуханова [21], Е.С.Кубряковой [14], З.М.Волоцкой [4; 5], Н.П.Билимович [2], Е.А.Иванниковой [12; 13].

Впервые производные слова как объект толкового словаря специально рассматриваются Е.А.Земской. Именно она ставит вопрос о том, что «разработка производных слов в толковых словарях должна отражать их семантические и стилистические связи с производящими словами и базироваться на данных науки о словообразовании» [9, с.34].

Указанную точку зрения разделяют многие ученые. Ср. И.С.Улуханов высказывается в том смысле, что не может быть признано адекватным толкование мотивированного слова, если определение не включает мотивирующего слова [22, с.497].

А.Н.Тихонов, вслед за Г.О.Винокуром, считает, что отражение смысловых связей производных слов и производящих достигается путем включения производящих слов в состав определения производных: закричать – начать кричать, прутик – маленький прут [19, с.10].

Структура формулы толкования производного слова должна соответствовать его семантическим компонентам. В толковании производного слова выделяются мотивирующая, формантная и дополнительная части. Мотивирующая часть связывает производное слово с производящим и выражается в дефиниции однокоренным с ним образованием.

Формантная часть толкования соответствует значению словообразовательного форманта и может быть представлена расчлененно – в виде формантной (название субстанции – человек, животное, растение и т.п.) и предикатной части толкования (она передается с помощью названий действия – предиката – являться, иметь, обладать, находиться, принадлежать и т.п.). Предикатная часть толкования вводится в толкование отыменных производных и обозначает тип смысловых отношений между производящим и производными словами.

Дополнительная часть толкования соответствует дополнительному компоненту производного слова. Необходимость выделения дополнительной части в дефиниции вызывается идиоматичностью производного слова.

Е.С.Кубрякова, рассматривая производное слово не просто как особую единицу системы языка, но как единицу номинации (точнее вторичную единицу номинации), высказывает мнение, что дефиниция производного слова должна отражать словообразовательное значение модели, быть семантически эквивалентной производному слову, представлять все компоненты значения «в форме эксплицитной номинации». Производное слово, как полагает Е.С.Кубрякова, представляет обозначаемое в относительно расчлененном виде, т.к. то, что должно быть обозначено «всегда включается сначала в определенный понятийный класс ..., а затем в рамках этого класса оно определяется некоторым признаком» [15, с.100]. Первое обуславливает наличие у производного слова ономасиологического базиса, второе – ономасиологического признака. Так, прилагательное *дубовый* характеризуется ономасиологическим базисом, который выражен флексией - *ый* и передает значение ‘тот, который’ (значение признаковости) и ономасиологическим признаком *дуб*, передающим значение конкретного предмета.

Для того чтобы указать, каким образом данный конкретный признак приписывается данному конкретному базису, вводится еще одно понятие – ономасиологической связки, релятора, который оформляет определенный тип отношения между базисом и признаком. В прилагательном *дубовый* ономасиологической связкой является предикат ‘относиться’ (‘относящийся’), он выражен суффиксом - *ов* -.

Согласно точке зрения Е.С.Кубряковой, адекватное толкование производных слов предполагает развернутое указание в словарной дефиниции 3-х величин: ономасиологического базиса, ономасиологического признака и ономасиологической связки, а также скрытых компонентов значения [14, с.65].

Словообразовательные характеристики производного слова (отсылочная и формирующая части) и его ономасиологические характеристики (ономасиологический базис, ономасиологический признак и ономасиологическая связка) могут быть соотнесены по-разному и потому ставить знак равенства между формирующей частью и базисом, отсылочной частью и признаком было бы не всегда верным.

При определении производных слов очень важно учитывать данные соотношения, так как от этого зависит характер дефиниции (в частности, ее двучленность или трехчленность).

Если ономасиологический базис формируется за счет отсылочной части (н-р, в отыменных глаголах или глаголах, образованных с помощью приставки), то в дефиниции слово-идентификатор (по терминологии Е.С.Кубряковой) совпадает в одном слове с мотивирующим словом и имеет в силу этого конкретный характер. Если же ономасиологический базис формируется за счет формантной (формирующей) части (н-р, при безаффиксальной транспозиции или суффиксальном образовании), слово-идентификатор обозначает тип связи между ономасиологическим базисом и ономасиологическим признаком и должно быть выбрано из списка слов, служащих для описания данной словообразовательной модели.

На необходимость выработки единых формул толкования для слов, принадлежащих к одному словообразовательному типу, указывают многие ученые. Так, Е.А.Земская отмечает, что в словарях подлежит толкованию только та часть значения производных слов, которая выражается словообразовательными аффиксами, другая же часть значения производных слов, которая выражается основой, передается отсылкой к производящему слову. Поэтому приобретает важное значение создание одинаковых и стандартных формул описания для слов одного и того же словообразовательного типа, имеющих одну и ту же семантическую структуру [8, с.110; 22, с.1975, 500, 501; 12, с.76, 77].

А.Н.Тихонов полагает, что среди словообразовательных типов есть и такие, словообразовательные значения которых многообразны и весьма расплывчаты и в силу этого не нуждаются в унификации толкования [18, с.63]. Таковыми, по мнению ученого, являются словообразовательные типы относительных прилагательных.

На наш взгляд, формулы толкования относительных прилагательных могут быть типизированы. Изучение относительных прилагательных, образованных от существительных одной семантической или тематической группы, позволило предположить, что такие прилагательные обнаруживают одинаковую сочетаемость с существительными, соответственно одинаковый или сходный круг возможных значений, следовательно, имеют аналогичную семантическую структуру. Это обстоятельство требует их единообразного описания в словаре. Следует заметить, что в пределах МАСа не всегда последовательно разрабатываются однотипные слова.

Так, у прилагательных *вербовый* [17:I, с.150], *грабовый* [17:I, с.341], *каштанный* [17:I, с.43], *кедровый* [17:II, с.45], *папоротниковый* [17:III, с.19] отмечается только общее значение относительности, определяемое как 'прил. к...'. У прилагательных

березовый [17:I, с.80], *дубовый* 17:I, с.451], *кленовый* [17:II, с.57], *липовый* [17:II, с.186], *сосновый* [17:IV, с.206] указывается оттенок основного значения 'сделанный из ...'; который в структуре прилагательного *ореховый* [17:II, с.638-639] дается под отдельной цифрой (2). Прилагательные *липовый* и *ореховый* имеют также оттенок значения 'приготовленный из ...'

Указанные прилагательные образованы от существительных одной тематической группы («Название деревьев»), принадлежат к одному и тому же словообразовательному типу, следовательно, к ним должны быть использованы аналогичные приемы толкования.

Единые формулы толкования слов, имеющих одинаковую словообразовательную структуру, «1) ... дают возможность определить объем тематической группы; 2) ... позволяют четко дифференцировать различные по своему характеру ЛСВ в смысловой структуре производного слова; мотивированные и немотивированные, образованные в результате смысловых сдвигов; 3) ... избавляют во многих случаях от избыточности в словарном тексте; 4) ... являются типичными определениями толковых словарей» [12, с.77]. В толковом словаре при определении значений производных слов важно не только указать на существование семантических взаимоотношений между однокоренными словами, но и правильно определить направление мотивации, т.е. установить, какой из членов словообразовательной пары является производящим, а какой – производным.

Однако на практике при семантизации производных слов в толковых словарях используются однокоренные слова, не являющиеся для них непосредственно производящими. Это так называемое явление расхождения отношений формальной и смысловой производности слов [3, с.189; 10, с.88-92; 11, с.188-192; 8, с.102-104], или «напряженности» словообразовательной структуры производных слов (по терминологии А.Д.Зверева): производные слова 3-ей и последующих ступеней словообразования формально мотивируются словами непосредственно предшествующей ступени, а семантически – более ранних ступеней словообразования. Например, наречия *по-восточному*, *метеорно* формально соотносятся с отсубстантивными именами прилагательными *восточный*, *метеорный*, семантически – с однокоренными именами существительными *восток*, *метеор*. Ср. *восток* – *восточный* – *по-восточному* и *по-восточному* 'как на востоке'; *метеор* – *метеорный* – *метеорно* и *метеорно* 'как метеор'. Ср. также дефиниции относительных прилагательных: *аптекарский* – 2. Предназначенный для аптеки [17:I, с.43], *гуслярный* – 2. Прил. к *гусли* [17:I, с.358], *пекарный* – относящийся к печению хлебных изделий [17:III, с.38], *стрелковый* – 2. Относящийся к стрельбе из огнестрельного оружия [17:IV, с.285]. Формально названные прилагательные соотносятся с личными именами существительными *аптекарь*, *гусляр*, *пекарь*, *стрелок*, семантически с существительными 1) названием учреждения, в котором работает указанное лицо, – *аптека*, 2) названием предмета – музыкального инструмента, на котором играет указанное лицо, – *гусли* 3/4) названием действия, связанного с указанным лицом, – *печенье*, *стрельба*.

Все эти явления говорят о том, что в сфере однокоренных слов отношения мотивации шире словообразовательных отношений.

Многие производные слова способны мотивироваться несколькими производящими. Множественность мотивации прослеживается в пласте отыменных при-

лагательных. В толкованиях большинства полимотивированных прилагательных приводятся все мотивирующие слова, в иллюстративной части показывается соотносительность всех производящих с производным словом. Ср. *аптекарский* – 1.Прил. к аптекарь. *Аптекарский помощник*. 2.Предназначенный для аптеки. *Аптекарский склад*. *Аптекарские весы* [17:I, с.43].

Определенная часть полимотивированных прилагательных в толковых словарях объясняется путем соотнесения лишь с одним из производящих. Ср. *анархистский* – прил. к анархист. *Анархистская организация* // Свойственный анархисту. *Анархистские взгляды* [17:I, с.36].

Следует отметить, что в словарных дефинициях иногда возможны и неточности в истолковании слов. Например, прилагательное *ложкарный* определяется таким образом: *ложкарный* – прил. к ложкарь. *Ложкарный промысел* [17:II, с.197].

Как нам думается, значение данного прилагательного следует определять как 'относящийся к роду деятельности, делу, которым занимается лицо, указанное в производящей основе'. Значение прилагательного *ложкарный* в словосочетании *ложкарный промысел*, вероятно, можно истолковать как 'промысел, связанный с производством ложек'.

Значение прилагательного *монетный* в словосочетании *монетный станок* можно определить не просто как 'станок, относящийся к чеканке монет' [17:II, с. 296], а более конкретно 'станок, предназначенный, служащий для чеканки монет', или 'станок, производящий монеты'.

В толковых словарях русского языка семантика производных слов определяется на основе реально существующих языковых фактов, в частности контекста. Тем не менее, в ряде случаев приводимые в словарных статьях толкования не иллюстрируются примерами в контексте. Например: *овражный* – прил. к овраг [17:II, с.583]; *фабрикантский* – прил. к фабрикант [17:IV, с.547]; *холстинковый* – сделанный из холстинки (во 2 значении) [17:IV, с.618].

Кроме того, определение 'прил. к ...' не содержит реального толкования, не раскрывает семантики производного прилагательного, а лишь отсылает к производящему имени существительному.

Поскольку назначение толковых словарей состоит прежде всего в отражении смысловой структуры слова, то в них все стороны лексики, а также явления словообразования должны быть подчинены семантическому аспекту рассмотрения.

Литература

1. Арбатский Д.И. Толкования значений слов. Семантические определения. – Ижевск: Удмуртия, 1977. – 100 с.
2. Билимович Н.П. Семантизация производных слов в толковых словарях// Актуальные проблемы русского словообразования. – Ташкент, 1978. – С.179-182.
3. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. – М.: Высшая школа, 1986. – 639/1/ с.
4. Волоцкая З.М. Некоторые наблюдения над структурой толкования мотивированных слов (на материале словарных статей в «Словаре польского языка» под ред. В.Дорошевского) //Советское славяноведение. – 1976. – № 6. –С.77-86.

5. Волоцкая З.М. Специфика значений мотивированных слов и способы их толкования // Актуальные проблемы русского словообразования. – Ташкент, 1978. – С.119-123.
6. Дорошевский В. О словарных определениях значений слов // Элементы лексикологии и семиотики. – М.: Прогресс, 1973. – С.249-267.
7. Евгеньева А.П. Определения в толковых словарях // Проблема толкования слов в филологических словарях. – Рига, 1963. – XIV. – С.7-21.
8. Земская Е.А. Заметки по современному русскому словообразованию // Вопросы языкознания. – 1965. – № 3. – С.102-110.
9. Земская Е.А. Проблема производных слов и ее разработка в «Словаре современного русского языка» // Тезисы докладов на совещании, посвященном итогам работы над «Словарем современного русского языка» (1948-1965 гг.) и перспективам работы над словарями современного русского языка. – Л., 1966. – С.24-26.
10. Зверев А.Д. О некоторых особенностях образования прилагательных // Филологические науки. – 1966. – № 1. – С.84-94.
11. Зверев А.Д. Словообразование в современных восточнославянских языках. – М.: Высшая школа, 1981. – 206 с.
12. Иванникова Е.А. О производных словах как объекте лексикографии // Современная русская лексикография. – Л., 1975. – С.66-78.
13. Иванникова Е.А. Производные слова грамматического функционирования как объект лексикографии // Современная русская лексикография 1976. – Л., 1977. – С.122-135.
14. Кубрякова Е.С. Производное слово в лексике и грамматике // Слово в грамматике и в словаре. – М.: Наука, 1984. – С.60-69.
15. Кубрякова Е.С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. – М.: Наука, 1981. – 200 с.
16. Ожегов С.И. Словарь русского языка /Под ред. Шведовой Н.Ю. – М.: Русский язык, 1987. – 797 с.
17. Словарь русского языка: В 4-х томах / Под ред. Евгеньевой А.П. – 3-е изд., стереотип. – М.: Русский язык, 1985-1988. Т.1. – 1985. – 696 с.; Т.2. – 1986. – 736 с.; Т.3. – 1987. – 752 с.; Т.4. – 1988. – 800 с.
18. Тихонов А.Н. Вопросы семантизации производных слов в толковых словарях // Словарные категории. – М.: Наука, 1988. – С.59-68.
19. Тихонов А.Н. Гнездовой толковый словарь русского языка // Актуальные проблемы русского словообразования. – Ташкент, 1978. – С.6-11.
20. Толковый словарь русского языка /Под ред. Ушакова Д.Н. – М.: ОГИЗ, 1935-1940. Т.1. – 1935. – 1562 с.
21. Улуханов И.С. О принципах описания значений словообразовательно-мотивированных слов // Известия АН СССР. Сер. лит.-ры и яз. – 1970. – Т.29. – № 1. – С.14-22.
22. Улуханов И.С. Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания: Автореф. дис... докт. фил. наук. – М., 1975. – 47 с.

Сахарнюк О.М.

викладач кафедри гуманітарних
та соціально-економічних дисциплін
Миколаївський коледж культури і мистецтв

ЛЕКСИЧНІ ЗАСОБИ ВИРАЖЕННЯ ЕМОЦІЙ В АНГЛІЙСЬКІЙ МОВІ

Ключові слова/Keywords: емоція/emotion, емотивна лексика/emotive vocabulary, конотація/connotation, лексична одиниця/lexical unit.

Мова є головним інструментом людського спілкування, що забезпечує інформаційний обмін мовців й відображає їх емоційний стан в процесі комунікації.

У середині 1970-х років проблема вербалізації емоцій привернула увагу мовознавців і лінгвістів, адже в центрі нової лінгвістичної парадигми – гуманістичної знаходиться людина, як носій і користувач мови, та її психологія. Емотивний фактор є невідокремлюваною одиницею комунікації, а проблема емотивності одним з актуальних об'єктів досліджень сучасної лінгвістики.

Емоції одна з форм відображення світу, що позначає душевні переживання, хвилювання. Слід зазначити, що емоції – це безпосередні переживання, що фіксуються в мові людини. Вони зачіпають біологічний і духовний рівень існування людини, її поведінку, почуття і досвід.

Тлумачні словники фіксують велику кількість емоцій, однак вчені-психологи виділяють фундаментальні або базові емоції, кількість яких варіюється з погляду представників різних шкіл. У сучасній психології виділяють такі емотивні стани: любов, щастя, радість, здивування, страх, страждання, відроза, гнів, презирство, рішучість, печаль.

Широкою популярністю користується і класифікація американського психолога К. Ізарда, який виділяє 10 базових емоційних станів: гнів, презирство, відроза, дистрес, страх, провина, інтерес, радість, сором, подив. [1, с. 63]

Р. Плутчк у своїй багатовимірній моделі емоцій виокремлює 8 фундаментальних емоційних станів: радість (joy), довіра (trust), страх (fear), здивування

(surprise), сум (sadness), відраза (disgust), гнів (anger), настороженість (anticipation). В свою чергу, кожна з цих емоцій є точкою континууму, у межах якого змінюється інтенсивність емоції (наприклад, роздратування (appouance) – гнів (anger) – розлюченість (rage)). [6]

Вчені виділяють три основні типи емоцій, що відіграють важливу роль у людському спілкуванні: позитивні, негативні та чуттєво-нейтральні. До позитивних належать радість, блаженство, щастя, захоплення, зацікавлення тощо. Негативні емоції виражаються через відчуття злості, страху, відчаю, паніки, жаху, незадоволення, суму. До чуттєво-нейтральних можна віднести байдужість, стан спокійного споглядання, об'єктивне оцінювання ситуації тощо. Людина може виражати емоції, використовуючи вербальні (за допомогою мовних засобів) та невербальні (міміка, жести, пантоміміка тощо) засоби у спілкуванні. Найважливішим типом вираження емоцій є мовні або вербальні засоби.

На рівні мови емоції трансформуються в емотивність, адже емоції це психологічна категорія, а емотивність мовна. Емотивність охоплює всі мовні засоби відображення емоцій людини.

Емоційна функція мови (можливість висловлювати мовними засобами різні емоції і почуття) розглядається багатьма лінгвістами як одна з основних. Н.А. Слюсарєва визначає емоційну функцію як базову і ставить її в один ряд з комунікативною і когнітивною. Емоційна функція мови є універсальним засобом вираження унікального неповторного внутрішнього світу людини. [3]

Емотивність властива всім мовним рівням: фонетичному, морфологічному, лексичному і синтаксичному. Кожен з них має свою систему засобів вираження.

Найповніше емотивність досліджена на лексичному рівні.

Згідно з підходом до емотивності В.І. Шаховського існує три групи лексики для мовної репрезентації емоцій:

- 1) лексика, що називає емоції;
- 2) лексика, що описує емоції;
- 3) лексика, що виражає емоції.

Лексика, що називає емоції, не є емотивною. Слова *fright, anger, surprise* містять лише поняття про певні емоції, тоді як семантика емотивів виражає внутрішній емоційний стан людини, її свідомості і психіки. Опис є свідомим вираженням емоційного стану мовними засобами. Як правило, опису підлягає не емоція в цілому, а її зовнішня експресія: міміка обличчя, очей, губ, пантоміміка, тембр голосу, інтонація тощо. Лексичний опис емоційних кінем та просодем відтворює атмосферу емоційних переживань, викликаючи в реципієнта почуття, адекватні наміру автора. Це відбувається завдяки універсальності експресивного компоненту та можливості його декодування. Розглянемо на прикладі: “Suddenly he caught sight of Mrs Ramsay’s face. It was so white that she looked as though she were about to faint. She was staring at him with wide eyes.” (S. Maugham). Цей опис кінем та обличчя сигналізує читачеві про сильне хвилювання, страх, який не може приховати жінка. У деяких випадках той самий виразний компонент може передавати різні емоційні стани, наприклад, посмішка, яка в більшості випадків передає задоволення та радість, може виступати сигналом відрази, презирства або суму.

Лексика називання і опису емоцій за своєю семантикою є нейтральною. [5]

Лексичний фонд емотивних засобів мови формують емотиви – спеціальні лексичні одиниці, що виражають емоції. У своїй семантичній структурі вони обов'язково містять емоційний компонент. В залежності від типу емотивної семантики, всі емотиви поділяються на афективи, в яких емотивна семантика складає єдиний зміст семантики слова (Ah! Gee! Why!), та конотативи, в яких емотивні семи супроводжують основне логіко-предметне значення (rascal, rogue, scamp). Ці обидві групи лексики є емотивними і у мові і у мовленні. Однак є група слів, які в мові є нейтральними, але мають емоційний потенціал, що реалізується в процесі функціонування в мовленні. Наприклад: “Oh, dear, you do look a sight, Dad...I never saw such a sketch, though I expect I'm bad enough, goodness knows!” “I've dropped my eyeglasses, that's all what's wrong with me.” (J.B. Priestley). Нейтральне слово «sketch» в наведеному контексті означає «чудовисько». [4]

Особливе місце серед лексики, що виражає емоції, займають вигуки. Деякі лінгвісти (Р.А. Бурдакова, Є.Є. Корді, А.А. Реформатський) вважають, що вигуки взагалі не мають предметно-логічного значення: не означають поняття, а виражають емоції. У реченні вигуки виконують комунікативну й емотивну функції, що свідчить про їх важливу роль у мовленнєвому акті.

Лексичний рівень часто представлений емоційно-експресивною лексикою. Проте, більшість слів, навіть стилістично забарвлених, сприймаються без будь-яких емоцій. Така лексика називається експресивно-нейтральною. До неї належать слова, що використовуються для позначення різних абстрактних понять (ideal, truth, humanity, society, life, dedication тощо), слів із виробничо-професійної галузі (shop, rotor, cathode), різних наукових термінів (cathetus, hypotenuse, sine), історизмів (mace, horsetail, yasyr).

В англійській мові є частина слів, які надають висловлюванню емоційного забарвлення, мають певний стилістично-оцінний відтінок. Така лексика називається емоційно забарвленою або емоційно-експресивною. До неї відносяться поетизми, тобто слова, які здебільшого використовуються в художньо-описовій або поетичній лексиці. [2]

Ще одним видом емоційно-експресивної лексики є розмовна лексика. Вона охоплює не лише літературні слова, але й величезну кількість діалектизмів, сленгізмів, жаргонізмів, вульгаризмів та слів, що відносяться до ненормативної лексики. Наприклад, у сучасних англійських фільмах таких як “The devil wears Prada” (2006) та “The One and the Only” (2009) використовується багато розмовної лексики і фразеологізмів, що є емоційно забарвленими та виражають бурхливі почуття, переживання або хвилювання: by all means- заради Бога!, My word!- О Боже! (виражає позитивні емоції), Good for you!- Молодець!.

Отже, емоційна сфера особистості відіграє дуже важливу роль у життєдіяльності та культурній взаємодії людини. Вираження емоцій лексичними засобами в англійській мові – це складне багатопланове явище, яке вимагає подальших досліджень і становить теоретичну і практичну цінність для сучасної лінгвістики.

Література:

1. Изард Кэрролл Е. Психология эмоций/ К. Изард– М. Харьков.; Минск; Питер, 1999. – 464 с.

2. Квасюк И.И. Категория эмотивности и ее лексикографическая репрезентация (на материале английского языка)/ И.И. Квасюк //Сб. науч. тр. МГПИИЯ. Вып. 199.– М., 1982. – С. 11-22.
3. Слюсарева Н.А. Функции языка // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева, – М.: Сов. Энциклопедия, 1990. – С. 564-565.
4. Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций: монография./ В.И. Шаховский. – М.: Гнозис, 2008. – 416 с.
5. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка/ В.И. Шаховский. – Воронеж, 1987. – 190 с.
6. Plutchik R. The Emotions: Facts, Theories, and a New Model. – New York, Random House, 1962. – 228p.

Труфанова И.В.

доктор филологических наук, доцент,
Московский институт открытого образования,

Ковалёва Т.А.

учитель СОШ № 154 г. Москвы

ГРУЗИНСКОЕ КОММУНИКАТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ: СОЦИАЛЬНЫЙ СИМВОЛИЗМ

Communicative shock, communicative behavior, georgian communicative behavior, social symbolism, model descriptions of communicative behavior.

В статье обобщены сведения о грузинском коммуникативном поведении, полученные в результате опроса респондентов по вопроснику, предложенному И.А. Стерниним для исследования коммуникативного поведения народов мира [1, с. 23–29], результаты опроса были обработаны в соответствии с моделью описания коммуникативного поведения, разработанной И.А. Стерниним [2]. Материалы интересны для работающих в полиэтнической среде. Знание особенностей коммуникативного поведения народа позволит избежать коммуникативного шока при контакте с представителями другой культуры. На данном этапе развития межкультурной коммуникации, границы которой расширяются, необходимо иметь представления об особенностях коммуникативного поведения народов. Особое значение подобные знания имеют для сфер соприкосновения разных этносов, важнейшей из которых является образование, где уже на начальной его ступени мы сталкиваемся с полиэтническим языковым пространством. В данной работе на основе полевого исследования описаны особенности грузинского коммуникативного поведения, касающиеся социального символизма.

1. Символика одежды

В городах женщины одеты дорого и модно. В деревнях люди носят траур по близкому родственнику всю жизнь, поэтому очень много людей в черных одеждах, длинных юбках. Молодежь носит и брюки и юбки разной длины и разных оттенков. Свадебное платье чаще белое, но встречается и ярко-красный цвет. На работу носят ту же одежду, что и в повседневной жизни, офисный стиль только у людей, работающих в банке.

Тапочки дома носят не всегда, так как снимают обувь, входя в дом, не сразу и не всегда. Гости туфли не снимают никогда.

Одежда является показателем благополучия. Исключение составляют джинсы, которые носят люди с любым уровнем доходов.

2. Символика цветов

В большинстве городов Грузии на дни рождения и свадьбы дарят нечетное количество цветов, а на похороны – четное. Но встречаются города и селения (в основном в Аджарии), где, наоборот – на похороны нечетное, мотивируя это тем, что покойный должен уходить один, а не в паре. На свадьбы дарят обычно белые цветы, розы или лилии. На похороны приносят специальные букеты из бордовых роз с

большим количеством сочных зеленых листов и трав, и гвоздики, которые являются цветами, предназначенными исключительно для похорон. На дни рождения грузины любят дарить желтые розы, так как у них желтый цвет – это цвет богатства (а в России желтые цветы – к измене).

3. Символика красок, расцветок, цветовых оттенков

Основной цвет в Грузии – черный: черные одежды, черные машины. Остальные цвета те, которые в моде на данный момент. Дамы очень следят за модными новинками. Молодежь одета ярко, нарядно. Дома сейчас модно красить в малиновые и вишневые оттенки.

4. Символика цифр и чисел

В любом магазине или аптеке любой товар можно купить поштучно: одну таблетку, один памперс, одно яйцо. Это, скорее, связано с низкими зарплатами, когда люди просто не могут позволить себе купить полный комплект или пачку. Это кажется очень удобным. «13» – несчастливое число, «2» – счастливое, так как именно 2 января отмечают национальный праздник «Дэдоба», который несет счастье на весь год.

5. Символика подарков

Подарки дарят, в основном, детям. К взрослым людям на день рождения идут либо совсем без подарка, либо с конвертом. Начальникам и учителям подарки не дарят совсем, это неприято, могут заподозрить во взятке. Любимым девушкам дарят духи или кольцо. Годовщину свадьбы не отмечают, поэтому ничего и не дарят.

6. Символика посещения общественных мест

В театры, в музеи, на выставки ходят все, но больше молодежь и люди среднего возраста. Представители рабочего класса обычно не ходят в театр, это характерно для образованных людей. Для этого долго и тщательно подбирают гардероб, обдумывают украшения. Это событие. В кинотеатрах в креслах есть специальные кольца для бутылок или стаканов с напитками. В кинотеатрах (в отличие от театров и музеев) все едят чипсы, попкорн, конфеты и при этом ужасно мусорят. В селениях, деревнях и маленьких городах никуда не ходят. Сидят на лавочках возле своих домов и рассматривают проезжающие машины.

7. Символика еды, угощения

Стол должен ломиться: тарелки ставятся в три яруса. Причем, такой стол будет накрыт с утра, если знают, что Вы приедете утром. В основном, подают национальные блюда и вина. Основные праздничные блюда – сациви, хинкали, хачапури.

8. Символика украшений

Мужчины не носят украшений, кроме креста. Женщины обвешаны желтым и белым золотом. Дорогие украшения дамы надевают только на торжества или выход в театр. В последнее время в моде бижутерия, которую грузинки умеют отлично сочетать с одеждой в летнее время. Все это красочно и оригинально. Именно в бижутерии они и ходят днем.

9. Символика размещения в пространстве

Во главе стола сидит хозяин, у него свое строго отведенное место. Остальные рассаживаются вокруг. По улицам ходят друг возле друга, плечо к плечу. В деревнях женщина идет позади мужчины.

10. Символика передвижения

Мужчины ходят вразвалочку, руки часто в карманах.

11. Символика местонахождения человека, помещений

Дома стараются ставить на возвышении, чем выше дом, тем находчивее хозяин. Дома в Мегрелии ставят впереди участка, а все маленькие подсобные помещения удирают вглубь, туалет не должен быть на виду.

12. Символика покупок

О достатке свидетельствуют такие покупки, как дома, престижные машины, дорогая одежда и обувь, дорогие предметы домашнего обихода, дорогие компьютеры, дорогие стереосистемы. Престижно иметь машину, пусть не новую, но иномарку, хорошую технику и мебель. Продукты покупают недорогие, но из них творят шедевры. Деликатесы покупать не будут.

13. Символика предметов быта

Над дверью висит подкова концами вниз. На видном месте большое количество икон и церковной утвари. Везде статуэтки, хрусталь. В приличном доме должно быть пианино и книги. На Новый год, помимо елки, в доме обязательно должна быть «чичилаки», это подобие бумажного дерева, на которое вешаются конфеты и фрукты. Чичилаки приносит в дом счастье. После празднования Нового года ее сжигают. К Рождеству (7 января) следует смастерить венок из лаврового дерева, украсив его плодами киви, мандаринов и веточками с какими-то красными ягодками. Такой венок вешается на дверь.

14. Символика физических действий

Мужчины за столом сидят вальяжно, расслаблено. Женщины скованно, руки на коленях.

15. Символика времени осуществления действия

Грузины очень пунктуальны, если опаздывают, то очень переживают. Лучше придут на час раньше, чем опоздают на пять минут.

16. Символика запахов

Парфюмерию любят, но не всегда могут позволить себе дорогую и качественную. Поэтому дорогие духи берегут, пользуются только по вечерам в крайних случаях. Зато юноши и девушки обливаются духами с утра до ночи.

17. Символика манеры речи

Речь быстрая, звучит грубо. Разговаривают очень громко, бурно жестикулируют руками. Темп речи очень быстрый, потоком. Очень трудно разбить предложения на слова. Речь эмоциональна, но при этом трудно понять, где заканчивается одно предложение и начинается другое. Совершенно другая интонация, не всегда понятно, что задается вопрос. Если грузин рассказывает какую-то историю, то долгое по времени высказывание будет идти без пауз, монотонно.

18. Символика денег, материальных затрат

Деньги ценят, достаются они грузинам сейчас тяжело. Стараются сэкономить, чтобы купить что-то важное. Но для гостей растратят их полностью. Очень щедры. В ресторане никогда не позволят оплатить стол, особенно женщинам, даже если не грузины приглашали в ресторан. Стараются угадать ваши желания в сувенирных лавках и скорее это вам купить.

19. Символика актуальных примет и суеверий

Не отмечают годик ребенку, считают, что годовщину отмечают только покойным. При краснухе у ребенка родители не должны есть мясо красного цвета и

выпивать. От укачивания в транспорте заклеивают крест-накрест пластырем пупок. В Грузии не дают деньги в понедельник (и займы, и долг нельзя в этот день отдавать). В доме нельзя свистеть, денег не будет. Также в доме нельзя зевать. Если кто-то из дома уезжает, нельзя подметать и выносить мусор, пока человек не доедет до места. Нельзя вытирать стол рукой, стряхивать с него крошки в руку – это к бедности. Если двое моют руки одновременно у одной раковины, то нельзя передавать мыло из рук в руки, это к вражде и ненависти друг к другу. Детям не разрешают дома открывать зонт, мотивируя это тем, что не вырастут. Нельзя есть с ножа, попадешь под чей-то острый язык.

20. Символика гигиены и аккуратности

Очень аккуратны и чистоплотны. Если мужчина ежедневно ходит на работу, то с утра он обязательно побреется. Моются часто, насколько позволяет наличие воды. Не выйдут из дома с невытой головой, а женщины без укладки и макияжа.

К своей территории женщины относят не только квартиру, но и лестничную клетку. Убирают быстро, чисто, и по несколько раз в день. После завтрака/обеда/ужина обязательно протрут пол на кухне. Плитку моют после каждого приготовления еды.

Если живут в частном доме, то образцовый порядок должен быть и на участке. Если на улице ставится стол для гостей, то все курящие имеют право кидать бычки по сторонам. Когда же просишь пепельницу, искренне удивляются просьбе, мотивируя тем, что после гостей все равно будут убираться во дворе. Если на территории у дома между газонами выложены дорожки, их метут каждый день по несколько раз.

21. Символика внешности

В наши дни в моде делать пластику носа. Вся молодежь к пластическому хирургу ходит, как русские к стоматологу, раз в полгода. Много полных мужчин, женщины стараются за собой следить.

Эталон женской красоты – длинные волосы. На даму с длинными распущенными волосами обернется любой грузин. Молодежь волосы практически не красит, чаще дамы зрелого возраста так скрывают седину. В городах можно встретить и блондинок, которым по каким-то причинам не нравится их натуральный цвет волос. Глаза у грузин в основном карие, но встречаются и голубые. Сами грузины считают, что натуральный грузин (не испорченный в давние времена турками) – это человек с голубыми глазами и рыжими волосами, и, мало того, с прямым носом. Молодые девушки часто носят линзы, чтобы изменить цвет глаз. Но это не означает, что им не нравится свой, природный цвет. Просто так отдают дань моде. Часто восторгаются западными актрисами и стараются им подражать во внешности. Взрослые дамы уже не носят длинные волосы, а стригутся коротко.

Женщину с чрезмерным макияжем могут принять за женщину, ищущую контакта с мужчинами.

22. Символика причёски

Мужчины носят короткие стильные стрижки, женщины чаще с длинными волосами. Молодежь очень стильно, по-европейски подстрижена. Цвет волос любят менять, но экстремальные цвета волос в Грузии не встретишь.

23. Символика предметов собственности

На домах часто указаны фамилия и имя владельца. На машине наклейка с грузинским крестом.

24. Символика праздников

Список государственных праздников Грузии (Кодекс законов о труде Грузии, Статья 64).

1 января. Новый год. В Грузии в новогоднюю ночь горожане двери домов оставляли открытыми, ибо считалось, что именно в новогоднюю ночь счастье гуляет по улице, и если дверь будет закрыта, оно не войдет в дом. Правда, сейчас в столице Грузии двери никто не оставляет открытыми даже днем.

Под Новый год, к 12 часам, тбилисцы готовили особый новогодний столик – табла. На него укладывались сладости, фрукты, по четырем сторонам зажигались свечи, которые должна была отлить хозяйка. После наступления Нового Года глава семьи брал этот столик и обходил с ним весь дом. Считалось, что вслед за ним идет ангел, который принесет всем счастье, а дому благополучие. Во всей Грузии в 12 часов стреляют в воздух – своеобразное выражение радости. Это тоже старинный обычай, но прежде он имел совсем другое значение. Каждый выстрел был целенаправленным – стреляющий был уверен, что попадет в злого духа и в Новом году добро, наконец, победит зло. Спать в Новый год не рекомендовалось – потому что можно было проспять свое счастье, и не только – можно, оказывается, и лишиться своей доли ума: говорят, как раз в эту ночь раздавался ум на небесах.

Очень важным являлся первый день Нового года. До сих пор в Грузии существует целый ритуал, связанный с «меквле» – человеком, который первым переступает порог дома в новом году и приносит счастье (или несчастье). «Хорошая нога» всегда ценилась. В грузинских селах односельчане, известные таким свойством, ходили поздравлять остальных своих соседей. Меквле приносил сумку с вином, сладостями и обязательным куском вареной свинины и, подойдя к дому, произносил ритуальные слова с пожеланием счастья в новом году. И поныне в Грузии из всех новогодних гостей «меквле» особый почет. Ведь будущий год будет зависеть исключительно от того, «легкая» у него нога или не очень. Но доподлинно об этом можно будет узнать только через год.

1 января в Тбилиси на улицах устраивались гуляния, фейерверки, представления, но домой нужно было вернуться до обеда – иначе весь год будешь отсутствовать дома. Старые люди говорят также, что в новогодние дни нельзя ничего одалживать, так как с этой вещью уходит благосостояние дома. Чтобы год был сладким, 1 и 2 января в дом нельзя вносить горькие продукты. И, наконец, в каждой семье должно быть традиционное новогоднее лакомство, немаловажный компонент праздника – гозинаки (орехи в меду). Утром 1 января кто-то из старших встает пораньше, берет блюдо с гозинаки и угощает сладким всех остальных, еще не вставших с постели. И вообще, чем больше сладкого на новогоднем столе, тем слаще будет год. Праздники Нового года в Грузии продолжаются по второе января – это День счастья, «Бедобис дге». Этот день надо провести в кругу приятных людей, обойтись без ссор в семье и вне дома – как проведешь день, таким будет и год. За новогодним столом произносятся множество традиционных тостов, но первым из них еще в древние времена в Грузии был – «За мир на нашей земле!»

Любимый во всем мире праздник обрел в Грузии свои национальные черты. Например, такой главный новогодний атрибут, как елка. В Грузии помимо зеленой хвойной красавицы в каждой семье украшают «чичилаки» – это самодельная елоч-

ка из деревяшки, крону которой заменяют стружки. Чичилаки украшают сушеными фруктами и по традиции сжигают после Нового года, чтобы вместе с ее дымом ушли в прошлое все невзгоды. Есть в Грузии блюда, без которых не обходится ни один новогодний стол. Это жареный поросенок, символически сулящий благополучие, медовое гозинаки (жареные орехи, козинаки), чтобы жизнь была сладкой как мед. На Новый год все друг другу дарят подарки: детям игрушки и сладости, взрослые друг другу книги, парфюмерию, конфеты и сувениры.

7 января. Рождество. Рождество в Грузии празднуют с некоторыми особенностями. Накануне ночью во всех храмах страны начинается торжественное богослужение. В Тбилиси оно проходит в Соборе Святой Троицы во главе с Католикосом-Патриархом. А после службы начинается самое интересное и зрелищное: праздничное шествие «Алило». Верующие и сами священники проходят по улицам с церковными песнями, неся над собой иконы, кресты и хоругви. Таким образом, они как бы несут благу весть о рождении Христа. К процессии присоединяются все желающие, многие несут с собой дары, которые потом раздаются в детские дома и приюты. А еще в Рождественскую ночь в каждом грузинском доме зажигаются свечи. Их специально ставят у окна, чтобы свет был виден прохожим. Эта традиция соблюдается в память о далеких библейских событиях, когда Иосиф и Мария искали приют для рождения сына. Есть у грузинского Рождества и свои кулинарные традиции. К этому празднику хозяйки пекут «кверци» – вкусные рождественские лепешки.

19 января. Крещение Господне. Верующие в этот праздник окунаются в прорубь. Дома праздник не отмечается.

3 марта. День матери (Был объявлен государственным праздником в 1991 году первым президентом независимой Грузии Звиадом Гамсахурдиа, как замена «коммунистическому» Международному женскому дню). Празднуют оба. В марте грузинских женщин ждут сразу два женских праздника: День матери и Международный женский день. За свою небольшую историю День матери сумел прочно вписаться в календарь праздничных дат. В этот весенний день улицы городов буквально утопают в цветах. Их продают на каждом шагу, и спрос все равно превышает предложение, потому что нет в этот день тех, кто не поздравил бы любимых, дорогих, родных матерей, бабушек, жен. Культ матери священен для грузина. В Тбилиси даже сооружена огромная статуя символизирующая Мать, Родину, Грузию. В День матери праздничное настроение приходит не только в каждый дом, но и в каждый город. В Тбилиси, например, проходит множество интересных праздничных мероприятий: концерты, шоу, благотворительные акции, народные гуляния. Мамам дарят цветы, духи, посуду. Дома для матерей накрывают щедрые столы.

8 марта. Международный женский день. О том, какие грузины галантные кавалеры и дамские угодники, хорошо известно. В этот день они стараются особенно, одаривая своих дам комплиментами, цветами, подарками и, что самое главное, таким трепетным вниманием, что впору растаять даже сердцу Снежной королевы. В этот день все женщины, собравшиеся за праздничным столом, который готовят мужчины, ощущают себя королевами.

9 апреля. День национального единства. Был объявлен государственным праздником после Тбилисских событий 1989. Этот праздник можно смело назвать предвестником грузинской независимости. Именно с событий 9 апреля идея о суве-

ренитете страны стала крепнуть и обретать новые формы политической борьбы. В тот трагический день 9 апреля 1989 года в Грузию были введены советские войска с целью подавить народные митинги, требующие восстановить независимость Грузии. В результате погибли 30 человек, более 200 получили ранения. В этот день в стране вспоминают всех, кто пал в борьбе за счастье и свободу родного края. В храмах служат гражданские панихиды. В Тбилиси к мемориалу памяти погибших 9 апреля несут цветы и зажженные свечи. Дома этот праздник не отмечается.

15 апреля. День любви. Грузины имеют в своем календаре два праздника любви. Свою собственную альтернативу всемирно признанному Дню святого Валентина грузины придумали несколько лет назад. Молодежь эту идею поддержала, и теперь 15 апреля любимый праздник всех юных влюбленных счастливых пар. Они в этот день дарят друг другу цветы и подарки, устраивают сюрпризы и романтические вечера. В Тбилиси к этому дню приурочены концерты (песни только о любви), романтические шоу и конкурсы.

Переходящий праздник – Пасха. На Пасху в Грузии, как и в России, пекут куличи, красят яйца, освящают их в церкви. Зовут гостей за щедро накрытые столы, обмениваются куличами, бьются яйцами.

9 мая. День Победы. Каждый год 9 мая Грузия отмечает очередную дату победы над фашизмом. В Тбилиси торжества проходят в парке Ваке у могилы неизвестного солдата. В этот день с самого утра в парке играет духовой оркестр, по летней сцене кружатся пары, все вокруг в цветах. Будто ничего не изменилось с той памятной весны 1945 года. Только ветераны уже не молодые сильные мужчины, а убеленные сединами старики. С раннего утра не иссякает поток желающих возложить цветы к подножию мемориалов и Вечному огню, лично поздравить ветеранов букетом цветов. Для них звучат самые теплые слова, поздравления и пожелания, проходят концерты, банкеты.

12 мая. День Святого апостола Андрея Первозванного. Отмечается 13 декабря и 12 мая (с 2003 года), который в Грузии объявлен выходным днем. Дома этот праздник не отмечается.

26 мая. День независимости. Грузия стала независимым государством 31 марта 1991 года. Именно в этот день было объявлено о суверенитете страны в ходе Всенародного референдума. Тем не менее, годовщину Независимости Грузия отмечает 26 мая, в день, когда Грузия впервые стала свободным государством. Случилось это в 1918 году. Главный государственный праздник в Грузии отмечается с огромным размахом. По традиции в этот день проходит торжественный военный парад и грандиозный праздничный концерт. Военный парад проходит по главной улице Тбилиси – проспекту Руставели. Стройным шагом проходят по главной артерии древнего города колонны военных: тысячи военнослужащих всех видов войск. За ними следует более 100 единиц военной техники. В небе чертят замысловатые узоры десятки самолетов. Не менее зрелищным является другое мероприятие, по традиции, проходящее в этот день. Это знаменитый фестиваль цветов «Вардобистве». В эти дни знаменитый Мост мира превращается в разноцветную радугу из цветов. В столичном парке Ваке собираются ветераны. Здесь проходит акция памяти тех, кто положил жизнь во имя Независимости страны. В парках проходят детские мероприятия и праздники, а на стадионах – спортивные матчи и соревнования. На этот праздник в грузинских домах застолье, но без подарков.

16 июля. День духовной любви. Если День любви в Грузии празднуют только влюбленные пары, то День духовной любви праздник всеобщий, потому как Бог любит нас всех. Чтобы люди вспоминали об этом хотя бы раз в году, был учрежден этот праздник. Его отмечали в Грузии испокон веков, но в годы тотального атеизма позабыли, и возродился он только в последние десятилетия благодаря Католикосу-Патриарху всея Грузии Илию II. По-грузински праздник еще величают Гергетоба. С особым размахом его отмечают в местечке Гергети. Остальные не отмечают.

28 августа. Успение Пресвятой Богородицы. Отмечается только в церкви, но является государственным праздником.

14 октября. Мцхетоба-Светицховлоба. Большой духовный праздник празднуют грузины 14 октября. В его основе лежит настоящее чудо: обретение Грузией величайшей святыни, хитона Господня, благодаря которому был построен главный храм Грузии, собор Светицховели. Легенду о том, как еще в I веке два еврейских священника привезли в Грузию хитон Иисуса, в котором он был казнен, знает любой грузин. Каждый также знает, что на месте захоронения хитона вырос священный кедр, ставший впоследствии мироточить и приносить людям исцеление от всех недугов. Люди прозвали кедр Животворящим Столпом (Светицховели). В начале IV века первый царь Грузии Мириан – решил построить на его месте церковь. Кедр сожгли, но ствол не могли сдвинуть с места. Только Святая Нино смогла вымолить благословение Господа. Невидимая сила подняла ствол в воздух и опустила в месте, где вскоре выросла деревянная церковь. Столпы для первой церкви были вырезаны из того самого кедра. В XI веке обветшалую церковь сменил величественный собор Светицховели, который сегодня находится в историческом городе Мцхета – древней столице Грузии. И главные торжества праздника Светицховлоба, конечно же, проходят здесь на древней земле Иберии. В соборе Светицховели с раннего утра начинается торжественная служба во главе с Патриархом всея Грузии. На службу съезжаются верующие не только со всей Грузии, но и со всего мира. После праздничной службы проводится массовое крещение людей у слияния рек Арагвы и Куры, ставшее традиционной частью праздника Светицховлоба. В этот день верующие также посещают святые места Мцхеты: древний монастырь Джвари и старинные храмы. Дома грузины накрывают праздничные столы. Дарить ничего не принято.

23 ноября. День святого Георгия. Святой Георгий Победоносец, что лихо восседая на коне, поражает копьём змия – самый любимый и почитаемый христианский святой в Грузии. По древнему преданию, чтить память своего горячо любимого брата завещала грузинам сама Святая Нино, обратившая Грузию в христианскую веру. История Святого Георгия восходит к началу нашей эры, к заре становления христианства. Георгий служил полководцем при римском императоре Диоклетиане и стал заступником за всех христиан, подвергшихся насилию и гонениям. За это сам он подвергся страшным пыткам: несчастного предали колесованию, когда, вращаясь, колесо приводит в движение множество ножей и пик, впивающихся в тело жертвы. Христианская церковь канонизировала Георгия как великомученика и святого. А для Грузии он стал покровителем и защитником и день его колесования – 23 ноября – большой церковный праздник в Грузии. В этот день во всех храмах звонят колокола. Верующие молятся святому Георгию о благополучии, мире и здоровье. В Тбилиси в кафедральном соборе Святой Троицы совершается торжественная литургия. 23 ноября в Грузии – выходной день. Грузины отдыхают, посвящая досуг себе, своей семье, друзьям и близким. В этот день накрывают прекрасный праздничный стол, рекой льются тосты, звучит традиционное грузинское многоголосье.

1 июня. Нинооба – так по-грузински называется большой церковный праздник, посвященный дню (1 июня) прибытия в Грузию Святой Нино, обратившей грузин в христианскую веру.

14 мая. Тамароба. Царствование царицы Тамар пришлось на рубеж XII-XIII веков. Это время стало «золотым веком» Грузии, расцветом просвещения, мира, духовности. Царица смогла объединить под своим началом горцев-иноверцев, примирить церковь с государством, построила сотни храмов и монастырей, библиотек, покровительствовала поэтам, ученым и простому народу. Грузинский народ, как и много столетий назад, боготворит и прославляет царицу Тамар. Церковью она была возведена в ранг святых. День ее поминовения Грузия празднует 14 мая. Главные торжества проходят в Тбилиси и в Ахалцихе, где установлен памятник венценосной особе.

Переходящий праздник. Ртвели. Любой путешественник, в какой бы стране они ни был, стремится увидеть ее изнутри: национальные особенности, самобытность этноса, быт и обычаи простого народа. Только тогда его путешествие будет законченным, а впечатления полными и яркими. Для того чтобы понять и увидеть Грузию, достаточно побывать только на одном празднике – Ртвели. Это время сбора виноградного урожая, праздник, на который собирается вся семья. И неважно, что дети уже выросли и упорхнули из отчего дома. На Ртвели приезжают все. Таков закон семьи, а семья для грузин – это святое. Ртвели – это шум, смех, песни, танцы, шутки. Вот мужчины большой толпой возвращаются с виноградников. В руках у них огромные плетеные корзины полные спелых янтарных гроздьев. Сейчас начнется священнодействие – виноград будут давить в больших чанах. Женщины в это время колдуют над очагом: на огне стоит чан с традиционным угощением – татарой. Это виноградный сок, уваренный с мукой. Из этого сладкого массы женщины делают знаменитую чурчелу – излюбленное лакомство грузинской детворы – ореховые ядра в виноградной карамели. Стол, который грузинские хозяйки накрывают на Ртвели, не под силу накрыть даже сказочной скатерти самобранке. Здесь собраны все грузинские блюда: ароматный шашлык, сочные хинкали (грузинские манты), пряное сациви, нежное лобио и хачапури, изобилие зелени, свежих овощей и фруктов. Рекой льется молодое вино. Первый тост поднимает глава семьи: «За родную землю!» До самого вечера не смолкают красивые речи и звучные песни. Еще завтра и послезавтра будет кипеть работа, а потом снова соберутся за праздничным столом домочадцы и многочисленные гости, которым здесь всегда рады.

17 декабря. В Грузии 17 декабря отмечают православный праздник День Святой Варвары, или как он называется в Грузии, Барбароба. К этому дню во многих грузинских семьях по традиции пекут «лобиани» (так по-грузински называют лепешку с фасолевой начинкой), также считается важным, кто в этот день зайдет в дом в качестве первого гостя. Так как Святая Варвара считается покровительницей детей, сегодня в грузинских церквях и храмах на службе в честь праздника будет присутствовать много детей и подростков.

Список литературы

1. Очерк американского коммуникативного поведения / Под ред. И.А. Стернина, М.А. Стерниной. – Воронеж: ВГУ, 2001. – С. 23–29.
2. Стернин, И.А., Ларина Т.В., Стернина, М.А. Очерк английского коммуникативного поведения. – Воронеж: ВГУ, 2003.

СЕРЕДНЬОПОЛІСЬКІ ВІРУВАННЯ ПРО ВІТЕР ТА ЇХ НОМІНАЦІЯ

У статті подано сучасні уявлення поліщуків про природу вітру та зокрема вихру, зафіксовані під час експедицій у Середнє Полісся, обереги від вітру, обрядові дії та замовляння, пов'язані з цією природною стихією. Представлено середньополіську номінацію цього культурного явища та здійснено етнолінгвістичний опис.

Ключові слова: вітер, вихор, середньополіські вірування, уявлення, реалізація опозицій.

MIDDLEPOLISSYA BELIEFS ABOUT THE WIND AND THEIR NOMINATION.

The paper gives modern ideas of Polissya inhabitants concerning the nature of the wind and whirlwind in particular, which were fixed during the expedition to Middle Polissya, as well as about the talismans against the wind and the ritual activities and spell connected with this natural element.

The paper also presents the middlepolissya nomination of this cultural phenomenon and makes its ethno-linguistic description

Key words: *wind, whirlwind, middlepolissya beliefs, ideas, the realization of the oppositions.*

У сучасному слов'язознавстві не втрачає актуальності проблема збирання та накопичення інформації про традиційну народну культуру, що є цінним матеріалом для наукових досліджень. Гострота проблеми особливо відчутна сьогодні, коли розвиток науки та розширення можливостей одержання інформації зумовило певну втрату чи, принаймні, трансформацію давніх вірувань у культурній практиці сучасних мешканців Полісся. Водночас Середнє Полісся й досі залишається одним із найбільш архаїчних культурних ареалів, який зберіг чимало давніх уявлень про навколишній світ. На унікальність Полісся як етнокультурної зони свого часу вказували його дослідники [14, с. 18-45; 24, с. 8-9; 25, с. 11; 26, с. 8; 10, с. 42-44].

Однією з важливих сфер традиційної народної культури є народні уявлення про довкілля, які не лише дають уявлення про давню картину світу, а й є одним із джерел формування сучасного світогляду українців з локальними його особливостями. Тож одним із найважливіших завдань сьогодення є запис та накопичення середньополіських вірувань про неживу природу, до яких належать і атмосферні явища. Це особливо важливо для реконструкції прастану культурних явищ, пов'язаних із вітром, та з'ясування міфологічної основи їх формування.

Актуальність дослідження зумовлена певною безсистемністю та фрагментарністю зафіксованої інформації про подібні вірування. Об'єкт дослідження – середньополіські вірування про вітер. Мета статті – подати опис зібраної та систематизованої лексики, пов'язаної з уявленнями про вітер, встановити структуру досліджуваного

культурного явища в єдності різнопланових елементів – вербальних, реалемних, акціональних, агентивних, атрибутивних, локативних, темпоральних тощо, з'ясувати історичне коріння вірувань та міфологічну основу їх формування.

Явища природи (дощ, вітер, грім та ін.) давня викликали у людей прагнення з'ясувати їхнє походження та місце в будові світу. На божественну природу вітру вказують міфи різних народів: у єгипетських міфах відомий бог вітру Шу (він був чоловіком богині вологи Тафнут); в індійських міфах вітер з'явився з дихання первісної людини Пуруші; у китайців духом вітру є Фен Бо; стародавні греки вірили у північного вітра Борей, східного вітра Евра, вологого південного Нота та західного пестливого Зефіра; в українців Богом вітрів вважали Стрибога [див.: 13, с. 8; 28, с. 10, 131, 198; 3, с. 67; 15, с. 41-42]. У розвідках 19 ст. етнографи – дослідники східнослов'янських традицій, мотивуючи походження вітру від Стрибога, вказували й на інші міфологічні вірування про вітер: вітер походить із дихання янголів, із дихання чотирьох кремезних чоловіків, що стоять у чотирьох кінцях світу й безперервно дмухають один на одного. Були поширені також вірування про демонічне походження вітру (від Сатанайла, чорта) [29, с. 32-33; 2, с. 264; 6, с. 100; 3, с. 67-69; 22, с. 359]. Уявлення про вітер стали об'єктом багатьох досліджень українських та зарубіжних дослідників-мовознавців у різні часи (див. праці О. Потебні [21], М. Костомарова [12], І. Нечуя-Левицького [17], митрополита Іларіона [8], О. Могили [16], Е. Азімова [1], Д. Зеленіна [7], А. Плотникової [19, 20], Є. Бартмінського [30] тощо).

У сучасних віруваннях жителів Середнього Полісся збереглися уявлення про вітер, зокрема вихор, як демонічну силу, ворожу людям, найчастіше пов'язану з нечистою силою (н.п. 3, 8, 9, 13, 18, 19, 20, 22, 24, 25)¹. Номінація середньополіських вірувань про вітер, мотивована такими уявленнями, представлена аналітичними та описовими мовними одиницями: *чортї бйўца* (н.п. 3), *чортї гул'айут'* (н.п. 22), *хлѡнци гул'айут'* (н.п. 8), *чортї п-ідн'алис'а* (н.п. 24), *злий в-іхрїт' да крутїт'* (н.п. 13, 18), *лихє (нечїсте) крутїт'* (н.п. 19, 20), *чортї в-єс'єл'є гул'ал'ї* (н.п. 9), *чорт губа̀ми дме* (н.п. 25), *д'їйавол розходїўс'а* (н.п. 18). Зв'язок вихру з нечистою силою в уявленнях поліщуків також відбивають тексти-оповіді: *Чолов-єк пол'єз на дуб до пчол. М-єду набрат', а сокірку за пѡйас засу́нуу' сзадѡ. Кѡло пчол сок-їрка трѡба ж бѡд'є. В-ін пол'єз, а схоп-їўс'а в-іхѡр. У нѡго сок-їрка впала на зѡмл'у. Вѡн погл'адѡў на пчѡли, зл'єз, шукаў сок-їрку, н'єма н'їдѡ сок-єрк-ї. Ход'їў, ход'їў, н'єма і усѡ. В-ін пов-їз молѡт' у мл'їн, гл'ад'їт, а у мл'їнѡ пр'ї огнѡ л'єжїт' йѡгѡ сок-їрка. В-ін до м-єл'н'їка ка́же: Чийа́ це у тѡб-є сок-їрка? – Мойа́. – А д'є ти йейѡ вз'аў? – А ти забѡў, н'є зна́йеш?, – ка́же м-єл'н'їк, – ти був на дѡб-є, а ми в-єс'єл'є гул'ал'ї. Йа у тѡб-є вз'аў йейѡ з-за пѡйаса. А ти забѡў.* (н.п. 9).

Зазначимо, що уявлення про вітер як демонічну силу є загальнослов'янськими, оскільки відомі паралелі поширення їх у традиційній культурі східних та південних слов'ян [див. 20, с. 245-250; 19, с. 136-139; 22, с. 379].

В багатьох селах Середнього Полісся зафіксовано інформацію про безпосередній зв'язок вихру зі смертю людей, які за життя практикували ворожіння (н.п. 2, 5, 6, 10, 12, 17, 23, 24, 25, 29); із наявністю самогубців у селі (н.п. 1, 3, 9, 14, 18, 29); із чаклуванням (н.п. 7). Іноді поява вихру мала й раціональне пояснення: вона

¹ В круглих дужках подаємо перелік населених пунктів, у яких проводилось опитування. В кінці статті подаємо назви обстежених населених пунктів Житомирської області.

зумовлена впливом інших природних явищ, наприклад, спеки (н.п. 20). Водночас мотивація появи вітру чи вихру від чортів або чаклунів наявна в працях українських дослідників [29, с. 33, 36; 17, с. 27-28; 22, с. 358, 379; 16, с. 23-25].

Для номінації явища вітру у мовленні поліщуків поширені різні фонетичні варіанти лексеми *вітер*: *в-ітер* (н.п. 2, 3, 7, 12, 15, 21), *в-еітер* (н.п. 1, 4, 5, 8, 16, 20, 26), *в-еіт'ер* (н.п. 10, 11, 18), *в-еіт'ор* (н.п. 17, 19), *вйеітер* (н.п. 26, 27, 28, 29, 30). Ці варіанти подано також у працях М. Никончука [18, с. 126]. На позначення сильного вітру або вихру, що крутить, поширені назви, які є похідними від різних коренів: *-бур-* (*-бур'-*): *бұра* (н.п. 6, 8, 9, 10-14, 17, 18, 21-23, 27-29), *бұр'а* (н.п. 3, 7, 16), *бұран* (н.п. 19, 20, 25, 26), *бур'йан* (н.п. 19); *-вих-* (*-в-іх-*; *-вйіх-*): *вйхор* (н.п. 3, 4, 7, 12, 14, 16, 22, 28, 30), *в-іхор* (н.п. 1, 9, 15, 17, 18, 21, 23-25), *в-іхор* (н.п. 19, 20), *вййхор* (н.п. 11), *в-іхола* (н.п. 12); *-крут'-* (*-круч-*): *крут'* (н.п. 5), *круч* (н.п. 7, 10); *-в-ій-*: *бурев-ій* (н.п. 24); *-в-ей-*: *сухов-ей* (н.п. 13). Спорадично зафіксовано російську лексему *ураган* (н.п. 28), іменник від дієслова *вертѣти* – *в-ертұшка* (н.п. 26), назви бурі мотивовані темпоральною ознакою, яка вказує на період, під час якого спостерігається явище сильних вітрів: *д'єдоўска* – 'сильний вітер, що дме у поминальні дні, що називають Дедами', у т.ч. й аналітичні конструкції (іменниково-прикметникові словосполучення) *масл'ана бур'і* – 'сильний вітер під час святкування Масниці', *в-еібний в-еіт'ер* – 'вітер, що дме у Вербну неділю' (н.п. 11).

Номінація вихру та її локалізація в різних українських мовних ареалах була об'єктом докладного вивчення О. Могили. Серед поданих назв у працях 80-тих років 20 ст. трапляються поліські назви *зав-ій*, *зав-ійло*, *верт'ол*, які не зафіксовано в сучасних поліських говірках, а також споріднені з поліськими назвами номінації *закрут*, *крутен'* (гуцул.), *пов-ітрул'а* (закарп.) тощо [16, с. 21, 24].

У Середньому Поліссі спорадично поширені вірування про *поганий* та *добрий* вітер. Номінації поганого вітру представлені лексичними одиницями (прикметниками): *холодний* (н.п. 11, 21); *буравий* (*від бұра*) (н.п. 2); *злий* (н.п. 3, 9, 22); *чорний* (н.п. 3). Зафіксовано також аналітичні іменниково-прикметникові конструкції атрибутивного характеру, опорним компонентом яких є лексеми *буря* або *вітер*: *д'єдоўска бур'а*, *масл'ана бур'а* (н.п. 11); *здорова бұра* (н.п. 28); *в-ітер присланий* (н.п. 3); *сил'ний вйеітер* (н.п. 29); іменниково-дієслівні конструкції: *злий в-іхрїт' да крутит'* (н.п. 13, 18), *лихе (нечїсте) крутит'* (н.п. 19, 20), дискурсивні конструкції: *бұра в-ел'ка с холодного країу* (н.п. 11); *в-еітер дўїє з чортового Сиб-іра* (н.п. 16). Переважно семантика цих конструкцій має яскраво виражене негативне забарвлення.

Привертає до себе увагу наявність евфемічних субститутів імені *чорта* в назвах вихру, мотивованих нечистою силою, що зумовлено табуванням прямої назви нечистої сили. Натомість вживаються субстантивовані прикметники *злий* (н.п. 13, 18), *лихе (нечїсте)* (н.п. 19, 20) або іменник *хл'опци* (н.п. 8). У накладанні табу на певні назви простежується давня віра наших предків у магічну силу слова: *то хл'опци гул'айут'*, *шоб н'е називат' йїх на імйá* (н.п. 8).

Поряд з уявленнями про *поганий* вітер, на Житомирщині зафіксовано вірування в *добрий* вітер, відповідно до якого людині може бути фізично добре від вітру (н.п. 2, 9, 23, 29). Ці уявлення представлені лексичними одиницями (прикметниками), які мають позитивне семантичне навантаження: *теплий* (н.п. 3, 11, 15), *спок-ійний* (н.п. 8), *леген'к-ій* (н.п.3), *мйакен'к-ій* (н.п. 21), *д'обрий* (н.п. 9, 23) або

іменник з семантикою пестливого забарвлення *в-ітерѣц'* (н.п. 3, 12). Демінутивна назва *вітерець* засвідчує шанобливе ставлення до цього явища неживої природи через прихований мотив страху перед ним та прагнення задобрити, умилоствити цей персоніфікований об'єкт у його номінаціях. Крім задобрення вітру, вихру у його назвах, у слов'ян польсько-українського порубіжжя, Підгалля, Македонії здавна існували ритуальні дії (обряди) запрошення вітру на вечерю чи обід на Різдво [22, с. 358]. Під час польських експедицій на Житомирщині ця традиція не зафіксована, водночас майже всі респонденти зазначають, що завжди запрошували *морѳз кут'у йісти*.

Вірування про *поганий* та *добрий* вітер є реалізацією опозицій *добро : зло, тепло : холод, здоров'я : хвороба*; а уявлення про походження вітру реалізують опозиції *добро : зло, ангел : чорт*.

Загалом назви та оповіді, пов'язані з вихром, у різних слов'янських культурних ареалах відбивають сприйняття цього явища як такого, що становить небезпеку, оскільки воно несе не лише руйнування будівель, викорчовування дерев, а може й фізично нашкодити людині, яка в нього потрапляла. Вірування у фізичну небезпеку вихру предстатені назвами хвороб, які викликав вітер: *простудн'ї, нервѳв-ї, стрѳсов-ї* (н.п. 3); *пр'їстрѳт* – 'хвороба викликана злим поглядом' (н.п. 10, 11); *парал'їч* (н.п. 3, 23); *підв-ѳї* – 'хвороба від вітру' (н.п. 9); *запален':а л'ег-ѳн'* (н.п. 9); назвами деструктивного впливу: *покал'ѳч-їт* (н.п. 7); *слабуйе* (н.п. 12, 16); *просквоз'їт* (н.п. 6, 7, 9, 12, 13, 19, 23, 29); *задушит'* (н.п. 19); *скривит'* (н.п. 28); *гѳлову надуйе* (н.п. 7, 13, 29).

Небезпечність вихру для людини визначила широке коло охоронних і захисних дій, предметів тощо. Для попередження вітру поліщуки здавна дотримувалися певних заборон: *проклинати вітер* (словен.), *бити землю палкою чи знаряддям* (пол.), *руйнувати мурашник* (укр.), *спалювати старий віник* (поліс.), *прясти в певні святкові дні* (словен.), *дмухати на вогонь у Різдво* (півд.-серб.), *мотати нитки влітку після заходу сонця* (рос.), *вибілювати полотно влітку під час цвітіння жита* (білор.), бо ці дії можуть спричинити зустрічний вітер [22, с. 368; 30, с. 131-132].

У сучасних середньополіських віруваннях зафіксовано такі заборони: не рекомендовано *дражнити вітер, сильно кричати, матюкатись* (н.п. 3); *показувати дулі вітрові* (н.п. 1, 3, 16, 19); *чіпати мурашник, бо накликаеш вітер* (18, 21); *носити шапку, яку вихор покрутив* (н.п. 19, 23, 25, 28, 29), *шити одяг з полотна, яке вихор покрутив* (н.п. 23). Заборону використовувати для одягання речі, які перебували у безпосередній взаємодії з вихром, поліщуки, як правило, не виконували з матеріальних причин: *носіли, то заре багато шапок, а тод'ї одна* (н.п. 12); *нос'їл'ї, бо шапѳк інших не було* (н.п. 20); *бо шапк-ї шкѳда* (н.п. 5); *полотно це така т'ажка прац'а, шо не к'їдали йѳгѳ* (н.п. 25); *даже йак йѳгѳ покрутит', то ти розстилайеш і тим прачѳм лупиши на водѳ, то вибйеш ѳсе* (н.п. 28). Іноді респонденти зазначають, що не можна розоряти мурашник, спалювати віник, прясти та мотати нитки у певні дні: *мотат п-їсл'а заходу сонца н'е мѳна* (н.п. 8); *не мѳна спал'уват' і переступат' в-їника* (н.п. 14); *у п-атниці не прали, тѳко матали*. (н.п. 16); *мурашник не трѳба чипат* (н.п. 28), однак мотивацію заборон не пам'ятають (н.п. 4, 8, 14, 16, 23, 27, 28), що свідчить про поступову деградацію явища. Водночас збереглися вірування поліщуків про те, що вітер можна накликати свистом, коли в ньому є потреба (1, 3, 8, 9, 123, 14, 17-20, 23, 25, 30). Це відбиває й прислів'я, зафіксоване на Поліссі: *не св-їшч-ї (не свисті) бо*

вієтер б́уде (наклічеш) (н.п. 13, 18, 23, 25-29) і *грóшей не б́уде* (н.п. 25). Ці уявлення про взаємозв'язок вітру і свисту є давніми (на що вказують вірування у божественного сина язичницького Стрибога – Посвистача) і поширені як у східних слов'ян [29, с. 33; 8, с. 50; 2, с. 264; 1, с. 90; 7, с. 417; 3, с. 70; 22, с. 358 тощо], так і в балканських [19, с. 132, 134; 20, с. 245,].

У Середньому Поліссі донині побутують вірування про те, що вітром можна наслати на людину *порчу* – розм. 1) 'пошкодження, шкода'; 2) 'вада' [4, с. 1074; 5 (IV том), с. 533] або хворобу за допомогою заклинання, замовляння (н.п. 1-5, 6-11, 14, 18-24, 26-30): *йак зна́йе в-е́д'ма да не пуска́йе на в-ієтер, то йій роздво́ує ду́шу* (ймовірно, назва пов'язана зі значенням 'мучить, тисне в грудях, заважає') (н.п. 2); *пуска́л'и на в-е́т'єр уро́ки чи во́ду вил'іва́л'и на в-е́т'єр* (н.п. 10); *мо на вієтер пусти́ли йак-е́с' дане́* (н.п. 30). *Даня* – за деякими джерелами 1) 'назва отрути взагалі'; 2) 'чарівне приворотне зілля' [див. 6, с. 167]. У сучасних поліських говірках семантика слів *порча* та *даня* дещо інша: вони означають 'наслані на людину хвороби'. Позбутися цих хвороб та уроків можна лише замовляннями (*шептами* – замовляння, які промовляли пошепки'). Водночас хворобу також можна виганяти на вітер: *В закл'іна́н'їйі йе так-і слова́: «Йді тудá де в-ієтер не в-їє, де со́нце не гр'їє, де бо́жий дар не робит', л'удїна не ходит', де пт'їчка не сп-ївала, де корбу́ка травї не зїєдала, водїї не спивáла. Там де вас зна́йут', столи́ застел'я́ют'... (незрозумілі слова) вс'їм до́брим л'уд'ам в по́моч-ї ставáй».* *Ос' так одговóр'ували з в-і́тру.* (н.п. 1). Ці вірування є реалізацією опозиції *здоров'я* : *хвороба*.

Дотримуючись вірувань у демонічну силу вітру, людина намагалася захиститися від нього за допомогою певних предметів та дій. Здавна оберегами були *сіль, попіл, хрестик, прикрашений зеленню, колючі рослини, закладені під стріху, густі віники, закладені під дах будинків, рослини, зашиті в одяг (пижма, полин, часник)* [22, с. 360, 381]. На Житомирщині оберегами від вітру спорадично виступають різні предмети: *росліни закладені п-їд стр'їху* (н.п. 3, 10, 14, 18, 26); *н'їж с'ваченїй, йакїм р'їзали пáску* (н.п. 27); *іко́ни* (н.п. 5); *хл'їбна лопáта* (н.п. 27); дії: *пáдаї до з'емл'є, пр'їпадаї* (н.п. 1-9, 11, 18, 24, 26, 28, 29, 30); *л'ага́т' на з'емл'у* (н.п. 3, 8, 10, 16); *прис'єда́т' трéба* (н.п. 14, 19, 22, 23, 25); *хрестїс'а* (н.п. 2-5, 7-8, 13, 14, 20, 26, 28, 29); *трéба мол'їца О́тче наш* (н.п. 4, 5, 7, 10-12, 25, 26, 30); *сказáт' іді з бо́гом* (н.п. 26); *показáти ду́л'у в-і́тру* (н.п. 6, 9, 16, 19, 26, 30). Щодо останньої дії інформатори зазначають, що показувати дулю небезпечно, оскільки вихор може скалічити або навіть убити ту людину (н.п. 16, 19). Тому, як було зазначено, паралельно існує заборона показувати дулі вихрові.

Часто характер вітру був складовою прикмети для прогнозування погоди – як на цілий рік, так і на короткий час. При цьому великого значення надавали напрямку вітру: *Йак в-ієтер с тéплого крáйу то тéпло, а в-ієтер с'єв-єрний то хо́лод.* (н.п. 1, 3, 14, 15, 18-21, 28, 29); *Йáкос' пр'їмечáл'и на Покрóву скул' в-е́т'єр, йак з п'увдн'а то т'єпла з'їма́, йак з п'увноч-ї то хо́лодна з'їма́* (н.п. 1, 6, 9); *Йакшб в-і́тру до об-їду нема́, а п-їсл'а об-їду зд'їйн'áв'а – на дошч* (н.п. 3, 4). У таких прикметах представлена реалізація опозицій *північ* : *південь, тепло* : *холод, до обїду* : *після обїду*. А в сформованих на їх основі уявленнях простежується паралель між частиною світу, погодою та вітром.

Незважаючи на руйнівну силу вітру та його стихійність, слов'яни здавна приписують богам та міфічним істотам можливість керування вітрами: у болгар – Бог, св. Варфоломій, св. Ілля, Святий Дух та ін.; серби зверталися за допомогою до св.

Стефана, св. Петра, боснійці – св. Афанасія, св. Сисоя; росіяни вірять, що від вітру їх охороняє св. Антоній, св. Феодосій, св. Афанасій [22, с. 359, 381; 2, с. 265]. Під час експедицій у Середнє Полісся зафіксовано подекуди збережені вірування про певну вищу силу, яка має владу над вітрами: *йе бог в-ѣтру* (н.п. 1); *Бог* (н.п. 3, 20, 23); *с'ватий М-іхайл поб-едонóс'ец і Іл':а од грóму, тўч-і, гра́ду і вйѣтру* (н.п. 10, 29).

За образом вітру в сновидіннях намагалися тлумачити сни. Так, спорадично зафіксовано відповіді за негативним тлумаченням вітру в сновидіннях: *в-ѣтер це погано* (н.п. 5); *йак сн'їца то н'едобре* (н.п. 10, 29), що є реалізацією опозиції *погано* : *добре, добро* : *зло*. Зазначимо, що навіть у літературних творах символічне значення вітру, бурі – *це неспокій, хвилювання, тривога, боротьба, перешкода, зло* [11, с. 104-105].

Опрацьовані джерела засвідчують, що українська лексема *вихор* є загальнослов'янською (рос. *вихрь, вихорь*; блр. *віхар*; болг. *вихър*; пол. *wicher*; в.-луж. *wichor*; ч. *vichr*; слвц. *vichor*; лит. *viesulas*), утворена від праслов'янського іменника *vixrь*, пов'язаного з дієсловом *vixati* [16, с. 20; 27, с. 324]. Лексема *вітер* теж є загальнослов'янською (рос. *ветер*; болг. *вятър*; пол. *wiatr*; н.-луж. *wietś*; ч. *vitř*; слвц. *vietor*; лат. *vēntus*) споріднена з дієсловом *віяти* [27, с. 306]. Отже, номінації руху повітря утворені від дієслів і мають давнє походження. Щодо лексичного значення номенів *вітер* та *вихор* необхідно зауважити, що функціонування лексем у сучасній літературній мові та в поліських говірках дещо різні. Якщо в сучасній українській мові лексема *вітер* поширена з такими значеннями: 1) 'більший або менший рух потоку повітря в горизонтальному напрямку'; 2) 'потік заряджених частинок, плазми в космічному просторі' [23, с. 687; 4, с. 190], то в поліській традиційній культурі *вітер* набуває персоніфікації та властивостей знака і тому його назва виступає у значеннях: 'предвісник погоди на найближчий день або на майбутню зиму (на свято Покрови)'; 'явище, яке можна наклікати свистом'; 'явище, яке приносить задоволення у спеку'; 'посередник між ворожкою і людиною, на яку наслали хворобу чи уроки (порчу)'. Лексема *вихор* у словниках подана зі значенням: 1) 'рвучкий круговий рух вітру'; 2) 'надзвичайно швидкий хід, розвиток чого-небудь'; 3) 'природно закручене витком пасмо волосся, яке стирчить догори' [23, с. 534; 4, с. 160]. В уявленнях поліщуків *вихор* набуває значень: 'явище, викликане смертю самогубця або чаклуна'; 'явище природи, що становить небезпеку для здоров'я людини'; 'чортове гуляння, весілля або бійка'; 'природне явище, яким керують боги, ангели, чорти тощо'.

З погляду етнолінгвістичного, вірування про вітер становлять систему вербальних і невербальних знаків. Якщо вербальними компонентами вірувань є номінації, пов'язані з уявленнями про *вітер*, *вихор*, заклинання, легенди та перекази, то невербальні компоненти представлені одиницями реалемного, акціонального, атрибутивного, агентивного, локативного, темпорального планів. Одиниці реалемного плану вірувань: *росліни закладѣн'і н-ід стр'їху, н'їж с'вачѣний, йакїм р'їзали паску, ікони, хл'їбна лопата* – ритуальні предмети, як обереги від негативного впливу вітру; одиниці акціонального плану: *надаї до з'емлѣ, пр'їпадаї, л'агат' на з'емл'у, прис'єдат' трѣба, хрестїц'а, мол'їца Отче наш, показати дул'у* – магічні дії, якими людина захищається від вітру; одиниці агентивного плану: *л'удїна, шо попала у в-їхор* – 'особа, що постраждала, захворіла від вітру', *покойн'їк-колдун, в-їшел'ник, самогуб-ец* – 'особи, які викликали появу вітру', *бог в-ѣтру, с'ватий М-іхайл поб-едонóс'ец і Іл':а, чортї* – 'міфічні персонажі, які керують вітрами'; одиниці атрибутивного плану:

здоров'а бұр'а, в-ітер присланий, сіл'ний, холодний, буравий (від бұра), злий, чорний, теплий, спок-ійний, легєн'к-ій, м'як-єн'к-ій, добрий – 'ознаки, як характеристики вітру'; одиниці локативного плану: с теплого країу, з нұвдн'а, з нұвноч-і – 'напряму руху вітру для прогнозування погоди'; одиниці темпорального плану: до об-іду, п-ісл'а об-іду – 'вітер, пов'язаний з конкретним часом доби'; на Покрбву, д'єдоўска, масл'яна бұра – 'вітер, який виникає під час конкретних календарних свят: Покрови, Масниці, Дєдов (проводів)'.
Представлений матеріал поліських вірувань про вітер та його аналіз дозволяє робити висновки, що усі прикмети й повір'я про вітер та пов'язані з ним заборони становлять цілісну систему одного з явищ традиційної культури, яке можна розглядати як культурний текст. В основі його формування переважно лежить сприйняття вітру як демонічної сили та первісний страх людини перед цією природною стихією, що є планом змісту цього культурного явища, вказує на архаїчність вірувань та давність номінації.

Зібраний матеріал відображає лише фрагментарні знання про одне із явищ неживої природи, тож системне вивчення таких вірувань залишається актуальним в сучасному мовознавстві і зокрема в етнологістиці.

Зібраний матеріал відображає лише фрагментарні знання про одне із явищ неживої природи, тож системне вивчення таких вірувань залишається актуальним в сучасному мовознавстві і зокрема в етнологістиці.

Список обстежених населених пунктів Житомирської області:

- с. Виступовичі Овруцького р-ну;
- с. Гошів Овруцького р-ну.
- с. Журба (Невгоди) Овруцького р-ну;
- с. Ігнатпіль Овруцького р-ну;
- с. Красилівка Овруцького р-ну;
- с. Пішаниця Овруцького р-ну;
- с. Потаповичі Овруцького р-ну;
- с. Сорокопені Овруцького р-ну;
- с. Тхорин Овруцького р-ну;
- с. Чабан Овруцького р-ну;
- с. Черевки Овруцького р-ну;
- с. Стирти Черняхівського р-ну;
- с. Пиріжки Малинського р-ну;
- с. Чоповичі Малинського р-ну;
- с. Білокоровичі Олевського р-ну;
- с. Кишин Олевського р-ну;
- с. Перга Олевського р-ну;
- с. Радовель Олевського р-ну;
- с. Устинівка Олевського р-ну;
- с. Бовсуни Лугинського р-ну;
- с. Литкі Лугинського р-ну;
- с. Червона Волока Лугинського р-ну;
- с. Куліші Ємільчинського р-ну;
- с. Миколаївка Ємільчинського р-ну;
- с. Рясне Ємільчинського р-ну;
- с. Середи Ємільчинського р-ну;

- с. Лозниця Народицького р-ну;
- с. Рудня Базарська Народицького р-ну;
- с. Селець Народицького р-ну;
- с. Христинівка Народицького р-ну.

ЛІТЕРАТУРА:

1. Азимов Э.Г. Полесские поверья о вихре // Полесье и этногенез славян. Предварительные материалы и тезисы конференции. – Москва, 1983. – С. 89-90.
2. Булашев Георгій. Український народ у своїх легендах, релігійних поглядах та віруваннях. Космогонічні українські народні погляди та вірування. – К.: Довіра, 1993. – 412 с.
3. В. Войтович. Міфи та легенди давньої України. – Тернопіль, 2008. – 92 с.
4. Великий тлумачний словник сучасної української мови / Уклад. і гол. ред.. В.Т. Бусел. – Київ, 2009. – 1736 с.
5. Етимологічний словник української мови. / За ред. О.С. Мельничука. У 7 томах. – Т. 1- 5. – Київ, 1982-2006.
6. Жайворонок В. Знаки української етнокультури. Словник-довідник. – Київ, 2006. – 703 с.
7. Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. – Москва, 1991. – С.416-417.
8. Іларіон, митрополит. Дохристиянські вірування українського народу. Історично-релігійна монографія. – Київ, 1992. – С. 49-52, 107-108.
9. Конобродська В. Курсова і дипломна роботи з етнолінгвістики: навчальний посібник.– Житомир, 2003. – 236 с.
10. Конобродська В. Поліський ареал як об'єкт етнолінгвістичного опису // Поліські зворини: Збірник пам'яті професора М.В. Никончука. – Житомир, 2007. – 248 с.
11. Кононенко В.І. Символи української мови. – Івано-Франківськ, 1996. – 272 с.
12. Костомаров М.І. Слов'янська міфологія. Вибрані праці з фольклористики й літературознавства/ Упоряд. І.П. Бетко, А.М. Полотай. – Київ, 1994. – С. 226-228
13. Кун М. А. Легенди і міфи стародавньої Греції. – Тернопіль, 1993. – 416 с.
14. Кухаренко Ю.В. Полесье и его место в процессе этногенеза славян (По материалам археологических исследований) // Полесье (Лингвистика. Археология. Топонимика). – Москва, 1968. – С. 18-46.
15. Лозко Г.С. Коло Свароже: Відроджені традиції. – Ніжин, 2009. – 228 с.
16. Могила О.А. Назви вихору в українських говорах // Українська діалектна лексика. Збірник наукових праць. – Київ, 1987. – С. 20-29.
17. Нечуй-Левицький І. Світогляд українського народу. Ескіз української міфології. – Київ, 1992. – 88 с.
18. Никончук М.В. Матеріали до лексичного атласу української мови правобережного Полісся. – Київ, 1979. – 314 с.
19. Плотникова А.А. Видимая и невидимая нечистая сила: мифологические образы у балканских славян // Признаковое пространство культуры / Отв. ред. С.М. Толстая. – Москва, 2002 – С. 128-150.
20. Плотникова А.А. Мифология атмосферных и небесных явлений у балканских славян // Славянский и балканский фольклор. Народная демонология/ Отв. ред. С.М. Толстая. – Москва, 2000 – С. 243-258.

21. Потебня А. О некоторых символах в славянской народной поэзии. Второе издание. – Харьков, 1914. – С. 61, 81.
22. Славянские древности. Этнолингвистический словарь в 5 томах / Под общей ред. Н. И. Толстого. – Т.1. А-Г. – М.: Международные отношения, 1995. – С. 357-361, 379-382.
23. Словник української мови. – Т.1-11. – Київ, 1970-1980. – Т.1. – С. 534, 687.
24. Толстой Н.И. О лингвистическом изучении Полесья. (Предисловие редактора) // Полесье (Лингвистика. Археология. Топонимика). – Москва, 1968. – С. 5-17.
25. Толстой Н.И. О возможности исследования Полесья как модели славянского этнолингвистического прасостояния // XIV республіканська діалектологічна нарада. – Київ, 1977. – С.11-13.
26. Толстой Н.И, Толстая С.М. О задачах этнолингвистического изучения Полесья // Полесский этнолингвистический сборник. – Москва, 1983. – с.3-20.
27. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. – М.: Прогрес, 1986. – Т I (А-Д). – 576 с.
28. Хаткіна М. О., Зав'язкін О. В. Міфи і легенди народів світу. — Донецьк, 2006. – 656 с.
29. Чубинський П.П. Труды этнографическо-статистической экспедиции в западно-русский край. Материалы и исследования, собранные д. чл. П.П. Чубинскимъ. –Т.1. – С.-Петербургъ, 1872. – С. 30-35.
30. Bartminski Jergy. Relacje o kosmosie. Teksty gwarowe z okolic Bilgoraja / Etnolingwistyka 2. – Lublin, 1989. – s. 131-132.

Danyushina Y.V.

Doctor in Linguistics, PhD, Professor
State University of Management, Moscow, Russia

ISLAMIC DISCOURSE 2.0 – A LINGUA-CULTURAL SURVEY

Key words – Islam, Muslim discourse, web

Islam has an increasing representation on the Internet, and Muslim web discourses deserve specific linguistic (rhetoric, pragmatic, stylistic) analysis. It is a challenging task for linguists to explore the ways in which the classic Islamic concepts are expressed via innovative electronic interfaces and new media mechanisms. The terms of “iMuslims”, “cyber-Islamic environment”, and “online or digital Islam” encode particular communicative Muslim identity on the Internet and encompass wide and various cultural-religious contexts of web communication. The mechanism of (networked) peer-to-peer sharing and contributing offers a valuable system adopted in many spheres of human knowledge and activities, resulting in a collaborative intellectual, emotional and spiritual product. Open-source information combined with rapid communication critically enhance knowledge circulation and the sense of connection vitally important for any philosophy or religion, causing a paradigmatic shift to grassroots levels and thus empowering the participants and multiplying their quantities.

The language of Muslim websites like MuslimSpace.com or IslamicTube.com displays its own specifics, although the content is basically derived from Arabic and English sources: “On websites in every European language, whether jihadist or pietist, ‘trendy’ jargon blends in with an intense polemic founded on obscure religious reference to medieval scholars whose work was written in abstruse Arabic” [Kepel 2004, 256]. Globalization and the rapid spread of new ITs have caused creolization of Muslim web discourses making new communicative ties between “the Islam of intellectuals” and “the Islam of the folks”, which has been noticed by researchers of language and religion, by journalists and media scholars.

Blogging is an essential element of Muslim web discourses. Many Islamic bloggers call themselves with the Arabic term “mudawin” derived from the verb “d’w’n” (to record, to write down), and the new term “mufakkira” (blog) associates with diaries and notebooks. During the recent “IT-inspired” revolutions in Arab countries, blogs were seen and used as a means of “promoting democracy” and a revolutionary tool. In addition to the Arabic blogging, blogging in other Muslim languages (Farsi, Urdu, Bengali and others) has been available since early 2000s, with the development of script tool applications.

References:

1. Kepel G. The war for Muslim minds. Cambridge, Mass.: Harvard University Press. 2004.

Оразымбетов Ч.А.
студент НГПИ

Кдырбаева Г.К.
научный руководитель
Нукусский государственный педагогический институт (Узбекистан)

**ДИМИНУТИВНОСТЬ ВЕРБАЛИЗИРУЮЩИИ КОНЦЕПТОСФЕРУ
«ЧЕЛОВЕК» В КАРАКАЛПАКСКОЙ
И АНГЛИЙСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА**

Резюме

Данная статья посвящена диминутивным эффектам английского и каракалпакского языка. Проводиться параллель между уменьшительно-ласкательными словами с помощью лингвокультурологическим анализом. Рассматривается морфологическая структура и некоторые лексические стороны диминутивных слов в языковой национальной культуре мира изучаемых языков.

Ключевые слова: диминутивные слова, языковая картина мира, национальная картина мира, вербализатор, доминат.

Уменьшительность (дими́нутивность) – имеет особое языковое значение, связанное, прежде всего с указанием на уменьшение размера объекта и нежное обращение. Как правило, в каракалпакском и английском языках выражается морфологическим путем прибавления определенного аффикса к именной основе, существуют и некоторые особенности выражения путем лексическими единицами в национальной картине мира исследуемых языков.

Существительные, имеющие в своем составе уменьшительно-ласкательные суффиксы, представляют своеобразную «группу» образований. В каракалпакской лингвистической литературе они рассматриваются то, как разные слова, и, следовательно, эти суффиксы являются словообразовательными элементами, то, как формы слов и, следовательно, данные суффиксы относятся к формообразующим [Н.А.Баскаков, 1995б 5-35 с.].

Например: Ерке – ерке^{тай}

Дими́нутивы – слова, или формы слов, передающие субъективно-оценочное значение малого объема, размера и т.п. обычно выражаемое посредством уменьшительных аффиксов. Значение уменьшительности также может сопровождаться различными эмоционально-экспрессивными формами ласкательности [Н. Д.Арутюнова 1999. – 89бс.]

Во многих языках есть уменьшительная форма имени существительного и только в некоторых (том числе каракалпакском) – прилагательного, например: кишкентай, аппагай. Имя собственное также может иметь формы дими́нутива в каракалпакском языке, но в английском языке не существует данная форма, например: Алимардан – Аликон, Alex – Alex.

В английском языке существуют несколько вариантов суффиксов формирующих дими́нутивность, но большинство являются суффиксами заимствованных слов, такие как: – aster, – cule, – culus, – el, – ella, – ello, – elle, – erel, – ers, – et, – ette, – etto, – etti, – il, – illa, – illo, – illus, – ine, – ina, – ita, – ito, – let, – lette, – ole, – olo, – olus, – rel, -sie, – ula, ulum.

Дими́нутивные суффиксы английского языка представляют разные значения:

1. – ep: данный суффикс образует дими́нутивный эффект и дает значение юности и незрелости, например: chicken-цыпленок.

2. – ie: слова образованные с помощью данным суффиксом являются исконно английскими, например: doggie или doggy. Суффикс можно употреблять с именами собственными, например: Charlie или Charl;

3. – ish данную форму можно употреблять во всеми существительными, но передают общее значение для всех словообразовании, например: English-английский, greenish-зеленоватый, mannish-мужеподобный;

4. – ling: данная форма является общепринятой, с конкретными эффектами, например: darling-любимый (-ая), duckling-утёнок, underling-человек который ниже уровня чем остальные в администрации;

5. – o: данная форма употребляется формирования значений такие как «себе-подобный», «унизительные» например: kiddo-друг, приятель похожий на меня, wascko-дурак, дуралей.

6. – ing данная форма в английской дими́нутивности в общем указывает на количественное уменьшение, например: farthing – маленькая монета меньше одного пенса.

7. – у: данная форма, формируется с удвоением предшествующей буквой конечной, употребляется и с именами собственными и существительными, например: Pat+y=Patty, mum+y=mummy.

Анализ литературы показывает, что в английской грамматике вопрос о субъективно-оценочных суффиксах, их принадлежности к словообразованию или словоизменению решался неоднозначно. Это лишь один из аспектов сложной и до сих пор не имеющей однозначного истолкования проблемы соотношения формообразования, словоизменения и словообразования, и шире проблемы связи словообразования с грамматикой и лексикологией. Но данное решение вопроса, по мнению некоторых лингвистов является не полной, и необходимо пересмотреть данный эффект.

Диминутивные значения могут передаваться как суффиксами, так и грамматическими средствами, а именно лексическими единицами. Рассмотрим категорию уменьшительности у существительных в английском и каракалпакском языках. Например:

Honey, hunny – кымбатлым, кэдирданым

Babe – Мөженегим

Darling – Жаным

Sweetheart – Суйиклим

Sweety, sweetie – Еркетайым, мазалым

Sweetums – Кэмпитим, мармелатым

Sunshine – куяшым

My love – Ярым менин

Dear – Жаным

Dearie, Dearheart – Жаным, жанымнын жартысы

Cutie – Сулыуым, айым

Bubbles – Мончагым

Pumpkin – Дурданам, акылым

Sweetie pie – Жалгызым, мазалым

Snookums – Жанан (ироническое)

Rookie – Шукирим

Boo – Достым домалак

Muffin – Бауырсагым

Wifey – шукирим, шабазым

Shorty – Бөбегим

Cupcake – Алтыным

Каракалпаки были кочевниками и они из древни обращали особое внимание на скот. Такое отношение оставило отпечаток и на уменьшительно-ласкательных словах, например: Боталағым (верблюжонок), козым (овечко), гүррем (осленок), и.т.д., что показывает особое внимание к скату и бережное отношение к окружающей среде.

Явление уменьшительности в каракалпакском и английском языке было замечено уже давно, однако их категориальный статус вызывает много проблем.

Анализ собранного материала позволяет сделать следующие выводы:

1. В отличие от морфологической структуры английских димунитивных слов, каракалпакские слова образуются несколькими аффиксами, такими как: -ым, -им.

2. В английской димунитивной лексике зоонимичные компоненты встречаются реже, чем в каракалпакской национальной картине мира: Боталағым, козым.

3. В отличие от каракалпакского языка в английском языке большинство количество димунитивных слов являются заимствованные слова.

Некоторые каракалпакские ученые-лингвисты относили диминутивные образования к отдельным словам, другие, считают, что это лишь варианты одного нейтрального слова, а вот остальные рассмотрели данное эффект с точки зрения морфологических структур модальности. В английском языке диминутивность рассматривается в грамматическом и морфологическом плане. Однозначного ответа не существует до сих пор, мы тоже склоняемся к тому, что диминутивность это производные одного слова, так как они образуются достаточно регулярным способом в исследуемых языковых картинах мира.

Список литературы

1. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. М., 1990. с. 5-32.
2. Арутюнова Н. Д. Метафора. Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990, с. 10.
3. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человек. – М: «Язык русской культуры», 1999. – 896с.
4. Баскаков Н.А., Каракалпакский язык IV Лекиска. Нукус «Билим» 19956 5-35 с.
5. Метафорические номинации в языковой картине мира. // Научные труды. Серия: Филология. С-Пб. – Тб., т. II, 2001, ч. 32-37.

Хомчак Е. Г.

кандидат филологических наук,
доцент кафедры украинского языка
Мелитопольского государственного
педагогического университета
имени Б. Хмельницкого

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ АМБИВАЛЕНТНОСТЬ ЛЕНИ В РУССКОМ ЯЗЫКОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Ключевые слова / Key words: концепт / concept, лень / laziness, лентяй / lazy-bones, леность / idleness

Понятие *лень* присутствует в разных языках, поскольку оно обозначает неизбежно отмечаемое свойство в каждом социуме. Однако с логико-семантических позиций в слове *лень* значимые различия обнаружить трудно. Если же рассмотреть это понятие с привлечением религиозных, идеологических, художественных доктрин, то окажется, что *лень* в разных культурах наделена несовпадающими ассоциациями.

В русской языковой картине мира *лень* мыслится на уровне ментальных стереотипов национальной чертой, неотделимой от национальной культуры. В современной лингвистике понятие *лень* и средства ее объективации представляют собой актуальный объект исследования. В работах Б. Башилова [1], А. Зеленина [2], Н. Красавского [3], Е. Опариной [6] и др. понятие *лень* исследуется в разных аспектах. В данной статье рассматривается культурно-национальная специфика *лени* в русском языковом пространстве, проявляющаяся в ее концептуальной амбивалентности.

К исследованию были привлечены словари синонимов и толковые словари современного русского языка, в качестве иллюстративного материала использовались контексты употребления слова *лень*, представленные на сайте «Национальный корпус русского языка».

Этимологически существительное *лень* восходит к общеславянской лексике, оно «образовано от прилагательного *леной* – «ленивый», предположительно того же корня, что и *лежать*, ср. диалекты *лежень*, *лега* и т. п.» [7, с. 238].

В лексикографических источниках понятия *лень*, *леность*, *лентяй* представлены следующими толкованиями: *лень* – «отсутствие желания действовать, работать, любовь к безделью»; *леность* – «лень, склонность к лени»; *лентяй* – «ленивый человек» [5, с. 276]. Базовый слой концепта *лень* достаточно велик: *лень* (существительное и предикативное наречие), *леность*, *лентяй*, *ленивый*, *ленивец*, *лениться*, *разлениться*, *лентяйничать* и др.

В народно-разговорном языке предпочтительно называть какие-либо качества человека через конкретные проявления, действия, отсюда множество обозначений слова *лентяй*, возникших в русском языке на протяжении XVIII–XXI вв.: *лодырь*, *бездельник*, *лоботряс*, *лежебока*, *сачок*, *балбес*, *оболтус* и др. И этот синонимический ряд незамкнут и подвижен.

В период язычества *лень* считалась в некотором роде мезью, насылаемой домовыми (духами) хозяевам дома. Именно к языческому времени и персонафицированным образам духов восходят такие выражения в русском языке, как *лень одолела, лень нашла, лень накатила, лень напала, лень навалилась, лень обуюла* и т. п.

Трактовка *лености* в религиозно-нравственном направлении была впервые разработана Владимиром Мономахом в «Поучении к детям» (1117 г.), где он провозглашает: «Леность ведь всему мать: что кто умеет, то забудет, а чего не умеет, тому не научится» [4, эл. рес.].

Дворянство середины XVIII века старается занять *скущую лень* плодами чужих умственных и нравственных усилий, цветками заимствованной культуры.

Для поэтов-романтиков XIX в. состояние лени становится родственным вдохновению. *Лень* в рамках романтизма приобрела явную и недвусмысленную социально-политическую направленность. В тех условиях это была, с одной стороны, поза, с другой – незримый социальный протест.

В русской культурной традиции заметна некоторая неуверенность в осуждении лени. Из пословиц видно, что *лень* оценивается отрицательно в основном потому, что *ленивый* человек, отлынивая от работы, перекладывает ее на других: *Кто не работает, тот не ест; Труд кормит, а лень портит* и т. д. *Лень* же как таковая не вызывает особого раздражения, воспринимаясь как понятная и простительная слабость, а иной раз и как повод для легкой зависти: *Ленивому всегда праздник*.

Лень – это, с одной стороны, состояние, которое, репрезентируется в языке как стихия, захватывающая человека извне, побеждающая его. Например, *лень-матушка одолела; лень раньше нас родилась; пришла лень из семи деревень* и т. п.

В социальном плане *лень* – негативное свойство, которое, как принято считать, мешает человеку себя реализовать. И некоторые русские слова (*лодырь, лоботряс*) действительно выражают его отчетливо отрицательную оценку. Однако лексема *ленивец*, содержащая базовую идею лени, выражает симпатию, граничащую с теплотой и нежностью. Например, Н. А. Добролюбов в статье «Что такое обломовщина?» называет главного героя романа «Обломов» *добряком-ленивцем*, а сам автор романа И. А. Гончаров в определении *беззаботный ленивец* вкладывает свое снисходительно доброе отношение к персонажу.

Концептуализация понятия *лень* происходит в значительной степени через фразеологизмы, отбирающие и фиксирующие в форме устойчивых и воспроизводимых языковых единиц наиболее важные, с точки зрения данной лингвокультурной общности, признаки концепта. Согласимся с Е. О. Опариной, утверждающей, что устойчивая сочетаемость субстантива *лень* в русском языке демонстрирует как бы два «лица» у этого концепта [6, эл. рес.]. Первое отображено во фразеологизмах *тяжелая лень, дикая лень, неискоренимая лень, всепоглощающая лень, чудовищная лень, предательская лень* и т. д. *Лень* подобного рода действует как враждебная сила, она *одолевает, заедает, сковывает*, в нее *впадают*, ее *искореняют*: «*бездарная лень ума и сердца*» (М. Палей. Поминование. 1987); «*патологическая лень*» (Д. Каралис. Роман с героиней // «Звезда», 2001) и т. д.

Однако, наряду с враждебной силой лени, существует совершенно другая концептуализация лени, например: «*сладкая лень смыкает глаза*» (И. С. Тургенев. Хорь и Калиныч. 1847); «*моя божественная лень*» (С. Роганов. Homo mortem (2003)

// «Лебедь», 2003.10.19); «*созерцающая лень*» (О русской идее (2002) // «Жизнь национальностей», 2002.10.14). Поэтичность *лени* в тексте О. Э. Мандельштама выражается метафорой *золотая лень*: «Уже с утра покой и трудные длинноты, волны на пастбищах и *золотая лень* из тростника извлечь богатство целой ноты».

Таким образом, в русском языковом пространстве наблюдается ярко выраженная амбивалентность концептуализации *лени*. С одной стороны, концепт *лень* соотносится с обиходной системой ценностей народа, в котором труд расценивается как добродетель, а *лень* – как порок, нетерпимое качество человеческой натуры. С этой позиции *лень* репрезентируется как враждебная сила.

С другой стороны, *лень* достойна снисхождения. С этих позиций для носителей русского языка *лень* соотносится с поэтическим дискурсом, в котором разрабатывалась бытовавшая в европейской культуре романтизма установка: поэт, человек искусства должен быть свободен от каждодневного труда и от службы, так как он – избранный, подвластный лишь вдохновенью. Концепт *лень* является коррелятом таким понятиям, как *покой*, *бесстрастие*, *блаженство* и имеет специфические черты, обусловленные особенностями русского менталитета, философией абсолютного покоя, нежеланием принимать участие в суете житейской.

ЛИТЕРАТУРА

1. Башилов Б. Русь до проникновения масонов. Неизвестные страницы русской истории, 1998. [Текст] / Б. Башилов. – Режим доступа: www.vbooks.ru/AUTHORS/BASHILOV-BORIS/001864.html.
2. Зеленин А. В. Русская лень [Текст] / А. В. Зеленин. – Режим доступа: community.livejournal.com/ru_ozl/52257.html.
3. Красавский Н. А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах [Текст] / Н. А. Красавский. – Волгоград: Перемена, 2001. – 495 с.
4. Мономах В. «Поучение к детям» [Текст] / В. Мономах. – Режим доступа: www.portal-slovo.ru/history/35626.php.
5. Ожегов С. И. Словарь русского языка: Ок. 57000 слов [Текст] / Под ред. докт. филол. наук, проф. Н. Ю. Шведовой. – 16-е изд., испр. – М.: Рус. язык, 1984. – 797 с.
6. Опарина Е. О. Лингвокультурология: методологические основания и базовые понятия [Текст] / Е. О. Опарина. – Режим доступа: classes.ru/grammar/140.Oparina/source.
7. Шанский Н. М. и др. Краткий этимологический словарь русского языка. Пособие для учителей [Текст] / Н. М. Шанский. – Изд. 3-е, испр. и доп. – М.: Просвещение, 1975. – 543 с.

ПИСЬМЕННЫЙ ПЕРЕВОД НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ НА ИНОСТРАННЫЙ ЯЗЫК КАК ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ

Ключевые слова: родной язык; перевод; иностранный язык; научно-техническая информация; носитель языка; носитель английского языка.

Keywords: natural language; translation; foreign language; scientific and technical information; informant; native speaker of English.

Одной из проблем переводоведения является письменный перевод научно-технических текстов на иностранный язык как на неродной язык переводчика. В специальной литературе рассматриваются различные аспекты такого перевода, при этом принимается во внимание множество факторов. Это и общее представление о письменном переводе, о его типах, о требованиях к такому переводу в различных языковых и неязыковых ситуациях. Это и рассмотрение особенностей понятий «родной язык» и «иностранннй язык» («неродной язык»), что включает в себя проблемы формирования языковой личности, особенности языкового образования в средней и высшей школе, а также в последипломном образовании и в различных видах дополнительного образования и самообразования. Тему затрагивают также проблемы возможности переводчика учиться языку и работать в среде иностранного языка (речь идет о пребывании в стране конкретного иностранного языка) и даже вне контактов с отдельными носителями иностранного языка. Это может происходить как в процессе обучения, так и в процессе профессиональной деятельности. В то же время возможны и противоположные варианты, возникающие благодаря расширению контактов между странами и народами, развитию средств транспорта и информации.

Обсуждаемая в данной работе проблема переводоведения затрагивает также особенности требований к качеству перевода, как с точки зрения передачи содержания, так и с точки зрения передачи соответствующей формы текста (лексических и стилистических особенностей, терминологии, композиции текста и т.п.). Во внимание принимаются также основные принципы художественного и научно-технического перевода, определение, что в таких видах перевода является общим, а что типично только для художественного или для технического перевода. Следует также учитывать социальную ситуацию в стране, где осуществляется перевод, наличие соответствующим образом подготовленных переводчиков, частотность случаев необходимости выполнения перевода на иностранный язык, уровень оплаты труда переводчиков в конкретной стране, как правило, зависящий от общей экономической ситуации.

При определении возможностей письменного перевода на иностранный язык исследователи, как правило, исключают такой перевод для художественных текстов [1; 2]. Считается, что только человек, говорящий на языке с детства (носитель языка как родного) может определить все тонкости употребления лексики, стилистики и сочетаемости языковых форм [1, с. 123]. Хотя и приводят в качестве примера авто-

ров, создававших художественные произведения на двух языках (например, В. Набоков писал прозу по-русски и по-английски, а А.С. Пушкин сочинял стихи на русском и французском языках [1, с. 124]), но все же такие случаи рассматривают как исключение (не у каждого есть такие способности и возможности освоить язык) и объясняют тем, что названные авторы применяли неродной язык только в отдельно выбранных ситуациях, тогда как профессиональный перевод зависит от текста оригинала, который может быть в значительной степени далеким от языковых и неязыковых знаний переводчика. Говорят о невозможности письменного перевода на иностранный язык и научно-технических текстов, прежде всего потому, что хотя серьезный научно-технический перевод и требует иных фоновых знаний, другой стилистики и правил сочетаемости слов, чем художественный перевод, однако в остальном «он столь же сложен, как и перевод художественный» [1, с.124]. Письменный перевод на иностранный язык не поддерживают и некоторые международные организации (например, ООН) [1, с. 124].

В настоящее время также считают, что благодаря имеющимся средствам информации возможно в короткие сроки передавать текст для перевода в другую страну, где перевод может осуществлять переводчик – носитель языка. Как еще один аргумент против письменного перевода на иностранный язык приводят увеличение количества иностранцев в своей стране, в том числе и профессиональных переводчиков, что стало возможным благодаря расширению международных контактов, массовой миграции, совершенствованию средств транспорта.

Однако все же допускается возможность перевода научно-технических текстов на иностранный язык (т.е. перевода текста на язык, не являющийся родным для переводчика) в случаях, когда речь идет о так называемом информационном переводе, в котором передается, как правило, фактическая информация, а передаче стилистических особенностей (форме текста) не придается особого значения [1, с. 124]. Это также, как правило, текст, но предназначенный для публикации. В реальной практике перевод научно-технического текста на иностранный язык часто доверяют не заочным переводчикам (живущим в других странах, с которыми, возможно, никогда непосредственно не общались), а местным переводчикам, хотя и не носителям данного иностранного языка, но известным своими профессиональными качествами. Практика также показывает, что такие переводчики могут выполнить на неродной язык перевод, который в достаточной степени передает информацию, содержащуюся в оригинальном тексте. И хотя, как правило, перевод на иностранный язык может быть для переводчика более трудоемким, что подтверждается более высокими нормами и расценками центров (бюро) переводов, все же в зависимости от общих знаний и типов переводимых текстов есть переводчики, предпочитающие такие виды перевода.

При переводе на иностранный язык серьезные трудности этапа передачи содержания текста в некоторой степени компенсируются уменьшением трудностей на этапе восприятия текста-оригинала на родном языке, как с точки зрения содержания, так и с точки зрения формы. Однако для переводчика могут быть сложными и тексты на родном языке, поскольку такие тексты могут быть малопонятными для переводчика, не знакомого с их тематикой, или же в случае, когда такие тексты содержат идиоматические выражения, отсутствующие в языке перевода. И хотя считается, что

большую роль играет субъективный фактор – одним переводчикам больше удастся перевод на родной язык, другим – на иностранный язык [3, с. 143], все же переводчику на иностранный язык следует уделять значительно больше внимания активному освоению письменного иностранного языка, что практически может не требоваться при переводе на родной язык.

Выводы

1. Хотя письменный перевод на иностранный язык в некоторых случаях не рекомендуется, считается, как правило, более трудоемким и требующим более глубоких знаний, в частности, особенностей активной письменной речи, на практике такой перевод осуществляется, в большинстве случаев на уровне информационного перевода.

2. Одной из причин выполнения письменного перевода на иностранный язык (неродной для переводчика язык) является желание заказчика работать с известным ему переводчиком, с которым можно непосредственно общаться.

3. Большое значение имеет также субъективный фактор – в разных случаях перевод на иностранный язык может требовать от переводчиков разных трудовых затрат и разных знаний.

Литература

1. Мирам Г.Э. Профессия: переводчик/ Г.Э. Мирам. – К.: Ника-Центр Эльга, 1999. – 158 с.
2. Саприкін С.С., Чужакін А.П. Світ усного перекладу/ С.С. Саприкін, А.П. Чужакін. – Вінниця: Нова книга, 2011. – 224 с.
3. Чеботарев П.Г. Перевод как средство и предмет обучения: научно-методическое пособие. – М.: Высшая школа, 2006. – 320 с.

ТРУДНОСТИ ПЕРЕВОДА КОМПЛЕКСНЫХ МЕДИЦИНСКИХ ДОКУМЕНТОВ НА НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК

Ключевые слова: специальный перевод; комплексные медицинские документы; информационный перевод; переводчики.

Keywords: special translation; complex medical documents; information's translation; translators.

Обращение пациентов в немецкие медицинские учреждения и к немецким специалистам обуславливает необходимость подготовки документов на немецком языке, содержащих информацию об общем состоянии больного, течении заболевания, подтверждении диагнозов, установленных различными лечебными заведениями и специалистами, а также сведения о процессе лечения. Такие документы (комплект документов) часто представляют собой комплексную информацию о пациенте, которая включает результаты обследований различными специалистами и с помощью разнообразных методов. К переводчику поступает текст, содержащий итоги деятельности врачей разных специальностей и областей медицины. Известно, что переводчик при переводе специального текста знакомится с фоновой информацией, соответствующей тематики. Но в случаях перевода комплексной медицинской документации переводчику следовало бы знакомиться со многими отраслями медицины и особенностями современных технических методов исследования состояния пациента [4]. Кроме того, подобные документы часто содержат сокращения (что может быть объяснено стремлением в некоторой мере сократить их объем), которые не всегда могут иметь разъяснения в справочной литературе или в других источниках информации, а также в доступной переводчику на момент выполнения перевода литературе [1, с. 63-64]. Некоторые сокращения, возможно, очевидные для врача – специалиста конкретной отрасли (где ничего другого они не могут обозначать) могут быть непонятными для переводчика и даже для врача другой специальности. Здесь мы не говорим об общепринятых специальных сокращениях, закрепленных в признанной общедоступной справочной литературе (других источниках информации). Известно, что ни один словарь не может дать пояснение тех сокращений, которые могут встретиться в специальных материалах [3, с.144]. Существуют основные приемы перевода сокращений, включающие тщательное изучение контекста, из которого может быть определено общее значение сокращения, а также анализ структуры сокращения и расшифровки его компонентов с опорой на специальные знания [3, с. 144]. Например, в тексте исследования области шеи человека сокращение ОСА и ВСА обозначают соответственно общую сонную артерию и внутреннюю сонную артерию, которые находятся в этой области и имеют медико-диагностическое значение. Однако в сложных случаях переводчику все же можно

только рекомендовать обратиться за разъяснениями к соответствующему врачу-специалисту, который установит или уточнит значение сокращения на основе общего контекста и своих специальных знаний в данной области. Можно также рекомендовать пациентам, которые планируют перевод медицинских документов на иностранный язык, заказывать в медицинских учреждениях документы, которые не содержат сокращений или имеют их расшифровку, или же включают только общеизвестные сокращения, имеющие разъяснения в доступных справочных изданиях, например, ЧСС – частота сердечных сокращений. Если не существует устойчивого сокращения в иностранном языке, стандартизованного английского сокращения в латинских буквах, то в тексте перевода желательно передавать соответствующее понятие полностью, а не сокращением. Во время подготовки к переводу комплексных медицинских текстов переводчик знакомится с общеупотребительной медицинской терминологией, которая может применяться практически во всех отраслях медицины, а также с узкоспециальной терминологией по тематике переводимого текста. Однако знакомство с общей медицинской терминологией в результате профессионального опыта переводчика и предварительной специальной подготовки позволяет переводчику уже при осуществлении перевода конкретного текста больше внимания уделять узкоспециализированной терминологии и узкоспециальным фоновым знаниям, которые представляют собой существенную трудность, поскольку часто не могут содержаться в знаниях переводчика, полученных в процессе обучения и практической работы.

Письменный перевод комплексных медицинских текстов на иностранный язык уже сам по себе представляет собой определенную проблему, поскольку в целом письменный перевод на иностранный язык не рекомендуется [2, с. 123-124], так как считается, что переводчик, как правило, не может охватить все тонкости употребления лексики и стилистических приемов письменного литературного иностранного языка. Наиболее оптимальным считается поручение таких переводов специалистам-переводчикам, для которых язык перевода является родным (носителям языка) [2; 3]. Современные технические средства коммуникации позволяют в короткие сроки передавать тексты для перевода в другие страны, возможен также поиск соответствующих переводчиков в Интернете (в специализированных базах данных). Но все же практика показывает, что ответственные переводы на иностранный язык поручают местным переводчикам, профессиональные качества которых, в частности, ответственное отношение к работе, хорошо известны. Такие переводчики благодаря своему опыту и изучению специальной литературы могут сделать достаточно качественный перевод специального текста на иностранный язык. Такие переводы, как правило, полностью удовлетворяют требованиям к информационному переводу [2, с. 124], то есть достаточно точно передают фактическую информацию, которая может быть необходима для практического применения. Хотя при этом возможны некоторые отклонения от нормы и стиля языка, это значительно не усложняет восприятие текста. В ситуации с комплексными медицинскими текстами такое вполне допустимо, поскольку эти тексты, как правило, не используются для публикации. Если же возникает необходимость включить некоторые их элементы в научные труды, то такая информация тщательно проверяется и редактируется соответствующими специалистами.

Литература

1. Дабагян И.М., Гуменюк З.В. Особенности перевода медицинских текстов// Актуальные вопросы переводоведения и практики перевода: сборник научных статей. – Нижний Новгород: Бюро переводов «Альба», 2013. – Вып.3. – С. 60-67.
2. Мирам Г.Э. Профессия: переводчик/ Г.Э. Мирам. – К.: Ника-Центр, Эльга, 1999. – 158 с.
3. Нелюбин Л.Л. Толковый переводоведческий словарь/ Л.Л. Нелюбин. – М.: Флинта: Наука, 2008. – 320 с.
4. Справочник врача общей практики. В 2 томах/ Н.П. Бочков, В.А. Насонова и др.; Н.Р. Палеев (ред.). – М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2002. – Т.1. – 928 с.

Камлович І.С.

студентка ІІ курсу спеціальності «Діловодство»

Сахарнюк О.М.

науковий керівник, викладач кафедри гуманітарних та соціально-економічних дисциплін

Миколаївський коледж культури і мистецтв

ПРОЕКТНА ТЕХНОЛОГІЯ ЯК ЗАСІБ ПІДВИЩЕННЯ МОТИВАЦІЇ СТУДЕНТІВ ДО ВИВЧЕННЯ АНГЛІЙСЬКОЇ МОВИ

Ключові слова/Keywords: англійська мова/English, проектна технологія/project technology, комунікативні навички/communicative skills, мотивація/motivation, проблемне навчання/problem-based learning.

Метод навчальних проектів виник на початку ХХ століття в американській школі, застосовувався й у вітчизняній дидактиці (зокрема в 20-30 роках). Спочатку його називали методом проблем і він був пов'язаний з ідеями гуманістичного напрямку у філософії та освіті, розробленими американським філософом і педагогом Дж. Дьюї та його учнем В. Х. Кілпатриком. Дж. Дьюї пропонував будувати навчання на активній основі, за допомогою цілеспрямованої діяльності студента, пов'язаної з його особистісною зацікавленістю саме в цьому знанні. Сьогодні цей метод широко застосовується в багатьох країнах світу, оскільки дозволяє органічно інтегрувати знання студентів з різних областей навколо вирішення однієї проблеми, дає можливість застосовувати отримані знання на практиці.

Проект – це спеціально організований викладачем комплекс дій, що самостійно виконується студентами і завершується створенням творчого продукту. У контексті вивчення іноземної мови, проект – це діяльність студентів, під час якої розвиваються різні аспекти володіння мовою, тобто, аудіювання, читання, писемне мовлення, діалогічне та монологічне мовлення інтегровано. Окрім цього, тут діє один з принципів комунікативного методу у вивченні іноземної мови – головна увага приділяється не формі, а суті. А це означає, що діяльність студентів у більшій мірі концентрується на темі роботи, ніж на досягненні певних мовленнєвих цілей. [4]

Говорячи про мету та сутність проектної технології, особливу увагу слід приділити мотивації студентів у вивченні іноземної мови. Адже дуже часто існує невідповідність між тим, що студенти вивчають і чого вони насправді потребують. Саме цю проблему може вирішити проектна робота. Сучасні підходи до викладання та вивчення мови підкреслюють, що співробітництво між студентами має мотиваційну природу. Такі підходи розвивають особистість. Чим сильніше студенти захоплюються роботою, тим імовірніше, що вони отримають кінцевий результат, тим більшу користь матимуть від її виконання. В цьому й полягає сенс проектної роботи. Адже зроблене належить їм. Вони самі вирішують, що будуть робити, яким чином будуть це виконувати і їм самим вирішувати, якою мовою спілкуватися. Вибір мовних структур залежить від природи самого проекту.

Важливою умовою ефективної роботи над проектом є підтримання доброзичливої атмосфери, яка спонукає до спілкування і дозволяє студентам відчувати почуття успіху.

Проекти, що призначені до вивчення англійської мови, володіють як загальними, для всіх проектів рисами, так і відмінними особливостями, серед яких головними є наступні:

- використання англійської мови в ситуаціях, максимально близьких до умов реального спілкування;
- акцент на самостійній роботі студентів (індивідуальній і груповій);
- вибір теми, яка викликає найбільший інтерес у студентів;
- відбір мовного матеріалу, видів завдань і послідовності роботи відповідно до теми і мети проекту;
- наочна презентація результату. [3]

Проектна технологія характеризується високою комунікативністю й припускає вираження студентами своїх власних думок, почуттів, активне їх включення в реальну діяльність, прийняття особистої відповідальності за просування у навчанні. [1] Застосування проектної технології потребує особливої форми організації, а саме дотримання таких умов: а) тематика може бути пов'язана як з країною мови, що вивчається, так і з країною проживання; б) проблема формулюється таким чином, щоб орієнтувати студентів на залучення фактів із суміжних галузей знань і різноманітних джерел інформації; в) до проекту мають бути залучені всі студенти, запропоноване завдання надано з урахуванням рівня мовної підготовки; г) проблема має бути цікавою і значущою, що спонукає до активної діяльності.

Проектна технологія поєднує найкращі ідеї традиційної та сучасної методики викладання англійської мови: розмаїття, проблемність, навчання з задоволенням і так званий егофактор. [2]

Поряд з вербальними засобами вираження студенти широко використовують і інші ілюстративні прийоми (малюнки, колажі, карти, плани, схеми тощо), відбувається мимовільне запам'ятовування лексичних одиниць та граматичних структур в ході вирішення проблемних завдань.

Слід виділити наступні переваги використання проектної технології:

- відсутність готових і однозначних рішень (моделювання життєвих ситуацій);
- розвиток навичок самоосвіти і самоконтролю;
- розвиток навичок групової діяльності;
- підвищення інформаційної культури – розвиток навичок пошуку, збору, презентації інформації;
- створення комфортного навчання (кожен студент може проявити себе);
- підвищення мотивації;
- розвиток самостійності та ініціативи, творчих здібностей, здатності до самооцінки;
- інтеграція різних навчальних дисциплін. [5]

Отже, проектна технологія є надзвичайно актуальною та ефективною в сучасній освітній системі, що дозволяє створити ситуації творчої активності студентів в процесі навчання. Вона є потужним засобом підвищення мотивації

студентів до вивчення англійської мови, дозволяє формувати в студентів здатність самостійно отримувати знання, вирішувати комунікативні завдання, заохочує до творчих експериментів, креативного мислення.

Література:

1. Бегьом Ф. Проект на уроці іноземної мови / Ф. Бегьом // К.: Основа, 2007.-45с.
2. Дорофеева О.М. Проектна методика як ефективний засіб вивчення іноземної мови : [Електроний ресурс] /Режим доступу до статті: <http://naub.oa.edu.ua/2012/proektna-metodyka-yak-efektyvnyj-zasib-vyvchennya-inozemnoji-movy/>
3. Душеїна Т.В. Проектна методика на уроках іноземної мови/ Т.В. Душеїна// ІМВНЗ.- 2008, №5;
4. Китайгородська П. Використання проектних завдань на уроках англійської мови/ П. Китайгородська// ІМВНЗ.-2003. №5.-110с.
5. Олійник І. П. Використання методу проектів на уроках англійської мови як один із шляхів формування комунікативної компетентності учня / І. П. Олійник. – Котівськ : Котівськ, 2012. – 21 с.

Киреева Л.В.

ст.преподаватель

Сибирский государственный аэрокосмический университет имени академика

М.Ф. Решетнева

г. Красноярск, Россия

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ТИП ПРЕПОДАВАТЕЛЯ КАК ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ СТИЛЬ ОБУЧЕНИЯ

Ключевые слова / keywords:индикатор типов личности Майерс-Бриггс / Myers-Briggs Type Indicator (MBTI), психологический тип личности / psychological types of a personality, эффективность обучения / efficiency of training, педагогические технологии / educational technologies

В условиях изменения характера высшего образования, перехода от авторитарного стиля на демократический, гуманистический, ориентированный на личность учащегося, его запросы, интересы и возможности, возникают не только проблемы, связанные с содержанием учебного материала, но и проблемы психологического характера.

Необходимо учитывать психологическую характеристику преподавателя и учащегося и их готовность к педагогическим нововведениям.

Для преподавателя иностранного языка недостаточно быть компетентным в области своей специальности и передавать огромную базу знаний в аудитории, заполненной жаждущими познания студентами. Современные преподаватели должны быть готовы не только поделиться глубокими знаниями в своей дисциплине, но и культивировать различные методы обучения и оценивания. Использование новых педагогических технологий и методик является наиболее эффективным путем, способствующим обучению студентов

Эффективность использования этих технологий зависит от многих факторов – индивидуальных особенностей преподавателя, психологической готовности к нововведениям, предпочтения отдельных методов преподавания, удобного способа контроля, желания рисковать, владения техническими средствами и т.д. Остановимся на личностных особенностях преподавателя.

Существует много теорий, которые могут быть использованы для описания индивидуальных характеристик. Теории и инструменты в изобилии представлены в литературе по психологии, бизнесу, образованию, политическим наукам и в других областях. В качестве примера рассмотрим концептуальную модель «Индикатор» типов личности Myers-Briggs (MBTI), которая выявляет, как индивидуальный стиль преподавателя влияет на его уровень комфорта при взаимодействии в аудитории.

Myers-Briggs Type Indicator (MBTI) был разработан школьным преподавателем Изабел Майерс вместе со своей матерью Катариной Бриггс (ранее обучавшейся у Юнга). Определитель типов Майерс-Бриггс предназначен для определения одного из 16 типов личности, в настоящее время чрезвычайно популярен в США. MBTI основан на теории психологических типов Юнга, который предлагает

модель, объясняющую, почему люди воспринимают (P, perception – восприятие) информацию и принимают решения (J, judgment – суждения) по-разному. Четыре функции описывают различные подходы к восприятию и суждению. Процессы восприятия – это сенсорика (S, sensing) и интуиция (N, intuition). Люди, которые предпочитают сенсорике, воспринимают информацию главным образом посредством пяти чувств, в то время как те, кто предпочитает интуицию, постигают возможности, значения и связи путем инсайта. Два вида суждений используют термины «мышление» (T, thinking) и «эмоции» (F, feeling) в специфическом способе описывать два рациональных процесса, используемых для принятия решения. Те, кто предпочитает мышление, используют принципы причинно-следственной связи при решении проблемы и стремятся быть объективными в своих подходах. Эмоциональные типы принимают решения, взвешивая ценности и качества рассматриваемой проблемы, и имеют тенденцию рассматривать, как принятое решение отразится на других [1].

Теория Юнга также включает четыре аттитюда, которые показывают, как люди взаимодействуют с внешним миром. Экстраверсия (E, extroversion) и интроверсия (I, introversion) описывают индивидуальную направленность личности. Внимание и энергия экстраверта направлены на внешний мир, вовне, в то время как энергия интроверта направлена вовнутрь, в мир идей и мыслей. Два других аттитюда, статика (J) и динамика (P) описывают предпочтения в стиле жизни. Люди, которые предпочитают статику, стремятся к организованности, закрытости, принятию решения и планированию своей жизни, в то время как предпочитающие динамику, гибко рассматривают все стороны проблем и остаются открытыми для новых событий.

МВТИ комбинирует четыре мыслительных процесса и четыре аттитюда – E или I, S или N, T или F, J или P и создает шестнадцать возможных типов, которые представлены комбинацией, например, ENFJ или INTP. Важно заметить, что никто не может рассматривать МВТИ как окончательный четырехбуквенный тип, описывающий его предпочтения для основных способов деятельности. Теория утверждает, что каждый может использовать все четыре функции и все четыре аттитюда [1].

«Психологический тип педагога может влиять на технологию и методику преподавания (или научения) конкретного предмета. Согласно ему вырабатывается профессиональный стиль деятельности конкретных учителей. Через психологический тип мы можем рассматривать предметные методики в опыте работы отдельных педагогов» [2].

Используя эту теорию, легко увидеть, как индивидуальный стиль может определять выбор преподавателем методов активного обучения. Преподавателя, который очень экстравертен, будут устраивать виды деятельности с большим количеством взаимодействий, в то время как интроверт неохотно использует подходы, в которых много направленности вовне, и остается мало времени для глубокого обдумывания и пристального рассмотрения. Преподаватель, который предпочитает статику, будет настаивать на организации и контроле при выборе методов групповой работы, в то время как более динамичный преподаватель всегда будет предлагать студентам гибкие формы контроля. Ни один из типов не является лучшим для преподавания и использования активных методов обучения. Выбор методов, определяемый индиви-

дуальным стилем, – вот что делает различие. Каждый преподаватель может достичь определенных результатов, используя методы активного обучения, не зависимо от того, к какому типу он относится.

Литература

1. Изабел Бриггс МАЙЕРС и Катарина Кук БРИГГС [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.socioniko.net/ru/auth-mbti/myers.html>
2. Кондратьев С.В. Психологические типы учителей и учащихся С.В. Кондратьев. [Электронный ресурс]. – 2003. – Режим доступа: <http://psyjournals.ru/psyedu/2003/n3/Kondratev.shtml>

Павлова К.В.

студентка III курсу спеціальності «Діловодство»

Сахарнюк О.М.

науковий керівник, викладач кафедри гуманітарних та соціально-економічних дисциплін

Миколаївський коледж культури і мистецтв

ДІАЛОГОВІ ТЕХНОЛОГІЇ ЯК ЗАСІБ АКТИВІЗАЦІЇ ПІЗНАВАЛЬНОЇ ДІЯЛЬНОСТІ СТУДЕНТІВ У ВИВЧЕННІ АНГЛІЙСЬКОЇ МОВИ

Ключові слова/Keywords: англійська мова/English, діалог/dialogue, діалогові технології/interactive technologies, усне мовлення/speaking, навчальна дискусія/educational discussion, пізнавальна діяльність/cognitive activity.

Специфіка іноземної мови як навчальної дисципліни полягає у необхідній постійній активізації пізнавальної діяльності студентів у процесі навчання, створенні умов, які б викликали інтерес до вивчення англійської мови. Аналіз педагогічної літератури (О.О. Леонтьєв, І.О. Зимня, Ю.І. Пассов, С.Ф. Шатілов, Г.В. Рогова) дозволив виявити дидактичні умови активізації пізнавальної діяльності студентів немовних факультетів на заняттях іноземної мови: а) формування мотивації навчання, прагнення до знань, розумової напруги і вияву вольових зусиль у процесі оволодіння знаннями; б) застосування діалогу як активного методу навчання; в) використання міжпредметних зв'язків. [1, 46]

Значну роль у процесі навчання відіграє вибір педагогічної технології, завдання якої полягає в підкресленні ефективності освітнього процесу. Ознаками педагогічної технології є результативність, економічність, алгоритмічність, цілісність, візуалізація, та інші. Одним з найважливіших напрямів у цій області є діалогові технології, що містять такі елементи: визначення цілі, орієнтація на гарантоване досягнення результатів, їх оцінка, корекція навчання, спрямована на досягнення мети, і заключна оцінка. Діалогові технології виконують когнітивну, креативну та рефлексивну функції. До принципів діалогових технологій належать:

- проблемності та оптимальності;
- поетапного циркулювання інформації;
- незакінченості діалогу;
- децентралізації;
- паралельної взаємодії.

Серед діалогових технологій виділяють: проблемно-пошукові діалоги, семінари-дискусії, навчальні дискусії, евристичні бесіди, аналіз конкретних ситуацій. [4, с. 24]

Діалог – це форма взаємодії, що дозволяє шукати істину разом.

Таким чином, процес навчання поєднується із процесом спілкування, а активність студентів перевершує активність викладача. Навчальний діалог – це спосіб відносин, у яких практично всі студенти заохочені до процесу пізнання, мають можливість розуміти й рефлексувати з приводу того, що вони знають і про що дума-

ють. У діалозі виявляються найважливіші форми людських відносин: взаємоповага, взаємозбагачення, співпереживання, співтворчість. Принципами інтерактивної роботи у формі діалогу є однакова участь, одночасна та позитивна взаємодія студентів.

Діалог можна підрозділити на три рівні:

1) Діалог з власним Я (власні роздуми) це особистісний рівень

2) Я інший (взаємодії двох ціннісно-інтелектуальних позицій). Це міжособистісний рівень.

3) Мультидіалог (виникає при обговоренні проблем у малих групах по 5-7 чоловік).

Одним з найважливіших засобів пізнавальної діяльності студентів у процесі навчання на основі діалогових технологій є навчальна дискусія, яка полягає в колективному обговоренні якогось питання, проблеми або зіставленні інформації, ідей, думок, пропозицій.

Цілі проведення дискусії можуть бути дуже різноманітними: навчання, тренінг, діагностика, перетворення, зміна установок, стимулювання творчості та інше.

Під час дискусії студенти можуть або доповнювати, або протистояти один одному. У першому випадку проявляються риси діалогу, а в другому дискусія набуває характеру спору. І взаємовиключна суперечка, і взаємодоповнюючий діалог відіграють велику роль, так як першочергове значення має факт зіставлення різних думок з одного питання.

Навчальна дискусія сприяє розвитку критичного мислення, дає можливість визначити власну позицію, вчить глибокому розумінню проблеми, оперуванню аргументами, сприяє уточненню власних переконань, кращому взаєморозумінню і формуванню власного світогляду. [2]

Відомий теоретик комунікативної методики Ю.І. Пассов писав про те, що суть діалогових технологій полягає у підготовці студента до участі в процесі іншомовного спілкування, створеного під час практичних занять. Комунікативна діяльність має ще одну характеристику — вмотивованість. Людина, як правило, спілкується тому, що в неї є для цього внутрішня причина, мотив. [4, с.76]

Використання діалогічних завдань у навчальній діяльності позитивно впливає на всі пізнавальні процеси особистості – увагу, сприйняття, пам'ять, мислення, що є потужним засобом активізації пізнавальної діяльності.

Завдяки використанню різних видів діалогів (етикетного, діалогурозпитування, спонукального, діалогу- обміну думками тощо) у студентів створюються передумови для виклику з пам'яті і перенесення мовного матеріалу в конкретні ситуації під час спілкування. Діалогічні завдання «змушують» студентів активно використовувати всі накопичені знання, вміння і навички.

Діалог як активний метод навчання має переваги порівняно з іншими методами.

З позиції психології – використання діалогів, особливо при моделюванні ситуацій з використанням зорової наочності, дозволяє звести до мінімуму мовну інтерференцію. Метод подачі матеріалу в діалогах сприяє розвитку особистої активності студента.

З позиції педагогіки – викладання іноземної мови методом подання матеріалу в діалоговій формі спонукає та мотивує студентів говорити цією мовою.

З позиції лінгвістики – головною метою є усне мовлення, правила якого відрізняються, найчастіше є більш простими, ніж правила писемного мовлення. [1, 60]

Навчання діалогічного спілкування іноземною мовою – необхідний процес, оскільки саме діалог допомагає студентам активізувати пізнавальну діяльність: розвивати мислення, пам'ять, сприйняття та уявлення. Окрім того, діалог дозволить студентам оволодіти: а) культурою професійного та повсякденного спілкування; б) формулами вітання, ввічливості; в) граматичними структурами; г) професійною лексикою. [3,80]

Отже, цінність та значимість діалогових технологій полягає в тому, що вони сприяють розвитку особистої активності студентів, підвищують мотивацію до вивчення англійської мови, забезпечують розвиток усного мовлення.

Література:

1. Бердичевский А. Л. Оптимизация системы обучения иностранному языку в педагогическом вузе : [научн.-теорет. пособие] / А. Л. Бердичевский. – М. : Высшая школа, 1989. – 103 с.
2. Писарева Г.А. Диалоговые технологии обучения студентов (материалы фестивалю педагогічних ідей «Открытый урок»): [электронный ресурс]/ Режим доступа: <http://festival.1september.ru/articles/511013/>
3. Скаткин М. Н. Активизация познавательной деятельности учащихся в обучении / Михаил Николаевич Скаткин. – М., 1965. – 150 с.
4. Щукина Г. И. Активизация познавательной деятельности учащихся в учебном процессе / Галина Ивановна Щукина. – М. : Просвещение, 1979. – 160 с.

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ ВЗРОСЛЫХ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Ключевые слова: образование; взрослый человек; иностранный язык; научно-техническая информация; зрелость.

Keywords: education; adult; foreign language; scientific and technical information; maturity.

Все чаще высшее профессиональное образование рассматривается как база, ступень для дальнейшего профессионального, творческого и личного развития выпускника [2, с. 217].

Это связано с тем, что деятельность профессионала становится все более разнообразной, все чаще создаются такие ситуации, когда специалист может или вынужден выбирать вид деятельности из нескольких или многих возможностей. При этом он учитывает как свои личные способности, одаренности, жизненные планы, так и перспективы развития в определенных видах деятельности. Специалист часто стремится иметь информацию о возможностях своего развития в процессе занятости по определенной профессии. При этом возрастает роль социально ответственных предприятий и организаций, где работодатель организует деятельность своих работников не только для осуществления конкретных планов (достижения конкретных результатов), но и учитывает в организации совместной деятельности работников возможности их дальнейшей занятости, их личного и профессионального развития, роста их благосостояния на длительный период [4, с. 161-163]. Руководитель социально ответственного предприятия (организации) принимает во внимание также и влияние совместной деятельности своих сотрудников на окружающий мир. Такая деятельность должна способствовать улучшению благосостояния окружающего общества, сохранению благоприятной для человека природной среды, а в случае, когда окружающая природная среда загрязнена в результате интенсивной технической деятельности человека и не соответствует требованиям к здоровой и благоприятной жизни людей, способствовать ее изменению [3].

Предприятие также должно устанавливать и поддерживать связи с другими предприятиями, организациями и отдельными лицами, что обеспечивает как стабильность его деятельности, так и стабильность деятельности партнеров, что благоприятно влияет на устойчивое развитие всего общества [4, с. 162]. Такая ситуация создает новые требования к образованию, в частности возникают новые требования к непрерывному образованию взрослых. В связи с этим постоянно растет внимание общества и исследователей к такому виду образования [1; 2]. Для рассмотрения этого явления, в значительной степени влияющего на развитие человека, следует определить понятие зрелости, взрослых, а также формы и тенденции развития непрерывного образования. Следует также принимать во внимание характер содержания такого образования для конкретных специалистов, взаимоотношения в нем элементов,

направленных на достижение узких профессиональных целей и на формирование широкого мировоззрения, позволяющего не только успешно выполнять профессиональные задачи, но и иметь хорошее здоровье, работоспособность, взаимоотношения с людьми, иметь возможность воздействовать на жизнь общества (от помощи ближайшему человеку до создания концепций развития определенных сфер жизни общества и всего общества в целом). В отечественной и зарубежной специальной литературе существуют различные подходы относительно понимания взрослости [1, с. 5-6]. Как правило, состояние взрослости определяется по таким признакам: 1) хронологический возраст; 2) психофизиологическая зрелость; 3) социальная зрелость; 4) полная гражданско-правовая дееспособность; 5) экономическая самостоятельность; 6) включенность в деятельность в сфере профессионального (оплачиваемого) труда [1, с. 6]. Образование взрослых не ограничивается определенными сроками обучения и учебными заведениями. Оно все больше приобретает черты развития личности на протяжении всей социально-активной жизни. В процессе организации непрерывного образования и развития личности все больше наблюдается тенденция принимать во внимание понятие «человек современности» [1, с. 21], которое возникает под влиянием глобализации общественных проблем, становления информационного общества, возникновения новых видов деятельности. При этом приобретает большое значение гуманистическое видение человека, которое предоставляет ему право на выбор жизненных взглядов и образа жизни, в наибольшей мере отображающих его индивидуальность и неповторимость.

Появление видов деятельности, позволяющих отдельному человеку самостоятельно ставить и решать профессиональные задачи, определять формы сотрудничества, способствует появлению новых перспективных тенденций, наблюдаемых в развитии образования взрослых. К ним можно отнести и возникновение разнообразнейших форм такого образования, а в процессе обучения не только приобретение определенных знаний, умений и навыков, но и установление необходимых профессиональных контактов уже в процессе коллективного обучения (в учебных заведениях, на краткосрочных курсах и семинарах, проводимых предприятиями, общественными организациями и отдельными специалистами). Этому способствует то, что обучающиеся уже могут иметь определенный (часто солидный) опыт в профессии, в общении, да и в поиске необходимых контактов. Поэтому взаимовыгодные профессиональные связи могут устанавливаться и с теми, кто обучает, и с другими обучаемыми, а также с помощью названных лиц с другими людьми и организациями. Такие люди и организации уже в процессе обучения могут становиться консультантами, клиентами, партнерами обучающегося в его профессиональной деятельности. В своей деятельности они стремятся объединить или дополнить свои потенциальные возможности для достижения взаимовыгодных профессиональных целей. Иногда обучающийся взрослый человек (специалист) в процессе обучения может найти применение уже имеющимся у него знаниям, навыкам, возможностям. Таким образом, в развитии образования взрослых наблюдаются тенденции не только получения новых знаний, новой информации, но и поиск и приобретение умений использовать уже имеющиеся знания, опыт, возможности обучающегося. Значение приобретают также профессиональные контакты субъектов учебного процесса, которые часто сохраняются и после окончания обучения.

Литература

1. Вміння і навички самостійної роботи у професійному становленні дорослої людини: навчально-методичний посібник/ Л.Є. Сігаєва, М.Г. Гордієнко; Інститут педагогічної освіти і освіти дорослих АПН України. – К. – ЕКМО, 2007. – 167 с.
2. Сігаєва Л.Є. Розвиток освіти дорослих в Україні (друга половина XX ст. – початок XXI ст.): монографія/ С.О. Сисоєва (ред.); АПН України, Інститут педагогічної освіти і освіти дорослих. – К.: ККМО, 2010. – 420 с.
3. Сметана В.В. Социальные организации: структура, виды, организационная культура и организационный менеджмент/ В.И. Курбатов (науч. ред.). – М.: Совр. экономика и право, 2007. – 296 с.
4. Соболева И.В. Человеческий потенциал российской экономики: проблемы сохранения и развития/ И.В. Соболева; Институт экономики РАН. – М.: Наука, 2007. – 202 с.

КОМПОЗИТЫ В СОСТАВЕ РУССКИХ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ЦЕПОЧЕК

Ключевые слова: композиты, деривация, система в словообразовании, словообразовательное гнездо, словообразовательная цепочка, словообразовательная парадигма, морфонология, первичное и вторичное композитообразование, композиты-сложения, композиты-сращения, композиты-аббревиатуры, вторичные композиты-субстантиваты.

Key words: composites, derivation, system in word-building, word-building nest, word-building chain, word-building paradigm, morphonology, primary and secondary composite-building, composites-additions, composites-joins, composites-abbreviations, secondary composites-substantivates.

Словообразовательная цепь (цепочка) рассматривается как «ряд однокоренных слов, связанных между собой отношениями последовательной производности. Исходное слово цепи (оно же и исходное слово гнезда) является непроемким и выполняет функцию производящего. Слова последующих звеньев, кроме производящего, одновременно выступают как производные и производящие... В синтагматическом плане словообразовательное гнездо представляет собой совокупность словообразовательных цепочек, а в парадигматическом плане – совокупность словообразовательных парадигм» [1, с. 41]. Подобная дефиниция представлена и в работах Е.А.Земской: «совокупность производных, упорядоченная так, что каждая предыдущая единица является непосредственно производящей для последующей, напри-мер: **учи(ть) → учитель → учитель-ниц(а); белый → бел(ить) → побелить → побел-к(а); готовый → готови(ть) → заготовить → заготов-к(а)**. Эта единица выявляет ступенчатый характер словообразования. Она демонстрирует синтагматические отношения между однокоренными словами» [2, с. 30]. «Русская грамматика» определяет словообразовательную цепочку как «ряд однокоренных слов, находящихся в отношениях последовательной мотивированности» [3, с. 133]. Существенные свойства словообразовательных цепочек рассмотрены в статье А.И.Моисеева «Словообразовательная цепь как разновидность словообразовательной парадигмы» [4, с.84-91]. А.И.Моисеев подчеркивает, что научное представление о словообразовательных цепочках оформилось сравнительно недавно. «Главный недостаток имеющихся определений и характеристик словообразовательных цепей состоит в том, что словообразовательные цепи не поставлены в систему соответствующих явлений и понятий... Система словообразовательных объединений слов имеет иерархический характер и включает в себя... четыре звена (уровня). На одном уровне с цепями находятся словообразовательные пучки слов. Ниже цепей и вееров находятся словообразовательные пары, ещё ниже – отдельные слова, особенно одиночные слова (корневые слова, не ставшие производящими);

верхний уровень составляют словообразовательные деревья слов. Словообразовательные цепи и веера (пучки) т.е. парадигмы -объединения словообразовательных пар; различие между ними – в характере объединения словообразовательных пар: веер (пучок) слов – объединение при одном общем производящем слове (результат параллельного словообразования); словообразовательная цепь – объединение такое, что производное слово первой ступени становится производящим для второй и т.под. (результат последовательного словообразования)» [4, с. 85-86]. Опираясь на определение синтагматических и ассоциативных (парадигматических) отношений Ф. де Соссюра [5, с. 155], А.И.Моисеев считает, что отнесение словообразовательных цепочек к области словообразовательной синтагматики «совершенно неприемлемо: отношения мотивированного слова и мотивирующего, производного и производящего (т.е. отношения в словообразовательной паре), как и отношения словообразовательной цепи – типично парадигматические, а не синтагматические, ассоциативные, а не линейные» [4, с. 90].

Словообразовательные цепочки могут состоять из трех и более звеньев, совпадающих со ступенями словообразования (или деривационными шагами). Заметим, что теоретически можно считать минимальными и двухчленные цепочки, совпадающие фактически со словообразовательными парами (**производящее**→**производное**), т.е. словообразовательная пара представляет собой звено словообразовательной цепочки. Поскольку вершина гнезда – непроизводное слово, словообразовательные цепочки в составе композитосодержащих словообразовательных гнезд включают сложные слова, начиная с первого звена, т.е. это производные первой ступени, образованные от исходных слов. Композиты могут быть членами второго и последующих звеньев цепочек (до пятого звена). Если первичные композиты- сложения, сращения и аббревиатуры появляется на «ближних» звеньях, то вторичные композиты не ранее второго звена, чаще на более «далеких» звеньях. В ходе анализа использованы символы: **к1**-первичный композит, **к2**-вторичный композит, **кс**-композит-субстантиват, а также традиционное обозначение частей речи: **Н**-имя существительное, **А**- имя прилагательное, **В**- глагол, **Adv**-наречие, **Pron**-местоимение.

Композиты – сложения в структуре словообразовательных цепочек

$N \rightarrow N \rightarrow A \quad k1 \rightarrow V \quad k2 \rightarrow V \quad k2$

ум→разум→благоразумный→облагоразумить→облагоразумиться

$A \rightarrow V \rightarrow V \rightarrow A \rightarrow A \quad k1$

белый→белить→побелить→побеленный →свежепобеленный

$V \rightarrow V \rightarrow V \rightarrow N \rightarrow N \quad k1 \rightarrow N \quad k2 \rightarrow A \quad k2$

вести→провести→проводить→провод→трубопровод→

трубопроводчик→трубопроводный

$Pron \rightarrow N \quad k1 \rightarrow A \quad k2 \rightarrow N \quad k2 \rightarrow N \quad k2$

сам→самоход→самоходный→самоходка →самоходчик

$Adv \rightarrow A \rightarrow A \quad k1$

вне →внешний→внешнеполитический

Композиты-сращения в структуре словообразовательных цепочек

$N \rightarrow A_{\kappa 1} \rightarrow V_{\kappa 2} \rightarrow V_{\kappa 2}$

ум → сумасшедший → сумасшествовать → посумасшествовать

$A \rightarrow AbV \rightarrow A_{\kappa 1} \rightarrow N_{\kappa 2}$

$V \rightarrow A \rightarrow A_{\kappa 1} \rightarrow N_{\kappa 2}$

писать → писанный → нижеписанный → нижеписанное

Композиты-аббревиатуры в структуре словообразовательных цепочек

$N \rightarrow N_{\kappa 1} \rightarrow N_{\kappa 2}$

вода → водоканал → горводоканал

$A \rightarrow N_{\kappa 1} \rightarrow A_{\kappa 2} \rightarrow Adv_{\kappa 2}$

новый → нэп → нэповский → по-нэповски

$V \rightarrow N \rightarrow N_{\kappa 1} \rightarrow A_{\kappa 2} \rightarrow N_{\kappa 2} \rightarrow N_{\kappa 2}$

работать → работа → прораб → прорабский → прорабская → прорабка

Композитосодержащие СЦ в составе субстантивных, адъективных, глагольных, наречных и местоименных словообразовательных гнезд обнаруживают специфические свойства, связанные как с частеречной принадлежностью членов цепочек, так и с их количественным составом и способом словообразования производных. Наиболее разнообразны модели многозвеньевых глагольных СЦ, для которых характерно изменение частеречной принадлежности членов цепочки. В субстантивных и адъективных СЦ возможно сохранение общекатегориального значения исходного слова. СЦ демонстрируют возможность первичного и вторичного композитообразования: первичные композиты-сложения возникают во всех типах словообразовательных гнезд, композиты-сращения и композиты аббревиатуры в субстантивных, адъективных и глагольных СГ. СГ представлены все разновидности вторичного композитообразования. Наиболее частотны аффиксальные вторичные композиты (префиксальные, суффиксальные, постфиксальные, смешанные), имеющие место в субстантивных, адъективных и глагольных гнездах; вторичные композиты-субстантиваты и аббревиатуры представлены единичными примерами. Исследуемые композитосодержащие СЦ обнаруживают деривационную активность композитов разных типов, особенно сложений и аббревиатур: на их базе возможно последовательное вторичное композитообразование, насчитывающее до трех звеньев СЦ.

Литература

1. Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка. В 2-х т. Том 1. – М.: Русский язык, 1985;
2. Земская Е.А. О комплексных единицах системы синхронного словообразования // Актуальные проблемы русского словообразования: Тез. докл Респ. научн. конф. 21-23 сентября 1978. – Ташкент, 1978;
3. Русская грамматика. В 2-х т. Том 1. – М.: Наука, 1980;
4. Моисеев А.И. Словообразовательная цепь как разновидность словообразовательной парадигмы // Русская словообразовательная синтагматика и парадигматика. – Краснодар: КГУ, 1991;
5. Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1977.

Ратич М.Т.

кандидат філологічних наук, доцент

Тимчишин Л.С.

старший викладач

Львівський національний університет імені Івана Франка

КОМП'ЮТЕР ЯК ЗАСІБ ІНТЕНСИФІКАЦІЇ ВИВЧЕННЯ ІНОЗЕМНОЇ МОВИ

Ключові слова / Keywords: комп'ютер / computer, комп'ютерна навчальна програма / educational computer program, система вправ / system of tasks, формування навичок і вмінь / forming of skills and abilities, самостійна робота студентів / student's independent work.

Активне впровадження сучасних інформаційних технологій є одним із стратегічних напрямів реформування системи вищої освіти в Україні.

Практичне заняття, організоване за допомогою комп'ютера, дозволяє найповніше використовувати такі фактори ефективності навчання як самостійність і активність студентів, оперативність обробки результатів засвоєння навчальної інформації, інтенсивність зворотного зв'язку [2, с. 24].

Для успішного вивчення мови за допомогою комп'ютера надзвичайно важливою є тісна співпраця трьох основних компонентів цього процесу: студента, викладача та комп'ютера. В аудиторії, де іноземна мова вивчається з використанням новітніх технологій, основним елементом узгодженої командної роботи є викладач, який виконує роль розроблювача, наставника, порадирика та експерта.

При плануванні заняття з використанням комп'ютерної техніки треба враховувати скільки годин буде витрачено на підготовку до роботи з комп'ютером, безпосередню роботу з комп'ютером та роботу зі студентами після використання комп'ютера [1, с. 217].

Щоб створити належне середовище вивчення мови, викладачу необхідно не лише підібрати комп'ютерні програми відповідно до навчальних ситуацій, а й організувати пізнавальну діяльність студентів, враховуючи їх здібності, особливості пам'яті, мислення, попередні знання та вміння, рівень комп'ютерної грамотності та емоційну реакцію.

Сфера застосування комп'ютерів у навчанні іноземної мови надзвичайно широка. Комп'ютер рекомендується використовувати не тільки з метою ознайомлення студентів з новим матеріалом, а й для його закріплення та вживання у найрізноманітніших комунікативних завданнях і ситуаціях. Використання у навчальному процесі комп'ютерних класів відкриває широкі можливості для розвитку принципово нового виду самостійного навчання, яке стає керованим, контрольованим і адаптованим до індивідуальних особливостей студентів. Комп'ютер дозволяє встановити найсприятливіший для кожного студента темп і ритм навчальної діяльності; обирати мовний матеріал та рівень його складності, повертатись до матеріалу стільки разів, скільки це потрібно студенту, щоб його засвоїти. Саме впровадження комп'ютерів може вирішити одну із найбільш суттєвих проблем у

навчання іноземної мови поза мовним середовищем – проблему формування міцних лексико-граматичних навичок. За допомогою комп'ютерів можуть виконуватися різні види вправ: навчальні (для презентації лексичного чи граматичного матеріалу), тренувальні (для відпрацювання до автоматизму навичок і вмій), контролюючі (для перевірки рівня набутих знань).

Викладач має можливість аналізувати ситуацію в цілому і приділяти увагу кожному студенту індивідуально, не відволікаючи інших від роботи. Знімається такий психологічний фактор як страх зробити помилку чи неправильно сформулювати свою думку, що має місце під час відповіді перед аудиторією.

Обираючи програми, необхідно заздалегідь перевірити системні вимоги до їх використання. При побудові програм слід передбачити кількість кроків і завдань у кроках, необхідних для вироблення потрібних умінь та навичок у студентів з різними індивідуальними особливостями. А це означає, що кожна навчальна програма повинна мати альтернативні варіанти: корективний курс, поглиблений, вибірковий, курс на основі вільного пошуку з отриманням додаткової інформації і проблемним викладом матеріалу. Програма повинна базуватися на матеріалі тієї галузі знань, яку опановують студенти, на конкретних прикладах, щоб уникнути бездумної вербалізації, зазубрювання, механічної маніпуляції. Основною метою є розуміння, розвиток настанови на творчість, а не на репродукцію і відпрацювання окремих операцій. Тому доцільні завдання на встановлення залежностей, розвиток уміння розмірковувати, проводити аналогії, робити посилання, узагальнення і т.д.

Основною ознакою завдань для самостійної роботи є те, що це чітко сплановане навчання, організоване у відповідності до навчального алгоритму, яке включає керування системою послідовних самостійних дій студента на основі внутрішнього та зовнішнього зворотного зв'язку. Ось чому необхідно проаналізувати можливості методично конкретизованого діалогу та його складових: послідовної серії навідних питань, неодноразової їх постановки у різних модифікаціях, єдиної системи питань з тим, щоб у кожному наступному питанні містилася певна кількість нової інформації. Проте всі ці питання повинні бути об'єднані і спрямовані на поетапне розкриття всіх нових аспектів явища, яке розглядається, щоб зорієнтувати студента на самостійний пошук та щоб наростання складності підходу до проблеми відбувалось поступово.

Поетапність у засвоєнні інформації визначається чіткою послідовністю подання певних „доз” інформації, яку треба засвоїти, з наступним визначенням рівня цього засвоєння, залежність від того, чи це звичайне питання чи контрольне, вибір варіанта відповіді, відтворення оптимальної інформації чи застосування окремих знань на практиці.

Дотримання принципів індивідуального підходу при складанні та використанні навчальних комп'ютерних програм передбачає диференційоване подання інформації залежно від попередніх відповідей студента, варіативність стратегії тактики навчання на основі індивідуального підходу до кожного студента, надання студентам можливості проявити ініціативу. Навчальні програми стимулюють такі самостійні дії студентів як постановка питань, пошук нової інформації, ілюстрованих прикладів, короткого огляду матеріалу, пояснень і конкретизації. Індивідуальний підхід формується на основі інформації про темпи просування у засвоєнні матеріалу, про характер труднощів та кількість помилок.

Невід'ємним компонентом кожної складеної програми для самостійної роботи мусить бути системність і послідовність у вивченні матеріалу. Якщо матеріал навчальної програми використовувати селективно, викидаючи окремі розділи, то при такому самостійному опрацюванні у знаннях студентів неодмінно з'являться прогалини. Використовуючи для самостійної роботи програму, складену на принципах системності, студент навіть не буде намагатися „перескочити” від одного розділу до другого, оскільки відразу стане очевидним, що при невпорядкованому і непослідовному підході порушується чітка структура викладу, а спеціально закладені у програмі прийоми керування розумовою діяльністю втрачають сенс.

Слід відзначити, що навчальні комп'ютерні програми сприяють розвитку самостійності студента як психологічної особистої риси. По-перше, це відбувається завдяки включенню в активну роботу. Студент не може не взяти на себе певну міру відповідальності і незалежності, коли він повинен самостійно засвоїти інформацію відповідного розділу навчальної програми, вибрати одну із відповідей у завданні, опрацювати інформацію при неправильному виборі відповіді. Програма, складена за принципом диференційованого підходу до знань, змушує думати кожного студента: і сильного, і слабого.

По-друге, самостійність може бути сформована лише при зміцненні почуття впевненості у своїх можливостях. Впевненість виникає тоді, коли студент отримує за допомогою багатьох диференційованих ключів навчальної програми підтвердження про те, що він дає правильні відповіді, і що всі помилки виправлені. Самостійність як наслідок вільних, нічим не скованих відповідей в умовах групової аудиторної роботи формується тоді, коли студент знає, що ніщо не загрожує почуттю його власної гідності, що воно не може бути принижене через невпевнені чи помилкові відповіді.

По-третє, самостійність розвивається лише в умовах проблемності. Добре складена програма орієнтує на створення обстановки проблемної гри, коли студент мобілізує свої здібності у змаганні з труднощами матеріалу без сторонньої допомоги. „Змагання” з програмою закінчується її засвоєнням, „перемогою” над нею, і успіх, досягнутий самостійним зусиллям, викликає у студента почуття гордості і задоволення від досягнутого та прагнення діяти самостійно і в майбутньому. Навчальна програма, побудована з урахуванням принципів проблемності, включає в себе поетапний розвиток розумових операцій, які з кожним кроком все більше і більше ускладнюються (ознайомлення, пізнання, розуміння, аналіз, синтез, співставлення, оцінка, застосування, включення в широку систему знань вищого рівня).

По-четверте, прагнення працювати самостійно викликає лише програма, яка базується на завданнях з можливістю самоперевірки при умові негайного повідомлення про результат кожної виконаної навчальної операції.

Дуже важливо, щоб програми, які використовуються у навчальному процесі, мали конкретну цільову спрямованість. Якщо ж мета вказана не чітко, від неї легко відмовитися, якою б бажаною вона не була. Будь-яка мета, не сформульована як система, яка складається з конкретних одиниць, конкретних розумових дій, є недоступна.

Отже, ефективність самостійної роботи студентів значною мірою залежить від якості навчальних комп'ютерних програм. Популярністю користуються програми, які притягують та зосереджують увагу студента. Оскільки ні одна програма не може вмістити такий універсально важливий матеріал, який викликає загальний

інтерес, вона повинна мати конкретного адресата і бути зорієнтованою на адаптацію його інтересів, завдань, потреб.

При виборі навчальних програм рекомендується враховувати такі параметри як: обсяг інформації, відповідність до програми курсу, рівень доступності, кількість часу, необхідного для засвоєння матеріалу, логіку викладу та структурного оформлення (розмір окремих розділів, кількість відповідей, ключів, помилок при відповідях), диференційованість програми, її альтернативні форми, співвідношення початкового та кінцевого рівня знань, врахування індивідуальних результатів, вплив і емоційність коментарів автора, наявність підказок та непрямой інформації, які настановлюють на правильну відповідь, апробацію програми та відгуки колег і студентів. На жаль, застосування навчальних комп'ютерних програм порівняно вузька, а ціна досить висока. Крім цього, сьогодні більшість досвідчених методистів не готова долучитися до створення їх нової методологічної бази.

Комп'ютер є не тільки ефективним і об'єктивним способом контролю за діяльністю студентів зі сторони викладача, а й засобом формування та вдосконалення самоконтролю. Студент може запитати і отримати пояснення чи необхідну додаткову інформацію за короткий проміжок часу.

Багатим джерелом потенційних навчальних ресурсів, які пропонують цікавий інтерактивний навчальний інструментарій, є Інтернет. Завдяки йому студенти мають можливість працювати з оригінальними текстами з фаху, користуватися електронними словниками, отримувати корисну для відтворення мовленнєвої ситуації аудіо і відео інформацію. Він забезпечує розвиток усіх чотирьох мовних навичок (читання, письма, мовлення і аудіювання), електронну доставку курсових робіт та їх оцінювання, дистанційне спілкування викладач-студент, вільне обговорення тем в режимі on-line [3, с. 99]. Використання Інтернет-ресурсів значно підвищує мотивацію навчання, поглиблює інтерес до нього, сприяє міжкультурній освіті студентів і розширює можливості їх мобільності.

Водночас слід мати на увазі, що робота з комп'ютером стомлює студентів, погано впливає на зір і може викликати розлад нервової системи. Комп'ютеризоване навчання значно обмежує можливості усного мовлення, не розвиває здатності студентів чітко і образно висловлювати свої думки.

Зважаючи на те, що кожного року все більше і більше студентів почуваються комфортно, використовуючи комп'ютер, і позитивно відносяться до вивчення іноземної мови за його допомогою, викладачам також варто ознайомлюватися з новими технологіями та брати на себе відповідальність за власний професійний розвиток у середовищі вивчення іноземної мови за допомогою комп'ютера.

Література

1. Борова Т.А. Формування вмінь самокорекції у студентів при використанні комп'ютерів на заняттях з англійської мови // Міжнародний форум „Мовна освіта: шлях до євроінтеграції”: Тези доповідей / За ред. С.Ю. Ніколаєвої, К.І. Онищенко. – К: Ленвіт, 2005.
2. Величко Г.Г. Комп'ютерні технології навчання: Зб. наук. праць.- Київ-Вінниця, 2002.
3. Токменко О. Інформаційні технології у викладанні іноземних мов: сьогодні і скрізь // Іноземні мови в навчальних закладах. 2006. – № 2.

ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОЦЕНОЧНАЯ ФУНКЦИЯ МЕТАФОРЫ В РОМАНЕ ТЕОДОРА ДРАЙЗЕРА «СЕСТРА КЕРРИ»

Аннотация. В данной статье будет рассмотрена связь метафоры с выражением чувств и эмоций литературных персонажей, а также выявление оценочного компонента метафоры для достижения эмоционального воздействия на читателя.

Ключевые слова: оценочный компонент метафоры, фокус и рамка метафоры, Сестра Керри

Исследователи отводят метафоре важную роль в создании *экспрессивно окрашенных единиц* или фрагментов текста. **Эмоциональный** компонент значения может быть узуальным или окказиональным. Слово или его вариант обладает эмоциональным компонентом значения, если выражает какую-нибудь эмоцию или чувство. Эмоцией называется относительно кратковременное переживание: радость, огорчение, удовольствие, тревога, гнев, удивление, а чувством — более устойчивое отношение: любовь, ненависть, уважение и т.п. Эмоциональный компонент возникает на базе предметно-логического, но, раз возникнув, характеризуется тенденцией вытеснять предметно-логическое значение или значительно его модифицировать. [1, с124] В коннотативном значении кроме *эмоционального* компонента, принято различать *экспрессивный, оценочный и стилистический* компоненты. Эти четыре компонента могут либо выступать все вместе, либо один или несколько компонентов могут отсутствовать. Эмоциональный компонент предполагает выражение определенной эмоции. Слово обладает коннотативным экспрессивным компонентом, если своей образностью или другим образом оно акцентирует названное в нем самом или в других синтаксически связанных с ним словах. Оценочный компонент больше чем другие связан с предметно-логическим значением, уточняет и дополняет его. Стилистическим компонентом обладают слова, употребление которых ограничено рамками того или иного функционального стиля. [1, с 126-127] Коннотативное значение связано с условиями и участниками общения: их отношением к предмету речи, друг к другу и обстановке коммуникации. Коннотации могут быть узуальными и окказиональными. Часто отмечается, что метафора является одним из наиболее выразительных речевых средств, отличающихся высокой информативностью. Особенно широко представлены в речи метафоры, которые используются для эмоционально-оценочной характеристики человека, что связано с антропоцентричностью языка. Метафора, как правило, содержит очень точную и яркую характеристику лица.

Многие авторы солидарны в том, что метафора служит как выражению эмоций, так и эмоциональному воздействию на читателя, (Арнольд, Гальперин, Арутюнова) Во многих случаях эмоции зависят не от объективной ситуации, а от нашей интерпретации ситуации. Авторы отмечают, что в английском языке существует достаточно большое количество обозначений эмоций, что уменьшает необходимость

прибегать к метафорическим описаниям. Однако метафоры используются и тогда, когда нет необходимости заполнять лингвистические лакуны. Поэтому само описание сферы чувств и эмоций с помощью метафоры повышает экспрессивность высказывания. Н.Д. Арутюнова изучает использование метафоры для обозначения различных психических состояний и эмоций. Описание внутренней жизни, чувств и эмоций требует определенного набора лингвистических средств выражения, вербализующих их признаки, т.е. прилагательных и глаголов. Для этой цели не всегда пригодны слова в их прямом номинативном значении, поскольку речь идет о воссоздаваемом, а не наблюдаемом мире. «Поскольку внутренний мир человека моделируется по образцу внешнего, материального мира, основным источником психологической лексики является лексика «физическая», используемая во вторичных метафорических смыслах». [3, с 387]. Предикаты, применяемые для сообщений об этом мире, не только описывают, но и непосредственно создают его. Поэтому их изучение проливает свет не только на процесс формирования несвободной сочетаемости слов, но и на структуру и свойства человеческой психики. Отбор предикатов для сообщений о психической сфере обычно диктуется общим образным рядом, на основе которого воссоздается духовная жизнь людей. [3, с 387]:

Большинство метафорических проекций как таковых могут быть как положительными, так и отрицательными с оценочной точки зрения. Важно помнить, что метафора как скрытый смысл несет в себе некоторую информацию, не выраженную эксплицитно. Рассматриваемый вне контекста языковой метафорический материал может быть интерпретирован и как положительный, и как отрицательный, и как нейтральный с точки зрения оценки в зависимости от знания ситуации оценки, субъекта пользы и ценностных установок адресата/интерпретатора. «Метафора опознаётся только благодаря присутствию в ней художественного начала. Она с необходимостью предполагает ту или иную степень артистизма. Не может быть метафор, лишённых артистизма, как не бывает шуток, лишённых юмора» [8, с 173].

Кроме того, важно говорить об оценке применительно к целым высказываниям. Оценочное членение мира является вторичным. Оно обусловлено социально (отражает ценности, принимаемые социумом, к которому принадлежит индивид, а также индивидуальные ценности и их иерархию). Также на особенность прочтения метафоры как положительной или отрицательной влияют не только принадлежность оценочного субъекта определенному социуму, имеющему некоторую ценностную парадигму, но и *индивидуальная ценностная картина мира* и индивидуальные особенности восприятия.

Среди факторов, влияющих на интерпретацию оценки, можно выделить следующие: зависимость от субъекта пользы, принадлежность оценивающего субъекта к определенной группе, субъективная иерархия ценностей. Оценка формируется путем наложения системы ценностей на оценочную шкалу. Таким образом, все метафорические проекции обладают аксиологическим потенциалом, который актуализируется в коммуникативной ситуации. Вне коммуникативной ситуации и контекста высказывание может быть рассмотрено как дескриптивное. При включении в коммуникативную ситуацию дескриптивное высказывание может приобретать оценочность и становится оценочным.

Роман открывается подробно выписанным портретом главной героини —

Каролины Мибер, или сестры Керри, как ее звали домашние. Она росла в рабочей семье, но не ужилась в ней, как можно понять, в силу неясных для нее самой причин. Кроме того, поясняет писатель, эгоизм составлял основную черту ее характера, в котором «живым огнем горели мечты юности». Девушка попадает в большой город (Чикаго, Нью-Йорк, Дейтройт, Монреаль) и для сопоставительной оценки действительности, автор применяет метафоры. Большинство метафорических проекций как таковых могут быть как положительными, так и отрицательными с оценочной точки зрения автора. Метафора служит как выражению эмоций, так и эмоциональному воздействию на читателя. Метафора состоит из рамки и фокуса. **a roar of life** -рев жизни. перен.*бурное кипение жизни*; где фокусом метафоры является **a roar, a ramkoj of life**. **Оценочный** компонентом значения содержится в фокусе метафоры, выражает положительное или отрицательное суждение о том, что он называет, т.е. одобрение или неодобрение. Например, метафора **an inconspicuous drop in an ocean** – ничтожная капля в океане; перен.*судьба человека незаметна* **an inconspicuous drop** несет значение оценки.

Метафоры, выражающие громадность американских городов

a roar of life- рев жизни. перен.*бурное кипение жизни*; **array of human hives** –скопление людских ульев; **falsehoods into the unguarded ear** – лживыми уверениями пленять неискушенное ухо; **Scraps of conversation**- обрывки разговоров; **notes of laughter** –взрывы смеха; **wall-lined mysteries(streets), strange mazes(offices)** –два ряда тайн,загадочные лабиринты;

a great sea of life and endeavour- огромное море желаний и дерзаний; перен. *мир людей*; **an inconspicuous drop in an ocean** – ничтожная капля в океане; перен. *судьба человека незаметна*;

Метафоры, выражающие степень влюбленности мужчин в Керри

a vessel rolling and floundering without sail – судно отданный во власть волн и лишившийся парусов, перен. *задумавший бросить семью и остаться без опоры семьи*; **the fire of youth** – огонь юности, перен. *готовность влюбиться как в молодости*; **neither read nor see** – не читать и не видеть, перен. *неспособный читать чужие мысли*; **a mass of jangling fibres** – масса переплетающихся волокон, перен. *клубок трепещущих нервов*;

Метафоры, выражающие чувства и характер Керри

a mixture of anger at deception, sorrow –сумбур боли утраты и сожаления; **no vague ideas any longer** – без завесы перед глазами; **a boiled blood** – закипевшая кровь, перен. *сильно возбужденный*; **lovely possessor of his heart** –прекрасная хозяйка его сердца, перен. *владычица его сердца*; **a voice of dissolving fire** – голос огня, перен. *голос всепоглощающей страсти*; Затем, увлеченная еще более радужной перспективой, уезжает в Канаду вместе с бросившим семью Герствудом, которого она любит еще меньше. Но Керри не способна любить. О чувствах, испытываемых Керри в момент, когда Герствуд предлагает ей стать его женой, Драйзер говорит: «Если она не захочет опереться на него, не ответит на его любовь, то куда же ей после этого деваться». Керри, сказано в романе, обладала залогом блестящего драматического таланта. Но Керри, в сущности, было безразлично, какова природа ее таланта, и Драйзер умело показывает ответственность общества за растрату этого человеческого достояния. Для Керри не имеют значения средства достижения цели, лишь бы «за-

рабатывать достаточно на жизнь, одеваться по своему вкусу, идти, куда хочешь, и делать, что хочешь, — о, как это было бы хорошо!».

О театре она думает как о двери, «через которую можно проникнуть в столь прельщавшую ее, сверкавшую позолотой жизнь». Керри вроде бы силой своего характера выбилась «в люди», но счастья она все же не добилась. Вот почему такой грустью овеян конец романа: «В своей качалке у окна ты будешь одиноко сидеть, мечтающая и тоскуя! В своей качалке у окна ты будешь мечтать о таком счастье, какого тебе никогда не изведать!»

«... Know, then, that for you is neither surfeit nor content. In your rocking-chair, by your window dreaming, shall you long, alone. In your rockingchair, by your window, shall you dream such happiness as you may never feel». [10, ch.16].

«...finally it struck her that the door to life's perfect enjoyment was not open» – «... внезапно поняла, что дверь за которой таится человеческое счастье, так для нее и не открылась.» [9, гл.45].

Использованная литература:

1. Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка. – Флинта-2002,4-изд. – 317с
2. Арутюнова Н.Д. Метафоры и дискурс // Теория метафоры / Н.Д. Арутюнова, М.А. Журинская. – М.: Прогресс, 1990. – 512с.
3. Гальперин И.Р. Очерки по стилистике английского языка – Издательство литературы на иностранных языках. – М.,.-317 с
4. Grey W. Metaphor and meaning // Minerva – An Internet Journal of Philosophy Volume 4, ISSN 1393-614X – <http://www.ul.ie/~philos/vol4/metaphor.html>
5. Lakoff G. The contemporary theory of metaphor – In A. Ortony (Ed.) Metaphor and thought.– 1993.-
6. Skorczynska H. Metaphor in scientific business journals and business periodicals: an example of the scientific discourse popularisation // Iberica 3. – 2001. – . 295с
7. Блэк М. Метафора // Теория метафоры / Н.Д. Арутюнова, М.А. Журинская. – М.: Прогресс, 1990.-. 515с
8. Empson W. Some Versions of Pastoral. London, Chatto and Windus, 1935.
9. Драйзер Т. Сестра Керри// Москва. Художественная литература- 1987 г.-382 с
10. Theodore_Dreiser_Sister_Carrie.